

ISSN 2220-7929

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

ВІСНИК

Харківського національного університету
імені В. Н. Каразіна

№ 1050

Серія «ІСТОРІЯ»

Спеціальний випуск

Заснована 1964 р.

Харків 2013

Редакційна колегія:

д-р іст. наук, професор	С. І. Посохов (відп. редактор) (ХНУ імені В. Н. Каразіна)
канд. іст. наук, доцент	Ю. В. Буйнов (ХНУ імені В. Н. Каразіна)
канд. іст. наук, професор	В. М. Духопельников (ХНУ імені В. Н. Каразіна)
канд. іст. наук, доцент	В. Ю. Іващенко (ХНУ імені В. Н. Каразіна)
д-р іст. наук, професор	В. В. Калініченко (ХНУ імені В. Н. Каразіна)
канд. іст. наук, професор	С. М. Куделко (ХНУ імені В. Н. Каразіна)
д-р іст. наук, професор	С. О. Наумов (ХНУ імені В. Н. Каразіна)
канд. іст. наук, професор	Є. П. Пугач (ХНУ імені В. Н. Каразіна)
канд. іст. наук, доцент	О. А. Ручинська (відп. секретар) (ХНУ імені В. Н. Каразіна)
д-р іст. наук, професор	О. С. Сенін (РДГУ)
д-р іст. наук, професор	І. П. Сергєєв (ХНУ імені В. Н. Каразіна)
д-р іст. наук, професор	С. Б. Сорочан (ХНУ імені В. Н. Каразіна)
канд. іст. наук, доцент	О. П. Чижев (ХНУ імені В. Н. Каразіна)
д-р іст. наук, професор	І. Тодев (БАН)
д-р іст. наук, професор	О. О. Чувпило (ХНУ імені В. Н. Каразіна)
канд. іст. наук, професор	І. Т. Шатохін (НДУ «БелДУ»)

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61022 Харків, майдан Свободи, 4, Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, історичний факультет. Тел.: (057) 707-54-78; факс: (057) 702-03-79

E-mail: istvestnik@gmail.com; сайт: <http://www-history.univer.kharkov.ua>

Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — 2013. — № 1050: Сер. «Історія». — Вип. 46. — 308 с.

Спеціальний тематичний випуск «Вісника» присвячений проблемам історії Російської імперії, зокрема чильну увагу приділено історії Вітчизняної війни 1812 р.

Для викладачів, науковців, студентів і всіх, хто цікавиться історією.

Специальный тематический выпуск «Вестника» посвящен проблемам истории Российской империи, в частности особое внимание уделено истории Отечественной войны 1812 р.

Для преподавателей, научных работников, студентов и всех, кто интересуется историей.

Статті пройшли внутрішнє та зовнішнє рецензування

Свідоцтво про державну реєстрацію КВ № 11825-696 ПР від 04.10.06

ЗМІСТ**ІСТОРІОГРАФІЯ ТА ДЖЕРЕЛОЗНАВСТВО**

<i>Ващенко А. В.</i> Проекти й пропозиції щодо реформування системи місцевого управління та самоврядування Російської імперії на сторінках «Русского вестника» (1856–1889 рр.)	7
<i>Казьмирчук М. Г.</i> Особливості джерел особового походження учасників Вітчизняної війни 1812 р.	19
<i>Кудь А. О.</i> Спогади гімназисток та викладачів як джерело із вивчення повсякденного життя жіночих гімназій Російської імперії другої половини XIX — початку XX ст.	28
<i>Стрілюк О. Б.</i> Національна політика П. А. Столипіна в російській дореволюційній та радянській історіографії	40
<i>Сеніна Л. В.</i> Точки біфуркації у Східному питанні в інтерпретації сучасних англомовних істориків	56

ПРОБЛЕМИ БІОГРАФІСТИКИ

<i>Ганкевич В. Ю.</i> Геренал-поручик Віктор Амадей Принц Ангальт-Бернбург-Шаумбург-Хоймський — вчитель генерал-фельдмаршала князя М. Б. Барклая де Толлі	68
<i>Марасанова В. М.</i> 1812-й год в судьбе семьи: Александр Тучков и Маргарита Нарышкина	81
<i>Рахно О. Я.</i> Чернігівські земці — члени Державної ради Російської імперії	91
<i>Ячменихин К. М.</i> А. А. Аракчеев в 1812 г.	105
<i>Лапина М. С.</i> В. Н. Каразин и «дело о ремесленниках» (об истоках развития торгово-промышленного Харькова, его культуры и благоустройства)	115

ІСТОРІЯ РОСІЙСЬКОЇ ІМПЕРІЇ ХІХ – ПОЧАТКУ ХХ ст.

<i>Шаповалов В. А.</i> «Белые ручки — чужие труды любят»: поместье дворянство в российском общественном сознании 50-90-х гг. XIX в.	134
<i>Горак А.</i> Толкование понятия «русское происхождение» и его применение в процессе русификации Люблинского губернского управления (1867—1915)	148
<i>Бакуменко Е. А.</i> Социально-экономическая деятельность земств как фактор формирования гражданского общества в Российской империи конца XIX — нач. XX вв.	160
<i>Ёлкин А. И.</i> Пленные поляки в Слободско-Украинской губернии в 1812—1814 гг.	172
<i>Желтобородов А. Н.</i> Рекрутские присутствия Слободско-Украинской губернии в 1812 г. (по материалам Государственного архива Харьковской области)	181
<i>Потрашков С. В.</i> Харьков и губерния в годину Отечественной войны 1812 г.	194
<i>Белоусов С. В.</i> Социальные конфликты в Среднем Поволжье в «эпоху войны 1812 года»	206
<i>Шатохин И. Т.</i> Роль протекции в карьере российского чиновника середины XIX — начала XX вв.	223
<i>Шатохина С. Б.</i> Эволюция отношения провинциального общества к образованной женщине во второй половине XIX — начале XX вв.	241
<i>Шаповалова С. П.</i> Отношение к женскому образованию в крестьянской среде 60-90-х гг. XIX в. (по материалам Центрального Черноземья)	256
<i>Гула Р. В.</i> Формування та розвиток державного патріотизму у системі монархічної ідеології в Російській імперії ХІХ — початку ХХ ст.	267
<i>Бучаста С. І.</i> Система розселення поселеної кавалерії у Слобідсько-Українській губернії у 1817—1822 роках	278

РЕЦЕНЗІЇ ТА ОГЛЯДИ

<i>Черный Д. М.</i> История России XVI—XIX столетий на страницах научно-популярных изданий (Рец. на кн.: Духопельников В. М. Крымская война. — Х.: Фолио, 2009. — 120 с.; Духопельников В. М. Петр Первый. — Х.: Фолио, 2011. — 120 с.; Духопельников В. М. Иван Грозный. — Х.: Фолио, 2011. — 120 с.)	290
<i>Куделко С. М., Павлова О. Г.</i> Международная студенческая школа: из опыта сотрудничества исторических факультетов Харьковского и Белгородского университетов	293
Список скорочень	304
Відомості про авторів	305

УДК 94(74)«18»:352

**Проекти й пропозиції щодо реформування
системи місцевого управління та самоврядування
Російської імперії на сторінках «Русского
вестника»
(1856–1889 рр.)**

Ващенко А. В.

Vaschenko A. V. The Projects and Proposals of Reforming the System of Local Control and Self-Government of Russian Empire in the Pages of «RusskiyVestnik» (1856–1889). The article bases on the analysis of famous literary and political magazine «RusskiyVestnik» and focuses on projects and proposals of reforming the system of local control and self-government of Russian empire in 1856–1889 which were published and discussed in the pages of the magazine. The most relevant issues of local control are emphasized and projects and proposals for their solution are analyzed.

Keywords: Russian empire, «Russkiy Vestnik», M. N. Katkov, local control system, official, self-government, project.

Ващенко А. В. Проекты и предложения относительно реформирования системы местного управления и самоуправления Российской империи на страницах «Русского вестника» (1856–1889 рр.). В статье, на основе анализа публикаций известного литературно-политического журнала «Русский вестник», акцентируется внимание на проектах и предложениях относительно реформирования системы местного управления и самоуправления Российской империи периода 1856–1889 гг., которые нашли отражение и обсуждались на страницах

журнала. Выделены наиболее актуальные проблемы местного управления, проанализированы проекты и предложения для их решения.

Ключевые слова: Российская империя, «Русский вестник», М. Н. Катков, система местного управления, чиновник, самоуправление, проект.

Ващенко А. В. Проекты й пропозиції щодо реформування системи місцевого управління та самоврядування Російської імперії на сторінках «Русского вестника» (1856–1889 рр.). У статті, на основі аналізу публікацій відомого літературно-політичного журналу «Русский вестник», увагу сконцентровано на проектах і пропозиціях щодо реформування системи місцевого управління та самоврядування Російської імперії періоду 1856–1889 рр., котрі обговорювались на сторінках журналу. Визначені найбільш актуальні проблеми місцевого управління й проаналізовані проекти та пропозиції для їхнього вирішення.

Ключові слова: Російська імперія, «Русский вестник», М. Н. Катков, система місцевого управління, чиновник, самоврядування, проект.

Друга половина XIX ст. у історії Російської імперії позначена зростанням впливу публіцистики, котра, з одного боку, формує громадську думку, а з іншого – є проявом суспільного дискурсу, віддзеркаленням найважливіших проблем. Також варто наголосити, що вона справляє вплив і на формування загальної стратегії держави, передовсім у сфері управління. У цьому контексті варто вказати на постать відомого російського публіциста, літературного критика і громадського діяча М. Н. Каткова (1818–1887), котрий 1856 р. стає редактором літературно-політичного журналу «Русский вестник», а з 1862 р., разом із М. П. Леонтьєвим, очолює «Московские ведомости». Еволюція поглядів М. Н. Каткова від ліберальних до

консервативних, що почасти знайшло відображення і на сторінках «Русского вестника», є показовою для багатьох освічених представників покоління середини – другої половини XIX ст. і була обумовлена як розчаруванням ліберальними реформами 1860–1870-х рр., так і перебігом загальноєвропейського історичного процесу, котрий спонукав до роздумів стосовно подальшого розвитку Російської імперії.

У сучасній історичній науці, як вітчизняній, так і зарубіжній, передовсім російській, суттєво зростає інтерес до консерватизму імперського періоду та його ідеологів, зокрема й М. Н. Каткова [9; 10; 12; 15; 17; 25; 26; 32]. Також достатньо висвітленими є окремі аспекти впливу російської публіцистики, зокрема й «Русского вестника» на формування суспільного дискурсу другої половини XIX ст. [20]. Проте, поза увагою науковців лишається ще чимало питань, зокрема й щодо оцінки функціонування системи місцевого управління й самоврядування та проектів їхньої реорганізації на сторінках «Русского вестника». Відтак, маємо за мету виокремити головні проблеми у системі місцевого управління, самоврядування та частково місцевого судочинства періоду 1856–1889 рр., й проаналізувати проекти та пропозиції щодо реорганізації цієї царини, запропоновані дописувачами журналу. Це дозволить сформувати більш повне уявлення про особливості функціонування місцевого управління.

Передовсім варто наголосити, що на сторінках «Русского вестника» визначені проблеми обговорювали як відомі фахівці у галузі юриспруденції та державного права (О. Градовський, О. Полюмбецький, С. Баршев, М. Зарудний), так і службовці-практики, котрі досконало знали механізм функціонування системи (С. Громека, В. Безобразов, А. Фет, С. Славутинський, В. Хотяїнцов та ін.). Серед кореспондентів журналу були й анонімні автори (Н.; Д.В.; П.Б.; Д. Д.). Літературна частина журналу також є цікавим джерелом із вказаної проблематики, адже образ чиновника, змальований відомими літераторами, зокрема М. Щедріним [36; 37], О. Афанасьєвим-Чужбинським

(«А. Чужбинский») [35] та ін. [1], був проекцією загальної картини місцевого управління.

Також слід наголосити на важливості введення до суспільного дискурсу питання організації системи місцевого управління у європейських країнах, передовсім Англії, Франції та Німеччині. Відтак пошук оптимальної моделі місцевого управління відбувається на фоні аналізу та оцінки зарубіжного досвіду [5; 11; 13; 14; 39]. При цьому більшість дописувачів наголошують на недоцільності його бездумного копіювання [4, с. 581].

Досить гострої критики зазнали селянські пореформені установи, створені після реформи 1861 р. Серед найбільших проблем селянських самоврядних інституцій називались: кумівство, низький моральний та освітній рівень старост та старшин (що перетворювало писаря на центральну фігуру самоврядування), незнання законів, пиятика на сходах, упереджені приговори тощо [21, с. 445–476]. Головними ж недоліками волосного суду дописувачі називають кумівство, неграмотність суддів, а відтак – сумнівна справедливість постанов. Для виправлення ситуації С. Лугінін пропонує участь мирового судді у діяльності волосного суду [16, с. 397].

Для виправлення ситуації більшість авторів висловлювались за посилення ролі дворянства у системі місцевого управління. Так, В. Безобразов виступав за активну роль аристократії у самоврядуванні, котра має застосовувати «свої сили на благо суспільства» [3, с. 52], подібну думку висловлював і «М-ський» [18]. Для підтвердження такого висновку абсолютно усі кореспонденти вказували, що серед найбільш ефективних інститутів місцевого управління був суто дворянський інститут мирових посередників. В. Безобразов, наголошуючи на високому рівні довіри селян до нього, особливу увагу акцентував на високому моральному, професійному рівні мирових посередників, їхньому відповідальному ставленні до своїх обов'язків [4, с. 555–556].

Інша магістральна лінія, котрої дотримуються більшість

дописувачів консервативного напрямку – повернення до традиційної для Росії моделі поєднання судових та адміністративних повноважень на нижчих щаблях управління. Ще на етапі підготовки реформи 1961 р. М. Катков, посиляючись на досвід мирової юстиції в Англії, висловлювався про доцільність такого кроку. Поряд із цим він наголошує, щоб такі посади були привабливими для заможних дворян, слід зробити їх більш вагомими [29, с. 92, с. 100]. Аналізуючи майже двадцятилітній період функціонування нових установ, «П. Б.» зазначає, що принести істотну користь може тільки близька до народу влада [21, с. 474]. Висловлювалась думка, що селянин не розуміє й не схвалює розподілу влад, сприймаючи це як додаткові витрати часу й грошей. Відтак над селянським самоврядуванням слід поставити інститут із одноосібною владою [22, с. 267]. У цьому ж контексті висловлюється й В. Хотяінцев, котрий, маючи значний службовий досвід (був мировим посередником, повітовим предводителем, головою повітової земської управи, мировим суддею), наголошував, що «головне зло – це відсутність порядку та влади, котра здатна цей порядок підтримувати» [34, с. 839]. О. Фет, зазначав, що мирові посередники добре справились із своїм завданням, бо поєднували адміністративну та судову владу й мали засоби для накладення стягнень [33, с. 388–410]. М. Семенов також пропонував місцевий суд поєднати із адміністрацією [27, с. 316–317].

Найбільш повно та логічно ідея необхідності реорганізації місцевого управління на принципах поєднання у одному інституті адміністративних й судових повноважень та надання йому статусу дворянського представлена у публікації О. Д. Пазухіна «Сучасний стан Росії та станове питання», що стала своєрідним законодавчим маніфестом для міністерства Д. А. Толстого. Повітовий предводитель дворянства Алатирського повіту Сибірської губернії Олексій Дмитрович Пазухін потрапив до Кахановської комісії 1884 р. у числі т. зв. «сведущих людей» і розгорнув активну діяльність згідно зі своїми консервативними

поглядами. У спілці з М. Н. Катковим вони визначили стратегічний напрямок законодавчої діяльності міністра. О. Д. Пазухін брав участь у розробці законів про обмеження селянських сімейних розділів та про наймання на сільгоспроботи (1886 р.). Однак найважливішим його внеском до законодавства Російської імперії став Закон про земських начальників від 12 липня 1889 р. Стратегічні концепти цього закону знайшли відображення у публікації на сторінках «Русского вестника».

Порівнявши сучасний йому стан Росії із смутою XVII ст. і охарактеризувавши його як «...поширення анархічних вчень, падіння всякого авторитету влади, ..., занепад релігії, моралі, сімейних засад», автор вказував на головну причину цих явищ – запровадження буржуазного всестанового принципу. Позитивно оцінюючи звільнення селян, О. Д. Пазухін наступні буржуазні перетворення (земську, судову, міську та військову реформи) називав помилкою, бо вони не мали історичних коренів у Росії. Найбільшій критиці він піддавав земство, котре стояло осторонь державної системи управління і було побудоване на безстановому принципі. О. Д. Пазухін зазначав, що «порядок, котрий нині існує, страждає ... від відсутності того елемента, котрий складає душу місцевого управління». Під «душею» він розумів дворянство, яке було головною опорою існуючого ладу, зв'язуючою ланкою між самодержавством і народом. Відтак О. Д. Пазухін пропонував відновити становий принцип у системі управління, перетворити земства на державні органи влади і головне – поновити всі станові привілеї та переваги дворянства: «лише повернувши дворянству його привілеї по державній та земській службам, можна скріпити зв'язки між урядом і дворянством, між дворянством і землею». Але при цьому автор вважав, що слід урахувувати зміни, привнесені реформами 1860–1870-х рр. [23, с. 5-58].

Загальні засади реорганізації місцевого управління представлені й М. Семеновим, котрий досить гостро критикував ліберальні перетворення 1860–1870-х рр. Називає їх бездумним західним запозиченням і як результат – усі місцеві установи

почали конкурувати та конфліктувати: суди з поліцією, адміністрація із земством, земство з усіма урядовими установами. Відтак він окреслює ряд базових принципів для перетворень на місцевому рівні: об'єднати всі частини і відомства адміністрації на рівні губернії у губернському правлінні, а повітові – у повітовому, підпорядкувавши їх Сенату; чітко окреслити коло повноважень земств та встановити природний зв'язок земських та урядових установ; об'єднати суд із адміністрацією. При цьому автор досить критично ставиться до гласності суду та суду присяжних [27, с. 282-333.].

Наступний дописувач – «П. В. В», наголошуючи на необхідності реформування повітового у селянських справах присутствія, головну увагу акцентує на інституті неодмінних членів цих установ. Він наголошує, що неодмінний член – головний охоронець порядку серед селянського стану та контролер над селянським самоврядуванням. Відтак він має бути місцевим, мати власність та принаймні середню освіту. Також автор наголошує на значному навантаженні неодмінних членів і вважає, що у повіті їх має бути мінімум двоє, й пропонує розширити повноваження неодмінних членів, надавши їм розпорядчі функції та право дисциплінарних стягнень, як у мирових посередників. На його думку, слід позбутися ілюзії, що селянство може самоуправлятися. Селяни самі висловлюються за необхідність близького начальника, у їхній пам'яті відклався позитивний досвід мирових посередників першого скликання. Головна ідея – варто посилити нагляд над органами селянського самоврядування і цей контроль має здійснюватись на принципах близької та одноосібної влади, котра на рівні повіту буде знаходитись під контролем колегіального органу [22, с. 250-267].

Серед роздумів щодо основних причин вкрай складної ситуації у системі поліції варто вказати на праці С. Громеки [6; 7; 8], бо автор піднімає нагальну проблему участі громадськості у питанні чиновництва й необхідності законодавчо врегулювати проблему надто широких повноважень поліції. Аналізуючи

російське законодавство, автор наголошує, що поліція має досить широкі й різномірні функції, котрі перетворюють її фактично на провідний орган влади на місцях, що є небезпечним для суспільства. Тому слід забрати від поліції частину функцій. Для прикладу: англійське законодавство забрало функцію звинувачення від поліції (інститут прокуратури), а право арешту передало суду [7, с. 172-173].

На протидію загальноприйнятій думці, що головною проблемою є саме персональний склад поліцейських чиновників, С. Громека наголошує, що велику роль відіграє суспільна думка та оцінка, а також гласність і відкритість діяльності чиновників. Він зазначає, що для багатьох позитивним прикладом є англійський поліцейський, як зразок високomorального чиновника, однак наголошує, що однієї моральності полісмена недостатньо. Потрібно щоб суспільство «було проникнуте повагою до самого себе, до закону, до особистості людини» [8, с. 175]. Разом із тим вказує, що англійський поліцейський з однаковою повагою ставиться до людей усіх станів і у відповідь також користується повагою громадян. У Росії ж навпаки, саме суспільство не сприйме поліцейського, котрий перестане зважати на чини та звання. Отже система змушує чиновника забути про самоповагу. Автор наголошує, що традиційними для поліцейського чиновництва є кумівство, кругова порука та хабарництво. Одна із важливих причин такого стану речей – у суспільстві не сформувалась повага закону, до особистості та до людей, котрі займаються судочинством чи захищають громадський спокій. Автор наводить декілька цікавих спостережень – канонів моди, етикету тощо у Росії дотримуються більше, ніж громадянських законів; поважають мундир, а не особистість: змініть мундир на звичайний наряд і захоплення та повага зміняться байдужістю [8, с. 177-178].

Серед пропозицій, спрямованих на усунення таких вад, як заплутане діловодство, паперова тяганина, котру С. Громека називає «хворобою багатописання», що призводять до затягування простих

судових процесів на роки, є проекти, спрямовані на спрощення діловодства. Зокрема, один із авторів наголошує на необхідності прості справи проводити у форматі усного судочинства (за прикладом Франції) [20]. Таку ж думку висловлюють й А. Паломбецький [24] та С. Баршев [2]. Сам С. Громека причиною надмірного документообігу називає відсутність публічності та контролю з боку суспільства над діями поліції [6, с. 195-196].

Цікаво, що фактично усі дописувачі, котрі аналізували ситуацію у системі управління, так чи інакше звертали увагу на проблему хабарів. Зокрема, М. Щедрін наголошує, що вони були звичайною справою та висловлює цікаву думку про «моральний хабар» – послуга, за яку чиновник має розплатуватись: дрібні знаки уваги, лестоці, звані обіди тощо. Це гірше, ніж гроші, бо гроші можна повернути і такій спокусі піддаються майже усі провінційні чиновники [37, с. 165].

Однією із причин хабарництва вважалось низьке жалування. Зокрема, герой повісті А. Печерського – дрібний чиновник (колезький регістратор) із жалуванням 98 коп. на місяць. На таку платню прожити важко і тому брав хабарі [1, с. 590]. При цьому автор висловлює спостереження, що ознакою чесності чиновника є його бідність.

Відтак, частина дописувачів опосередковано, а інша – прямо піднімають питання про необхідність підвищення жалування чиновникам місцевих установ. Зокрема Н. Щербань акцентує увагу на досить високому забезпеченні та пільгах судових посадовців Франції [38, с. 590-592]. Редакція журналу особливо підкреслює своєчасність рішення Державної ради від квітня 1859 р. про підвищення на 57% посадових окладів місцевих чиновників відомства Міністерства юстиції. Разом із тим підкреслювалось, що цей крок був недостатнім для того, щоб чиновники сумлінно виконували свої повноваження. Вкрай важливо здійснювати їх відбір на етапі прийняття на службу [28, с. 211]. Аналогічну думку висловлює й автор публікації «О городских обществах», а разом із цим – дати можливість громадянам скаржитись на них через суд, що має стати важливим запобіжником проти зловживань [19, с. 12].

Аналіз публікацій «Русского вестника» дозволяє стверджувати, що проблема функціонування та реорганізації інститутів місцевого управління була важливою складовою суспільного дискурсу Російської імперії другої половини XIX ст. А «Русский вестник», зважаючи на досить консервативний магістральний напрямок журналу, перетворюється на дискусійний майданчик переважно для представників «охоронної» ідеології, що особливо простежується із середини 1860-х рр. Більше того, окремі його публікації, передовсім стаття О. Д. Пазухіна, як і позиція редактора М. Н. Каткова, стали своєрідними ідейними імперативами для реорганізації місцевого управління за часів Олександра III.

Примітки

1. Печерский А. Непременный / А. Печерский // Русский вестник. – 1857. – Т. 12.
2. Баршев С. И. «О необходимых гарантиях уголовного суда» / С. И. Баршев // Русский вестник. – 1859. – Т. 20.
3. Безобразов В. Аристократия и интересы дворянства. Мысли и замечания по поводу крестьянского вопроса / В. Безобразов // Русский вестник. – 1859. – Т. 19.
4. Безобразов В. П. Мировые учреждения / В. П. Безобразов // Русский вестник. – 1862. – Т. 38.
5. Визинский Г. А. Характер политической и административной реформы в Англии / Г. А. Визинский // Русский вестник. – 1858. – Т. 14.
6. Громека С. С. «Два слова о полиции» / С. С. Громека // Русский вестник. – 1857. – Т. 9.
7. Громека С. С. «Полицейское делопроизводство» / С. С. Громека // Русский вестник. – 1858. – Т. 16. – Липень. – Кн. 1.
8. Громека С. С. «Пределы полицейской власти» / С. С. Громека // Русский вестник. – 1857. – Т. 15.

9. Гросул В. Я. и др. Русский консерватизм XIX столетия: идеология и практика / В. Я. Гросул, Г. С. Итенберг, В. А. Твардовская, К. Ф. Шапылло, Р. Г. Эймонтова. – М., 2000.
10. Гусев В. А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития / В. А. Гусев. – Тверь, 2001.
11. Зарудный М. И. Английские суды. Из путевых заметок / М. И. Зарудный // Русский вестник. – 1860. – Т. 28.
12. Измestьева Г. П. Михаил Никифорович Катков / Г. П. Измestьева // Вопросы истории. – 2004. – № 4.
13. Капнист Д. А. Местное самоуправление в Англии / Д. А. Капнист // Русский вестник. – 1863. – Т. 48.
14. Колосовский П. Г. «О жаловании чиновников в Германии» / П. Г. Колосовский // Русский вестник. – 1857. – Т. 12.
15. Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее: Сб. науч. трудов / Под ред. А. Ю. Минакова. – Воронеж, 2001. – Вып. 1.
16. Лугинин С. Волостные суды / С. Лугинин // Русский вестник. – 1864. – Т. 50.
17. Минаков А. Консервативные концепции переустройства России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/book/konservativnye_koncepcii_pereustroystva_rossii_2008-3-8-24-43.htm. – Доступ 07. 06. 2012.
18. Нужды местного управления. А. М-кого // Русский вестник. – 1888. – Т. 196.
19. О городских обществах // Русский вестник. – 1860. – Т. 26.
20. О словесном делопроизводстве в России // Русский вестник. – 1857. – Т. 11.
21. П. Б. Крестьянский быт через 20 лет после реформы / П. Б. // Русский вестник. – 1880. – Т. 149.
22. П. В. В. Голос из деревни / П. В. В. // Русский вестник. – 1881. – Т. 152.
23. Пазухин А. Современное состояние России и сословный вопрос / А. Пазухин // Русский вестник. – 1885. – Т. 175.
24. Палюмбецкий А. Вопрос об устности и гласности суда / А. Палюмбецкий // Русский вестник. – 1859. – Т. 19.

25. Поночевный М. А. Имперское сознание и образ Польши в мифологемах М. Н. Каткова / М. А. Поночевный // Современные гуманитарные исследования. – 2008. – № 1.
26. Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России / Репников А. В. – М., 2007.
27. Семенов Н. П. Наши реформы / Н. П. Семенов // Русский вестник. – 1884. – Т. 169.
28. Современная летопись. Внутренние известия // Русский вестник. – 1859. – Т. 23.
29. Современная летопись // Русский вестник. – 1860. – Т. 26. – Кн. 1.
30. Сохряков Ю. И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX – начала XX вв. / Ю. И. Сохряков. – М., 2000.
31. Твардовская В. А. Политическая программа «Русского вестника» на рубеже 50-60-х гг. / В. А. Твардовская // Освободительное движение в России. – Саратов, 1975. – Вып. 4.
32. Управленческая элита Российской Империи (1802–1917) / Под ред. А. А. Фурсенко. – Спб., 2008.
33. Фет А. Отголосок сельского судьи / А. Фет // Русский вестник. – 1874. – Т. 113.
34. Хотяинцов В. И. Крестьянское управление в уезде в связи с уездным управлением вообще / В. И. Хотяинцев // Русский вестник. – 1881. – Т. 156.
35. Чужбинский А. Безыменные типы / А. Чужбинский // Русский вестник. – 1856. – Т. 6.
36. Щедрин Н. Губернские очерки / Н. Щедрин // Русский вестник. – 1856. – Т. 6.
37. Щедрин Н. Губернские очерки / Н. Щедрин // Русский вестник. – 1857. – Т. 7.
38. Щербань Н. Магистратура во Франции / Н. Щербань // Русский вестник. – 1858. – Т. 18.
39. Щербань Н. В. Суды и прокуратура во Франции / Н. В. Щербань // Русский вестник. – 1858. – Т. 15. – Кн. 1.

УДК 930.2:355.01«1812»

Особливості джерел особового походження учасників Вітчизняної війни 1812 р.

Казьмирчук М. Г.

Kazmyrchuk M. Features of the Personal Origin's Sources of Participants at the Patriotic War 1812. The article discusses the personal origin sources of participants the Patriotic War 1812 – unique historical sources that combine imprint of the period and personality. After all, they kept for posterity the experience of their ancestors in a historical being, and their awareness of themselves and their place in it. To the personal sources refer the memoirs, the diaries and the correspondence, which can be divided into several groups.

Keywords: the personal origin sources, the Patriotic War 1812, memoirs, diaries, correspondence.

Казьмирчук М. Г. Особенности источников личного происхождения участников Отечественной войны 1812 г. В статье рассматриваются источники личного происхождения участников Отечественной войны 1812 г. – уникальные исторические источники, в которых сочетается отпечаток эпохи и индивидуальности. Ведь именно в них хранится для потомков опыт участия предков в историческом бытии и их осознание себя и своего места в нем. К источникам личного происхождения относятся прежде воспоминания, дневники и переписка, которые можно разделить на несколько групп.

Ключевые слова: источники личного происхождения, Отечественная война 1812 г., мемуары, воспоминания, дневники, переписка.

Казьмирчук М. Г. Особливості джерел особового походження учасників Вітчизняної війни 1812 р. У статті розглядаються джерела особового походження учасників Вітчизняної війни 1812 р. — унікальні історичні джерела, в яких поєднується відбиток епохи та індивідуальності. Адже саме у них зберігається для нащадків досвід участі предків у історичному бутті та їхнього усвідомлення себе та свого місця в ньому. До джерел особового походження належать насамперед мемуари, спогади, щоденники та листування, які можна розділити на кілька груп.

Ключові слова: джерела особового походження, Вітчизняна війна 1812 р., мемуари, спогади, щоденники, листування

Джерела особового походження учасників Вітчизняної війни 1812 р. — унікальні історичні джерела, в яких поєднується відбиток епохи та індивідуальності, презентуючи факти, що не знайшли відображення в офіційних документах конкретної історичної доби. Вони зберігають «дух часу», містячи емоційно-психологічний рівень учасника або свідка історичних подій. У них також фіксується самоідентифікація особи у минулому, її роль в історичному процесі, відображається суспільне життя того часу. Вивчення та залучення джерел особового походження та особових архівних фондів у загальний комплекс історичних джерел несе у собі серйозні переваги. Адже саме у них зберігається для нащадків досвід участі предків у історичному бутті та їхнього усвідомлення себе та свого місця в ньому. До джерел особового походження належать насамперед мемуари, спогади, щоденники та листування. Учасники таємних товариств, дворяни-офіцери, які набули після Вітчизняної війни 1812 р. антикріпосницькі та республіканські погляди, але не змогли їх втілити через нерішучість та неорганізованість, обумовлені історичними умовами, залишили численні записки, щоденники та спогади, які обґрунтовували їхні позиції, виправдовували або навпаки аргументували дії. Записки та мемуари вояків наполеонівської

армії відрізняються ідейною спрямованістю, метою та сюжетною лінією, що обумовлено також попередніми традиціями їхнього написання у Франції.

Тема вивчення джерел особового походження війни 1812 р. сучасниками залишається однією із найменш досліджених в історіографії, де головна увага приділяється воєнним та політичним темам. До розгляду джерел особового походження учасників війни та простого населення під час Вітчизняної війни 1812 р. зверталися Л. І. Агронов («Восприятие событий Отечественной войны 1812 г. российским простонародьем»), О. О. Смирнов («Олександр Іванович Кутайсов»), С. А. Малишкін («Воспоминания Калужского духовенства об отечественной войне 1812 г.») використовуючи мемуари та записи усних розповідей народу цього періоду і закликаючи до дослідження «побутової» історії [1, 4, 8]. Джерела особового походження учасників Вітчизняної війни 1812 р. використовувалися істориками переважно для підтвердження тієї або іншої думки, тому актуальним буде окреслення їх особливостей, бо вони написані учасниками тих подій, що дає змогу встановити їхнє місце у загальному комплексі історичних джерел.

У XIX ст. мемуаристика урізноманітнюється, чітко поділяючись за тематикою, структурою і соціальним статусом автора, висвітлюючи події державної, військової, суспільної, літературної сфер життя. Соціальний стан мемуариста у XIX ст. досить сильно відображається на його праці: від нього залежить коло тем, питань та зображуваних людей. У мемуарах цього періоду суб'єктивізм постає значно сильніше ніж у подорожніх записках XVIII ст.

Великий комплекс мемуаристики XIX ст. представлений мемуарами учасників Вітчизняної війни 1812 р. та таємних товариств, дворян-офіцерів, які мали антикріпосницькі та республіканські погляди. Втілити у життя зміни самодержавного ладу вони не змогли через нерішучість та неорганізованість, обумовлені історичними умовами, проте залишили численні

записки, щоденники та спогади. Їх можна поділити на тих, хто покаювся, виправдовувався перед нащадками, а також тих, хто навпаки обстоював позиції. З огляду на це про Вітчизняну війну 1812 р. автори подають мало відомостей. Так, М. І. Тургенєв у мемуарах «Россия и русские», детально описав становище в Європі перед війною, даючи зовсім трохи відомостей про війну 1812 р., зосередившись на закордонному поході російських військ та Віденському конгресі. Він описує враження від зустрічей з Наполеоном, розкриває привід початку війни, описує різницю між французькою та російською арміями. Невелика друга глава присвячена кампанії 1812 р., аналізується тактика відступу російської армії, показується розправа з відступниками та підкреслюється відсутність зрадників серед росіян, намагається розгадати таємницю пожежі в Москві. Опис та характеристика воєнних дій майже відсутні, окрім заключного переходу через Березину, який подається тільки для того аби розповісти про докір російського імператора та його брата в «безладності рядів солдат» [7, с. 241-349].

Мемуари декабриста, свідка війни 1812 р. М. О. Бестужева (1791-1855) «Воспоминание о Рылееве» відрізняються його непримиренною щодо самодержавства позицією, він не розкаюється, як дехто із учасників повстання. М. Бестужев закінчив морський корпус і служив флотським офіцером. У 1812 р. він бажав прийняти участь у війні, але незважаючи на підтримку впливових друзів, морському офіцеру не дали прийняти участь в сухопутних кампаніях. У 1815 р. був в Голландії, а у 1821 р. плавав Середземним морем, бачив Іспанію в період повстання. Під час декабристського повстання вивів на Сенатську площу в Санкт-Петербурзі гвардійський екіпаж. Був засуджений до пожиттєвої каторги, заміненою на 13-річне заслання, а після цього залишений на поселенні у Сибіру, де й помер. Мемуарист намагався створити загальний образ декабриста і поета К. Ф. Рилєєва (1795–1826), і побудував спогади як художній твір, де присутні елементи драматизації та майже відсутня хронологія. Такий прийом

дозволив мемуаристу підкреслити саме літературний характер твору. Рилєєв уявляється надто чуттєвим, у нього з будь-якого приводу виступають сльози. У мемуарах подано романтичний образ революціонера, який відчуває невідворотну смерть, проте не слід забувати, що мемуари все ж містять і реальні дані про декабристів [5, с. 239].

Про війну 1812 р. залишив спогади близький друг Пестеля М. І. Лорер (1794–1873). Обсяг їхній невеликий, бо автор зосереджується влаштуванні на службу та згодом на діяльності декабристів. У 18 років М. І. Лорер став служити у дворянському полку, який знайшов характеристику на сторінках його спогадів. Полк складався із «різного зброю» людей, шляхти та бідних дворян, які не вміли читати та писати, але знали «маршировку, русистику, военную эволюцию». Дуже стисло він описує звістку про спалення Москви та його раннє призначення унтер-офіцером. Військові кампанії М. І. Лорер не описує у «Записках мого времени», а зупиняється на закордонному поході російської армії. Три місяці він пробув у Парижі, а згодом відправився у Варшаву [5, с. 315-324].

Контраст між поміщицькою Росією і країнами, в яких побували російські солдати під час закордонного походу в Західну Європу (1812–1814), висвітлюється у «Записках» декабриста І. Д. Якушкіна (1793–1857). Мемуарист здобув домашню освіту, навчався в Московському університеті, у 17 років вступив підпрапорщиком у Смоленський полк, де служив і під час походів 1812–1814 рр., а 1818 р. вийшов у відставку в чині капітана. У 1826 р. був арештований за участь у таємному товаристві та покараний 20-ма роками каторги. Згодом був поселений у Ялutorовську. 1850 р. переїхав до Москви на лікування, де й помер. У мемуарах описує зародження бажань змін і виникнення таємних товариств, розповідає про своє життя в селі після відставки, змальовує становище кріпаків. Пише про свої спроби звільнити селян з житлом, але без землі. Описує свою активну діяльність у відродженому таємному товаристві

1821 р., про допити Миколи І й про свою відмову свідчити проти декабристів, а також про роки ув'язнення [5, с. 387]. Цінними є записки О. В. Поджіо (1798–1873) як розмірковування про західні впливи закордонного походу російської армії. Батько О. Поджіо мав маєтки в Італії, а згодом прийняв участь у розбудові Одеси [5, с. 352].

У XIX ст. військові мемуаристи широко використовували документальний матеріал. Зокрема, автор «Записок», учасник Другої Турецької війни, війни з Персією та Францією (1806–1807, 1812–1813) граф Л. Л. Беннінгсен (1745–1826). У його спогадах використані накази, листування, листи Олександра І, прусського короля тощо. Він народився у стародавній родині барона у Ганновері, його сучасники відмічали сухість та холоднокрівність цього вояки. Генерал Л. Беннінгсен провів при російській армії два місяці без призначення і мав час спокійно проаналізувати стан армії, він докоряв фельдмаршалу Барклаю-де-Толлі у нерішучості та за непопулярну тактику відступу, не схвалював він і деякі рішення наступного фельдмаршала Кутузова, докоряючи йому в пасивності. Під Тарутиним Л. Беннінгсен командував трьома корпусами і отримав перемогу [5, с. 19].

Широко представлені у XIX ст. записки та мемуари французів. Серед них мемуаристи 1812 р., вояки наполеонівської армії. Зокрема це спогади уродженця Гієні, французького генерала, ад'ютанта Наполеона графа Ф. де Сегюра (1780–1873). Його дід був військовим міністром за Людовіка XV, а батько – послом у Росії за Катерини II. Під час Великої Французької революції Сегюри втратили всі багатства, тому він заробляв на життя складаючи водевілі для газет, а у 30 років став бригадним генералом французької армії, приклоняючись перед Наполеоном, ідеалізуючи його армію. Пізніше, у 1814 р., коли у Франції буде реставровано монархію, Сегюр перейде на королівську службу, а пізніше зосередиться на літературній та науковій діяльності. Тоді ж він почне писати свої спогади «L'Histoire de Napoleon et de la Grande Armee pendant L'annee 1812» («Історія Наполеона та

Великої армії у 1812 р.»), опубліковані 1824 р. У спогадах Сегюр обстоював думку, що виграли битву під Бородіно французи, звинувачував графа Ф. В. Растопчина, головнокомандувача обороною Москви, у пожежі, яка відбулася в місті, писав про партизанську війну, героїзм та мужність французьких солдат. Мемуари Сегюра написані у романтичному стилі. Його двотомна праця мала великий успіх, розійшлася масовим тиражем. Наполеон створив теорію про Францію як прибічницю миру та порядку у війні 1812 р.

«Листи про війну в Росії 1812 р.» генерала-оберпровіантмейстера армії Наполеона віконта Л. де П'юїбюска (1792–1841) висвітлюють проблеми тилу, негативного ставлення до походу в Росію. Цю тему продовжують «Записки офіцера армії Наполеона» Христофора-Людвіга фон Ієліна (1787–1861), сина священика, офіцера Вюртемберзького полку, який брав участь у поході Наполеона проти Росії. Він розповідає про відступ наполеонівських військ, голод, мародерство. Один раз автор навіть викрав чашку кави, яку готували для імператора.

У XIX ст. листування відігравало особливе значення, адже листи допомагали не лише особистому спілкуванню, а й слугували засобом ознайомлення з тогочасним суспільним життям, що замінювало якоюсь мірою регулярну пресу. Особливо важливим засобом комунікації листування слугувало в час війни. Воно характеризується заданістю основного змісту, наявністю стандартних епістолярних елементів (компонентів), що передбачає відповідну реакцію. До основних характеристик ділового листування відноситься професійно-виробнича специфічність, ефективність, багатовекторність тематики, особистісну орієнтованість, наявність загальних знань респондентів, діалогічність. Ділові відносини визначали тематику листа, а соціальне та майнове становище респондентів відображалось на мовній стилістиці.

Листування XIX ст. також цінне як джерело історії суспільної думки і настроїв, політичних подій і воєнної історії. Проте листи

з такою інформацією більш за все вимагають критичного підходу, адже при цьому респонденти враховували можливість стороннього читача. Велике листування за 1812–1815 рр. залишилося в архівах генералів та державних чиновників царської Росії, зокрема генерала, державного діяча О. Д. Балашова (1770–1837), генерала, князя П. І. Багратіона (1769–1812), генерал-фельдмаршала М. Барклая-де-Толлі (1761–1818), генерал-губернатора Москви В. Ф. Ростопчина (1733–1802), державного та військового діяча О. А. Аракчеєва (1769–1834). Так, листи О. Д. Балашова повідомляють про переговори, які він вів за дорученням царя з Наполеоном у Вільно. Листи Багратіона висвітлюють його боротьбу з Барклаєм-де-Толлі за керівництво російською армією та його тактикою відступу. Цілий ряд відомостей у листах воєнних діячів про бої, наслідки пожежі в Москві 1812 р. тощо [6, с. 153, 207, 210, 302, 418].

Отже, джерела особового походження учасників війни 1812 р. відрізняються різноманітністю, але у всіх присутнє бажання авторів відстояти власні переконання, пояснити вчинки та дати оцінку подіям, свідками, а часто учасниками, яких вони були. Мемуари майбутніх декабристів в переважній більшості позбавлені опису воєнних сцен, подаючи оточуючі настрої в народі та найближчому оточенні. Майбутні декабристи з особливою увагою відносилися до Вітчизняної війни 1812 р., яка вплинула на становлення патріотичного світогляду. Вони не залишили ґрунтовного опису ходу війни, проте у їхніх мемуарах та листах присутні спогади про її вплив на становлення їх як патріотів й поборників свободи. Перспективними є дослідження інших видів джерел особового походження учасників Вітчизняної війни 1812 р. Слід звернути увагу на вивченні ними не тільки воєнної історії того часу. Незайвим буде дослідження сприйняття суспільствами різних країн та окремих її учасників Вітчизняної війни, вплив війни на селян та мешканців міст, порівнюючи із сприйняттям цих подій дворянськими колами.

Примітки

1. *Агронов Л. И.* Восприятие событий Отечественной войны 1812 г. российским простонародьем [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.museum.ru/1812/Library/Agronov1/index.html>. Доступ – 10. 11. 2006.
2. *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 г. / Л. Г. Бескровный. – М., 1962.
3. *Бестужев Н. А.* Сочинения и письма / Издание подготовлено С. Ф. Ковалем. – Иркутск, 2003.
4. *Мальшикин С. А.* Воспоминания Калужского духовенства об Отечественной войне 1812 года (по материалам А. И. Михайловского-Данилевского) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.museum.ru/1812/Library/Mmnk/2002_19.html. Доступ – 06. 08. 2002.
5. *Мемуары декабристов* / Сост., вступ. ст. и ком. А. С. Немзера. – М., 1988.
6. *Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии*: Сб. док. / Отв. ред. Л. Г. Бескровный. – М., 1964.
7. *Русские мемуары. Избранные страницы. 1880–1825 гг.* / Сост., вступ. ст. и прим. И. И. Подольской; Биограф. очерки В. В. Кунина и И. И. Подольской. – М., 1989.
8. *Смирнов А. А.* Александр Иванович Кутайсов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.museum.ru/1812/Library/Smirnov/index.html>. Доступ – 23.12.2002.

УДК 930.2:373.5.091.212-055.2(470+571)«185/191»

**Спогади гімназисток та викладачів як джерело
із вивчення повсякденного життя жіночих
гімназій Російської імперії другої половини
XIX — початку XX ст.**

Кудь А. О.

Kud N. The Remembrances of High School Students and Teachers as a Source of a Study of the Daily Life of Women's Gymnasias of Russian Empire of the Second Half of XIX — at the Beginning of XX Century. In this article it was made an attempt to analyze the most widespread plots in the remembrances of high school students and teachers of women's gymnasias that characterize the gymnasium daily life of the second half of XIX — at the beginning of XX century: the features of academic daily life, the rules and orders that were in a gymnasium and out of it, the relations with students and teachers, the out-of-class activity, the problems of material and technical base and other.

Keywords: woman's memoiristics, women's gymnasias, remembrances, gymnasium daily life, academic daily life.

Кудь А. А. Воспоминания гимназисток и преподавателей как источник изучения повседневной жизни женских гимназий Российской империи второй половины XIX — начала XX вв. В данной статье сделана попытка проанализировать самые распространённые в воспоминаниях гимназисток и преподавателей женских гимназий сюжеты, которые характеризуют гимназическую повседневность второй половины XIX — начала XX вв.: особенности академической повседневности, правила и порядки в гимназии и за ее пределами, взаимоотношения между ученицами и преподавателями, внеклассная деятельность, проблемы материально-технической базы и др.

© Кудь А. О., 2013

Ключевые слова: женская мемуаристика, женские гимназии, воспоминания, гимназическая повседневность, академическая повседневность.

Кудь А. О. Спогади гімназисток та викладачів як джерело із вивчення повсякденного життя жіночих гімназій Російської імперії другої половини XIX — початку XX ст. У даній статті робиться спроба проаналізувати найбільш поширені у спогадах гімназисток та викладачів жіночих гімназій Російської імперії сюжети, що характеризують гімназійну повсякденність другої половини XIX — початку XX ст.: особливості академічної повсякденності, правила і порядки у гімназії та поза її межами, взаємовідносини між вихованками та викладачами, позакласна діяльність, проблеми матеріально-технічної бази та ін.

Ключові слова: жіноча мемуаристика, жіночі гімназії, спогади, гімназійна повсякденність, академічна повсякденність.

У 1850–1860-ті роки під впливом Кримської війни та реформ Олександра II у суспільстві розгортається дискусія навколо так званого «жіночого питання»: положення та статусу жінки в родині та суспільстві, її виховання, права на освіту та працю. Друга половина XIX — початок XX ст. вважаються часом розквіту жіночої мемуаристики. Поступовий процес емансипації жінок змінив ракурс жіночих мемуарів: вони виходять за межі сімейного та особистого життя, доповнюються сюжетами суспільного значення, зокрема, збагачуються спогадами про нові навчальні заклади — жіночі гімназії.

Зазначимо, що жіночі мемуари другої половини XIX — початку XX ст. дуже рідко ставали об'єктом спеціального наукового дослідження. Переважна більшість дослідників акцентують увагу на жіночих мемуарах першої половини XIX ст. — часу появи та поширення жіночої мемуаристики в Російській імперії. У зв'язку з цим значний інтерес являють собою роботи К. М. Щепкіної [26], яка ще на початку XX ст. зробила спробу проаналізувати

постаті жінок – авторів спогадів першої половини XIX ст. Після революції 1917 р. інтерес до жіночої мемуаристики зникає і, відновлюється лише в 1990-ті роки під впливом праць закордонних дослідників. На сучасному етапі такі вчені, як І. Савкіна [18; 19] та Н. Л. Пушкарьова [16] вивчають російські жіночі мемуари першої половини XIX ст., розробляючи методологічну основу аналізу жіночих автобіографічних текстів. Серед сучасних дослідників жіночих мемуарів другої половини XIX ст. можна виділити Т. Клаймена [9], В. Л. Погребну та Є. О. Маслака [15], які роблять акцент на художніх ознаках та образах жіночої мемуаристики, визначаючи жанрові та стилістичні особливості жіночого письма на прикладі літературної творчості письменниць.

Завдяки значному інтересу дослідників до жіночих мемуарів першої половини XIX ст., спогади вихованок інститутів шляхетних дівчат вже давно отримали статус окремої групи в жіночій мемуаристиці [9, с. 108-109], натомість аналогічні дослідження спогадів гімназисток та викладачів жіночих гімназій відсутні, що зумовлює необхідність вивчення цієї групи джерел мемуарного характеру. У даній статті ми проаналізуємо найбільш поширені у спогадах гімназисток та викладачів жіночих гімназій Російської імперії сюжети, що характеризують гімназійну повсякденність другої половини XIX – початку XX ст.

У процесі дослідження було виявлено дев'ятнадцять відповідних творів мемуарного характеру. Перші спогади гімназисток та викладачів жіночих гімназій з'являються на сторінках періодичних видань наприкінці XIX – на початку XX ст. Більшість із них були надруковані в журналах педагогічного («Женское образование», «Русская школа») та літературного («Нива», «Летопись») спрямування і зображують сучасну авторам гімназійну повсякденність. Поодинокі спогади щодо жіночої гімназійної освіти були опубліковані у другій половині XX ст. (майже через 60 років), як складова частина спогадів про видатних діячів літератури та мистецтва: А. А. Ахматову – випускницю Києво-Фундуклеївської гімназії [2], М. П. Чехову –

сестру А. П. Чехова, викладача географії в жіночій гімназії Л. Ф. Ржевської [22; 25], М. І. Цветаєву, яка навчалася в гімназіях фон Дервіз, О. С. Алфєрової, М. Г. Брюхоненко [24] та її сестру А. І. Цветаєву – вихованку гімназій В. В. Потоцької та М. Г. Брюхоненко [24], Р. В. Зелєну – актрису театру та кіно, яка закінчила гімназію фон Дервіз [7].

Окрему групу становлять спогади, що виникли у середовищі російської еміграції і були надруковані закордоном у другій половині XX ст., зокрема це спогади Т. О. Аксакової-Сіверс – доньки генеалога, нумізмата О. О. Сіверса, яка навчалася в жіночій гімназії С. О. Арсенєвої в Москві [1]; І. Є. Єленевської – доньки чиновника Міністерства закордонних справ, вихованки приватної гімназії Л. С. Таганцевої у Петербурзі [6], Є. Л. Олицької [11] – вихованки Марлінської жіночої гімназії м. Курська, письменниці; Н. О. Кривошеїної – доньки банкіра та підприємця О. П. Мещерського, вихованки жіночої гімназії княгині А. О. Оболенської у Петербурзі [10].

Отже, автори спогадів – це випускниці та викладачі жіночих гімназій. У кількісному співвідношенні спогади гімназисток переважають над спогадами викладачів (14:5). Серед випускниць гімназій, які залишили мемуарні згадки про період свого навчання, домінують письменниці та педагоги. Усі спогади, залишені викладачами жіночих гімназій, були виявлені тільки на сторінках періодичних видань.

Перш за все, спогади гімназисток надають можливість з'ясувати деякі характерні риси академічної повсякденності. Так, навчальний день розпочинався з молитви [3, с. 244], яка зазвичай проходила в актовому залі, де збиралися усі гімназистки та педагогічний персонал, гімназичний хор співав «Отче Наш», читалося Євангеліє. Після цього починались заняття, маленькі перерви між уроками тривали 10 хвилин, велика перерва – 45 хвилин, протягом якої гімназистки снідали (опівдні) [6, с. 24-25]. У гімназії можна було за окрему плату придбати гарячий сніданок (якщо була їдальня), або дозволялося приносити сніданок з собою [25, с. 25]. Під час перерв на дворі організовувались

ігри (наприклад, лапта) [14, с. 34], у стінах гімназії самі учениці влаштовували гонки, катання на перилах, грали у «кошки-мишки» та ін. [11, с. 24]. Після сніданку або після завершення навчального дня влаштовувались прогулянки парами на свіжому повітрі під керівництвом виховательки [1, с. 83]. Навчальний день закінчувався приблизно о третій годині дня [25, с. 24]. Гімназистки, які приходили до гімназії на навчання, після уроків йшли додому (деякі з учениць жили на найманих квартирах), а пансіонерки залишались (при наявності пансіону жили при гімназії), готували уроки, займалися музикою, репетирували театральні вистави та ін. [25, с. 24].

Контроль за діяльністю дівчат з боку адміністрації гімназії продовжував існувати і після закінчення навчального дня. Так, адміністрація однієї з гімназій вимагала від власників квартир, в яких мешкали гімназистки, надавати інформацію про час виходу гімназистки на навчання та повернення додому [21, с. 219]. Завдяки спогадам фіксується той факт, що розповсюдженим явищем серед керівництва гімназій було відвідування ввечері квартир, де жили гімназистки, для перевірки їхнього місцезнаходження на той час [21, с. 213; 8, с. 78].

Майже усі спогади гімназисток містять інформацію щодо носіння форменого одягу – коричневого плаття з чорним фартухом [10], на якому зліва був вишитий номер класу та відділення, де навчалася гімназистка. За згадкою однієї із гімназисток, до комплекту форменого одягу також належав капелюх («пиріжок») [2, с. 30]. Переважна більшість гімназисток збирала волосся в косу [7, с. 17-18]. У старших класах гімназистки носили кишеньковий годинник на тоненькому шнурі через шию, за поясом сукні [24, с. 249]. Крім того, на основі спогадів чітко вимальовується зовнішній вигляд викладача-жінки: довга чорна спідниця, блуза з високим комірцем та манжетами, зібране у зачіску волосся [25, с. 254; 17, с. 28].

Велика увага у спогадах гімназисток приділяється таким складовим академічної повсякденності, як система оцінювання, вплив оцінок на навчальний процес, ставлення гімназисток у

цілому до навчання. До речі, викладачі у своїх спогадах також відмічають, що зусилля гімназисток були спрямовані лише на отримання високих балів [17, с. 1099], а не нових знань. Так, отримання одиниці (найнижчого балу) оцінювалось як найвищий сором для гімназистки і було рідкістю [25; 14], частіше ставили двійки, ніж одиниці. Оцінювання знань гімназисток не завжди здійснювалось належним чином: мало місце завищування та занижування балів [12, с. 148]. Окрім балів за навчання, гімназистки отримували кожного дня оцінки за «старанність», «увагу» та «поведінку» [17, с. 1099; 25, с. 25]. У зв'язку з цим найпоширенішою погрозою для учениць був низький бал за поведінку та виключення із гімназії, що також знайшло своє відображення у мемуарних згадках викладачів та гімназисток [12, с. 1504; 21, с. 209; 4, с. 13]. І навпаки, за відмінну поведінку та високі бали гімназистки звільнялись від сплати за навчання [17, с. 1100]. Крім того, у спогадах відбився той факт, що при жіночих гімназіях влаштовувались спеціальні товариства, які допомагали матеріально найбіднішим ученицям, вносячи плату за їхнє навчання (наприклад, при Василеострівській жіночій гімназії в Петербурзі було створено Товариство для допомоги найбіднішим ученицям) [13, с. 8].

Спогади викладачів жіночих гімназій за характером інформації відрізняються від спогадів гімназисток. Викладачі переважно звертають увагу на проблеми навчально-методичного характеру. Так, можна зустріти нарікання вчителів на велику завантаженість навчальними предметами, нестачу вільного часу для відпочинку гімназисток [21, с. 210-211], критику методу «заучування на пам'ять» [4, с. 12-13; 21, с. 213]. Більшість викладачів у своїх спогадах дійшли висновку, що відсутність бажання навчатись з боку гімназисток залежало саме від вищезазначених факторів. Цікаво, що спогади гімназисток у цьому плані різняться: одні підтверджують факт незацікавленості та рутинності навчання [21, с. 214; 4, с. 14; 11, с. 36] (це характерно для провінційних гімназій), інші навпаки вказують на легкість навчання [22; с. 29-30; 6, с. 44; 7, с. 17; 10; 1, с. 82-83; 24, с. 371],

на захоплення своїми викладачами та їхніми предметами [6; с. 35-37; 20, с. 55] (характерно для гімназій Москви та Петербургу).

Продовжуючи тему академічної повсякденності, слід зазначити, що на життя гімназисток суттєво впливали іспити, які влаштовувались при переході до наступного класу та при закінченні гімназії. Завдяки спогадам, як викладачів, так і гімназисток, стає зрозумілим, що інколи білети на іспити розподілялись між ученицями заздалегідь [12; с. 148; 21, с. 222]. Зазначимо, що були гімназії, які відмовилися від оцінок та іспитів, щоб гімназистки вчилися тільки заради знання. Так, А. І. Цветаєва згадує про своє навчання у гімназії В. В. Потоцької, називаючи її «ліберальною» саме за відсутність оцінок та іспитів [24, с. 272], відзначаючи при цьому негативну реакцію вищих керівних установ на дане нововведення.

У спогадах гімназисток та викладачів нерідко можна зустріти згадки про стан навчальної бібліотеки при гімназії. З'ясовується, що рівень наповненості книгами був досить різним: можна зустріти твердження про «бідну бібліотеку» [23, с. 39] чи, навпаки, про те, що у ній були присутні «дорогі видання» [21, с. 219]. Зазначимо, що на початку ХХ ст. у спогадах гімназисток вперше з'являються сюжети щодо забороненої літератури. Так, у деяких спогадах фіксуються випадки, коли викладачі приносили гімназисткам свої книги [23, с. 39], в тому числі й так звану «заборонену літературу» (М. О. Добролюбова, М. Г. Чернишевського, В. Г. Белінського) [25, с. 24], обмінюючись враженнями від прочитаного. Втім, завдяки спогадам можна простежити і зовсім протилежну ситуацію, коли вчителів обмежувалися вивченням лише тих творів, які були встановлені навчальною програмою, за підручником [4, с. 14].

Іноді навіть гімназистки самі розповсюджували «заборонену літературу»: так, за спогадами подруг-гімназисток М. І. Цветаєвої [24, с. 237], вона приносила літературу для них (вірші І. О. Буніна, розповіді О. І. Купріна та ін.), активно дискутувала щодо постатей М. Г. Чернишевського, М. Горького, І. С. Тургенєва. У подальшому М. І. Цветаєва була виключена з пансіону

фон Дервіз через «неблагонадійність» та «вільнодумство» [24, с. 237]. Керівництво жіночих гімназій намагалось усіма засобами протистояти розповсюдженню «забороненої літератури». Так, у спогадах викладача провінційної жіночої гімназії зустрічаємо інформацію щодо видання циркуляру про нагляд за читанням гімназисток. Згідно із циркуляром було вирішено створити спеціальну комісію для роботи з каталогом бібліотеки та надати можливість класним дамам перевіряти абонементи гімназисток для виявлення читання ними «забороненої літератури» [21, с. 207-208]. Схожа ситуація склалася із відвідуванням гімназистками театру та кінозалів – найпопулярніших культурно-розважальних закладів серед гімназисток на початку ХХ ст. Це стосувалося в першу чергу п'єс «сумнівного» характеру, зі сценами «порнографічного» характеру. В одній із провінційних гімназій було навіть запропоновано заборонити гімназисткам ходити до цих розважальних закладів, однак було прийнято більш виважене рішення про чергування класних дам у кінозалах та театрі для нагляду за ученицями [21, с. 219].

За спогадами гімназисток, у вільний час вони продовжували відвідувати театр [1, с. 113, 116; 7, с. 18] та кіно, а ще й оперу [6, с. 41], ходили на танці та бали [6, с. 49] (іноді бали відбувалися в стінах гімназії), зимою каталися на ковзанах [6, с. 49; 24, с. 347]. Після закінчення навчального року у жіночих гімназіях влаштовувався випускний вечір, складовою частиною якого був музичний бал, де дівчата самі танцювали вальс (лише А. І. Цветаєва згадує про запрошення на бал чоловіків) [24, с. 289]. За мемуарними згадками Є. Л. Олицької можна дізнатися також про заборону відвідування гімназистками кафе та ресторанів. Саме тому авторка у своїх спогадах змальовує картину святкування випускного вечора в кафе-ресторані вже після отримання атестату [11, с. 53].

Важливе місце повсякденного життя гімназисток займали літературні, музичні, театральні вечори. Так, про театральні вистави, які влаштовувались гімназистками разом з викладачами, супроводжувались грою на роялі, пишуть гімназистки

А. І. Цветаєва [24, с. 250-251] та І. Є. Єленевська [6, с. 37]. За згадками А. І. Цветаєвої, вона брала активну участь у літературних зустрічах, які влаштовувала суботніми вечорами вчителька літератури при гімназії. Ці зустрічі супроводжувались читанням творів, віршів, їх обговоренням та питтям чаю із солодощами [24, с. 251]. За спогадами, літературні читання відбувалися не тільки у стінах гімназії, а й на квартирах викладачів літератури [5, с. 71], переважно обговорювались твори О. С. Пушкіна, І. С. Тургенєва, М. Ю. Лермонтова, статті М. О. Добролюбова, Д. І. Писарева, В. Г. Белінського [5, с. 76]. Цікаво, що для провінційних жіночих гімназій у ряді випадків була характерна заборона проведення літературних зустрічей [5, с. 82-85] та видання гімназистками власного журналу під керівництвом вчительки літератури [21, с. 214].

Значний інтерес становлять спогади гімназистки І. Є. Єленевської, в яких вперше згадується про організацію виїзних екскурсій для дівчат старших класів, з метою ознайомлення їх із історичними пам'ятками своєї Батьківщини. Так, на екскурсію до м. Нарви та м. Ревеля (суч. м. Таллінн) [6, с. 44-47], яка тривала три дні, поїхали двадцять дівчат під наглядом викладачів. Гімназистки їхали поїздом, який використовували також в якості готелю, харчувались за домовленістю гімназичного керівництва в місцевих їдальнях. І. Є. Єленевська згадує про ще одну подібну поїздку – екскурсію до Пскова, Печерської Лаври та Швейцарії, яка тривала сім днів [6; с. 50].

Значну увагу у спогадах гімназисток займають сюжети, присвячені дружнім стосункам між вихованками. Майже у кожній із мемуаристок була найліпша, найближча подруга у класі, дружба з якою не обмежувалась лише стосунками у стінах гімназії, а й поза нею, іноді продовжувалась і після закінчення навчального закладу. Зазвичай на вихідних батьки дозволяли запрошувати подруг додому (грали, пили гарячий шоколад) [6, с. 26], а у більш дорослому віці організовувались спеціальні зустрічі вже за участю протилежної статі, на яких грали у

фанти, шаради, обговорювали книги, читали вірші, дискутували, співали та танцювали [11, с. 50; 1, с. 92]. З шістнадцяти років гімназистки починали відвідувати танцювальні вечори та бали, організовані їхніми батьками. [6, с. 37, 40; 1, с. 94]. Так, за спогадами гімназистки І. Є. Єленевської можна дізнатися, що до шістнадцяти років її батьки не запрошували додому юнаків [6, с. 39]. З іншого боку, батьки подруги І. Є. Єленевської приймали у себе дітей віком від 11 до 17 років, як хлопців, так і дівчат, влаштовували театралізовані вистави з декораціями і костюмами, а на масляну катали дітей на конях [6, с. 26-27]. Отже, поза межами гімназії гімназистки підтримували дружні стосунки не тільки з дівчатами, а й з хлопцями. Яскравим прикладом є міцна дитяча дружба між Т. А. Аксаковою та Д. Вельяминовим, коли їм було 11 років [1, с. 84]. Т. А. Аксакова також згадує, як вона по середах відвідувала танцювальні класи у кн. Трубецьких, після занять діти пили чай із солодощами, а потім грали у схованки, «море хвилюється», «телефон» і о сьомій годині вечора їх розвозили додому [1, с. 86].

У меншій кількості зустрічаються сюжети щодо симпатій, першої закоханості до чоловіків. Свої почуття юнаки виявляли через написання листів та віршів, присвячених коханій дівчині [1, с. 93-94; 6, с. 31]. За згадками А. І. Цветаєвої, зі своїм майбутнім чоловіком, Б. Трухачьовим, вона познайомилася під час катання на ковзанах, коли навчалася в останньому класі гімназії [24; с. 367-370]. У той самий час її сестра – М. І. Цветаєва (навчалася у восьмому педагогічному класі) потоваришувала з М. О. Волошиним, який став частим гостем у їхньому домі [24; с. 354-361].

Крім того, спогади гімназисток та викладачів дозволяють охарактеризувати взаємовідносини між ученицями та вчителями. У більшості спогадів гімназистки виокремлюють певних викладачів, уроки яких вони полюбляли найбільше: інформація подається із позитивними емоціями, повагою, захопленням [6, с. 35-36; 10; 11, с. 37; 23, с. 37-40]. Зовсім протилежне, негативне ставлення до викладачів гімназії змальовує у своїх

спогадах Р. Н. Ольхіна [12], для якої навчання в гімназії виявилось нестерпним саме через ставлення вчителів. Спогади викладачів також містять невеличкі сюжети щодо їхніх відносин з гімназистками. Наприклад, О. Давидова, вчителька провінційної гімназії, влаштовувала прогулянки та бесіди з гімназистками поза межами гімназії, на набережній чи в міському саду [4, с. 26], а начальниця жіночої гімназії Е. П. Шаффе підтримувала дружні відносини з колишніми гімназистками, вела листування, їздила до них у гості [3, с. 251].

Таким чином, переважна більшість спогадів – це спогади гімназисток, які дозволяють виявити найрізноманітніші сторони повсякденного життя в гімназії та поза її межами. Найбільшу увагу мемуаристики приділяли академічній повсякденності, тобто сюжетам, присвяченим процесу навчання, отриманню знань, оцінок, а також підготовці та проведенню іспитів. З іншого боку, спогади гімназисток надають достатньо інформації щодо позакласного життя (літературні, театральні, музичні вечори, екскурсії), розкривають сутність міжособистісних стосунків гімназисток (дружба, кохання, відносини з викладачами). Натомість, у спогадах викладачів часто згадується про матеріально-технічну базу гімназій, підіймаються проблемні питання щодо педагогічної діяльності у навчальному закладі. Аналізуючи спогади викладачів та гімназисток жіночих гімназій, можна також дійти висновку, що становище жіночої освіти у столичних та провінційних містах було досить різним. Гімназистки, які навчалися у гімназіях Москви та Петербургу, судячи з спогадів, частіше захоплювались навчанням, обирали собі кумирів серед викладачів, в той час як у провінційних гімназіях, у яких рівень навчання був значно нижчим, а контроль за позакласною діяльністю жорстокішим, ставлення до навчання було більш стриманим.

Примітки

1. Аксакова-Сиверс Т. А. Семейная хроника: в 2-х книгах / Т. А. Аксакова-Сиверс. – Париж, 1988. – Кн. 1.

2. Беер В. А. Листки из далеких воспоминаний / В. А. Беер // Воспоминания об Анне Ахматовой. – М., 1991.
3. Гревс И. М. Долгая трудовая жизнь на пользу детей и учителей (памяти Э. П. Шаффе) / И. М. Гревс // Русская школа. – 1906.
4. Давыдова О. Из воспоминаний учительницы / О. Давыдова // Женское образование. – 1903. – № 2.
5. Давыдова О. Из воспоминаний учительницы / О. Давыдова // Женское образование. – 1903. – № 3.
6. Еленевская И. Э. Воспоминания / И. Э. Еленевская. – Стокгольм, 1968.
7. Зеленая Р. В. Разрозненные страницы / Р. В. Зеленая. – М., 1987.
8. Из дневника гимназистки // Русская школа. – 1900. – № 10-11.
9. Клаймен Т. Мемуары русских женщин второй половины XIX в. / Т. Клаймен // Вестник Московского университета. – Серия 9: Филология. – 2002. – № 6.
10. Кривошеина Н. А. Четыре трети нашей жизни / Н. А. Кривошеина. – Paris, 1984.
11. Олицкая Е. Л. Мои воспоминания: в 2 кн. / Е. Л. Олицкая. – Frankfurt, 1971. – Кн. 1.
12. Ольхина Р. Н. Былое (отрывки из воспоминаний) / Р. Н. Ольхина // Русская школа. – 1906. – № 5/6.
13. Леонтьева Н. Памяти учителя (воспоминания о В. Д. Сировском) / Н. Леонтьева // Женское образование. – 1895. – № 7-12.
14. Первое десятилетие моего учительства // Русская школа. – 1900. – № 12.
15. Погребная В. Л., Маслак Е. О. Женская мемуаристика как модель социальной коммуникации / В. Л. Погребная, О. Маслак [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Dtr/gn/2008_3/files/GN_03_08_Pogrebnaia_Maslak.pdf. Доступ – 01. 11. 2012 р.
16. Пушкарёва Н. Л. У истоков женской автобиографии в России / Н. Л. Пушкарёва // Филологические науки. – 2000. – № 3.
17. Радевич М. Единица (из воспоминаний учителя) / М. Радевич // Нива. – 1891. – № 50.

18. Савкина И. «Пишу себя...» Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века / И. Савкина. – Тампере, 2001.
19. Савкина И. «Чужое-мое сокровище»: женские мемуары как автобиография («Воспоминания» С. В. Капнист-Скалон) / И. Савкина // Гендерные исследования. – 1999. – № 2.
20. Семенов Д. Д. Из пережитого в Мариинской женской гимназии / Д. Д. Семенов // Семенов Д. Д. Избранные педагогические сочинения. – М., 1953.
21. Селиванова А. Три года в провинции (из воспоминаний учительницы) / А. Селиванова // Летопись. – 1916. – № 10.
22. Софийская М. А. На уроках учительницы М. П. Чеховой / М. А. Софийская // Хозяйка чеховского дома. Воспоминания. Письма. – Симферополь, 1969.
23. Фаусек Ю. И. Два учителя (из воспоминаний старой гимназистки) / Ю. И. Фаусек // Русская школа. – 1904. – № 1.
24. Цветаева А. Воспоминания / А. Цветаева. – М., 1983.
25. Шагинян М. С. Два кола / М. С. Шагинян // Хозяйка чеховского дома. Воспоминания. Письма. – Симферополь, 1969.
26. Щепкина Е. Н. Воспоминания и дневники русских женщин / Е. Н. Щепкина // Исторический вестник. – 1914. – № 8.

УДК 94(47)«19»

Національна політика П. А. Столипіна в дореволюційній та радянській історіографії

Стрілюк О. Б.

Striljuk O. B. National Politics of P. A. Stolypin in the Prerevolutionary and Soviet Historiography. The researches of Stolypin's National Politics in the pre-revolutionary and Soviet

historiography are analyzed in this article. It has been proven that the researches of these periods were incomplete and did not give fulfill understanding about Stolypin's intentions to solve national question in the Russian Empire. Further tasks in the study of this problem are defined.

Keywords: P. A. Stolypin, national politics, nationalism, historiography.

Стрілюк О. Б. Национальная политика П. А. Столыпина в дореволюционной и советской историографии. В статье освещается состояние исследований национальной политики П. А. Столыпина в дореволюционный и советский период. Сделан вывод, что тематика и содержание имеющихся работ не дают целостного представления о намерении П. А. Столыпина в отношении решения национального вопроса в Российской империи. Определены задачи дальнейшего исследования данной проблемы.

Ключевые слова: П. А. Столыпин, национальная политика, национализм, историография.

Стрілюк О. Б. Національна політика П. А. Столипіна в дореволюційній та радянській історіографії. У статті висвітлюється стан дослідження національної політики П. А. Столипіна у дореволюційній та радянській періоди. Зроблено висновок про тематичну та змістовну вузькість робіт, які не давали цілісного уявлення про наміри П. А. Столипіна щодо вирішення національного питання в Російській імперії. Визначено подальші завдання дослідження даної проблеми.

Ключові слова: П. А. Столипін, національна політика, націоналізм, історіографія.

Національне питання є одним із найбільш важливих і складних у суспільстві, особливо в країнах із багатонаціональним складом населення. Російська імперія була саме такою країною, а отже, незалежно від соціально-економічного та політичного становища, російська влада завжди була змушена вирішувати національне питання.

Відтак, національна політика стала вагомою складовою діяльності міністра внутрішніх справ та голови Ради міністрів П. А. Столипіна. Питаннями, які завдавали найбільше клопоту МВС, були єврейське, польське та фінське, проблема ж панісламізму на південних окраїнах Росії у той час ще не досягла свого піку.

Вивчення історії національного питання в передреволюційній Росії стало особливо актуальним після розпаду СРСР, загострення міжетнічних конфліктів. Інтерес дослідників до певних аспектів національної політики П. А. Столипіна у той час зріс, однак комплексного дослідження цієї проблеми зроблено не було. У даній статті спробуємо проаналізувати, який доробок мала дореволюційна та радянська історіографія з зазначеної проблеми, а отже, якими були підсумки та завдання вивчення національної політики П. А. Столипіна наприкінці ХХ століття.

Характеризуючи дореволюційні праці, присвячені висвітленню життєвого шляху та державної діяльності П. Столипіна, слід відзначити низку особливостей. У той період роботи ліберального та революційно-демократичного напрямку домінували над публікаціями консервативного спрямування [39-40; 45; 51; 56]. Іншою особливістю було превалювання публіцистичних творів, які містили деякі біографічні подробиці, описували стиль життя П. Столипіна, висвітлювали певні моменти його державної діяльності та в цілому відображали важливі політичні процеси в країні [11-12; 14; 19; 31; 33; 53]. Позитивним аспектом цих праць стало залучення значного фактичного матеріалу, але більшість авторів концентрували свою увагу на критичних інвективах на адресу П. Столипіна та поліції, оскільки ті своїми діями «заохочували терор», «організовували» та «схвалювали» погроми. Ліва публіцистика розвивала тезу щодо погромних дій правих, доводила причетність Міністерства внутрішніх справ і Департаменту поліції до організації погромів і створення правих партій [9; 36]. Публіцисти консервативного напрямку в свою чергу прагнули презентувати та пропагувати

погляди монархістів [37]. Вони заперечували причетність правих партій та уряду до організації погромів. Ще однією особливістю дореволюційної історіографії було те, що лише незначна кількість робіт мала аналітичний характер.

Серед робіт того часу слід відзначити працю В. Скрипичина [49], який певний час працював під керівництвом П. Столипіна у провінції, а отже, знав його манери, риси характеру, а також погляди на окремі важливі питання, зокрема, питання становища євреїв, проблеми єврейських погромів. В. Скрипичин в цілому позитивно характеризував державну діяльність П. Столипіна, називаючи його «справжнім націоналістом», і пояснював, що прем'єр дотримувався ідеї загальноросійського єднання, вимагав від іногородців відданості та поваги до Росії та російського народу. Про те, що національне почуття у П. Столипіна було розвинене, і це було почуття національної гордості, позбавлене зневаги й ненависті до людей інших національностей, знаходимо свідчення у В. Шульгіна [60] та Л. Тихомирова [55].

Безумовно, подібні спогади є для нас цікавими, однак слід врахувати: джерела особового походження вимагають ретельного опрацювання. Разом з тим, такі роботи містять деякі аналітичні, а іноді, концептуальні моменти, і в цьому полягає їх історіографічна цінність.

Відзначимо, що про «націоналізм» П. Столипіна писав також О. Ізгоев [29] (справжнє прізвище Лянде). Він стверджував, що прем'єр-міністр хотів знайти способи для того, щоб «укріпити права молодого російського народного представництва» і такою «рятівною ідеєю», яка могла б об'єднати російське суспільство, здалась П. Столипіну ідея національна. Вона дуже захопила прем'єра і поступово стала навіть визначальною в його політиці. О. Ізгоев вважав, що «стопіпінський націоналізм» був лише тактичним прийомом, який дозволив би уряду поступово втілити у життя програму Об'єднаного дворянства.

О. Ізгоев лише фрагментарно згадав про деякі кроки П. Столипіна в польському та фінському питаннях і в цілому дав суперечливі оцінки діяльності прем'єр-міністра. Таку двоїстість

можна пояснити тим, що з одного боку, О. Ізгоев був представником кадетської партії, з іншого – співпрацював разом зі П. Струве у журналі «Русская мысль». Сам П. Струве – представник напрямку «національно-ліберального імперіалізму» – засуджував «зоологічний націоналізм» та водночас виступав проти надання автономії окремим народам. П. Струве був прихильником П. Столипіна, кадети – його політичними противниками.

В цілому слід підкреслити, що сильна політизованість і публіцистичність дореволюційної історіографії обумовила тематичну та змістовну вузькість вивчення внутрішньої політики П. Столипіна.

У радянський період ще більше закріпилося негативне ставлення до постаті прем'єр-міністра. Після революції 1917 р. не вивчалась як самостійна тема національна політика Російської імперії, у центрі уваги опинилась історія окремих окраїн, яка розглядалась як історія їхньої колоніальної експлуатації та національно-визвольної боротьби пригнічених царизмом народів [16-17]. Однак, звертаючись до таких важливих питань внутрішньої політики, як відносини уряду та Думи, утворення та функціонування третьочервневої системи, не можна було проігнорувати розгляд певних аспектів столипінської національної політики. Характерно, що роботам, присвяченим внутрішній політиці, були притаманні дві суперечливі тенденції: з одного боку, прагнення до розширення фактологічної бази і до відносної об'єктивності історичних оцінок, з іншого – достатньо велика кількість неточностей, заідеологізованість.

В. І. Ленін називав П. А. Столипіна «реакціонером». Він визнавав, що національне питання було одним із найважливіших серед усіх питань, які перебували у компетенції Міністерства внутрішніх справ, і стверджував, що уряд не вирішував це питання, а «воював» з іногородцями, обираючи для такої війни «суто російські» погромні засоби, оскільки інших засобів просто не мав [35]. Подібні настанови призводили до того, що внутрішня політика вивчалась у межах виключно ідеологічних стереотипів: основна увага зверталась на симпатії уряду

П. Столипіна до правих організацій, на його причетність до «погромних дій», «антисемітизм».

В умовах 20-х рр. ХХ ст., коли в Італії до влади прийшов Б. Муссоліні, у деяких працях (С. Любоша [38], В. Залежського [23]) робились спроби провести паралель між фашистами у Західній Європі та членами правих організацій 1905–1917 рр. в Росії, хоча й без належного, всебічного обґрунтування. «Першим російським фашистом» було оголошено П. Столипіна. Саме так називалась книга Ф. Горячкіна, що вийшла в 1928 р. [18]. Під назвою «фашист» автор розумів «крайнього націоналіста, активіста <...> Фашисти російські – це справжні охоронці історичних національних святинь, ці святині: бог, віра православна, цар православний і земля російська народу православного» [18, с. 3].

Відзначимо, що більшість дослідників третьочервневої монархії, ототожнюючи політику П. Столипіна з політикою правих, розглядали весь правий фланг партійно-політичної системи як «однорідно-чорносотенний». «Типовими представниками буржуазних поміщицьких груп, які були опорою столипінського курсу», оголошувались також лідери партії російських націоналістів чи Всеросійського національного союзу (ВНС) [10, с. 490]. Ця політична організація була однією з найвпливовіших у Росії в період останнього міжреволюційного десятиліття: ВНС – друга за чисельністю фракція у III Державній думі. Лише Д. Заславський у своїй роботі характеризував російський націоналізм як «монархізм ідейний, що прагнув поєднати монархію з політичною чесністю, незалежністю, певною свободою» та протиставлявся «глутому і простодушному» чорносотенному монархізму [24, с. 23-24].

Достатньо емоційно висловлювався про російських націоналістів А. Тагер, називаючи їх партію «національної ненависті» [54, с. 39-41]. Він також вважав, що вся столипінська політика, починаючи з розпуску II Думи, завжди була «націоналістично забарвлена», тобто характеризувалась «ненавистю до «іногородців» і особливо до єврейства». А. Тагер

запевняв, що «уряд Столипіна все більше підкорювався Об'єднаному дворянству. Єврейське питання не було виключенням. І тут Столипін дотримувався дворянської, яскраво антисемітської програми» [54, с. 30-31]. Оцінки, дані А. Тагером, відрізняються певною заданістю та упередженістю. Однак для свого часу вони були занадто сміливими. Авторів інкримінували наміри ухилитись від «детального вивчення всієї соціально-політичної структури столипінського режиму» і дали зрозуміти, що єврейське питання було взагалі небажаним для розгляду [54, с. 299-300]. Отже, відсутність досліджень на цю тему призвела до того, що на довгі роки за П. Столипіним закріпились прізвиська «реакціонера», «першого на Русі погромника», «юдофоба», «антисеміта».

З середини 30-х рр. XX ст. фактично припинилось вивчення політичної історії третьочервненої Росії. Упередженість щодо неї виявилася надзвичайно стійкою. Проте напередодні Великої Вітчизняної війни виникла потреба відродити ідею державності, що призвело до важливих змін в оцінках національної політики Російської імперії. 1937 р. історики висунули теорію «найменшого зла»: викривальний підхід школи М. Покровського замінив напрямом, який проголосив велич російської нації та держави. Однак сталінська політика репресій стосовно окремих народів на довгі роки припинила вивчення національної політики самодержавства в цілому.

Систематичне вивчення сюжетів, які стосувалися політичної історії Росії початку XX ст., розпочалося лише після смерті Й. Сталіна [5]. Водночас, з 1953 р. відновилося трактування російської національної політики, характерне для історіографії 20-х рр. XX ст.: царська Росія – «тюрма народів» [47]. Так, 1954 р. А. Аврех захистив кандидатську дисертацію «Блок помещичьих и буржуазных партий в III Думе (К вопросу о крахе столыпинского бонапартизма)» [1], а протягом першої половини 1960-х рр. були опубліковані студії автора, які торкалися третьочервненої теми [2]. У підручниках з історії СРСР для вузів (1959, 1965 і 1968 рр. видання) з'явився розділ з історії третьочервненої

монархії. 1966 р. побачила світ монографія А. Авреха «Царизм и третьей червневая система», у якій розглядалися питання взаємодії Думи та столипінського уряду у зазначений період, виникнення та хід урядових криз, початок розпаду третьочервненої системи. Історик першим спробував проаналізувати політику царського уряду по відношенню до Польщі та Фінляндії, а також зазначив про «підтримку столипінським урядом антисемітизму суто російських людей». «Автор переконливо доводить, як наміри зберегти «єдину та неподільну» за умов політики «розподіляй і володарюй» призвело до загострення революційної кризи та дружньої атаки середньовічної тюрми народів всіма національностями Росії на чолі з російською», – писав у рецензії на книгу К. Ф. Шацко [59, с. 173].

У 1968 р. вийшла робота А. Авреха «Столыпин и III Дума» [4]. Для свого часу вже сам факт появи такого дослідження, безперечно, виявився прогресивним: історик наважився поставити у назву роботи фактично заборонене ім'я Столипіна, до того ж, вперше у радянській історіографії, це ім'я згадувалось не у зв'язку з «реакцією» та «каральною політикою царизму», як це було прийнято до тих пір, а у контексті вивчення історії парламентаризму в дореволюційній Росії. В цілому позиція А. Авреха зводилася до твердження, що весь правий табір підтримував, чи, бодай, «змирився» з бонапартистським курсом П. Столипіна. Історик відзначав, що «ініціатива, визначення конкретних програм і розробка відповідних законопроектів цілком були монополізовані правими в Думі та поза Думою, які співпрацювали з урядом П. Столипіна» [4, с. 23].

У той же час А. Аврех констатував деяку відмінність націоналістичної системи поглядів від чорносотенної: «Націоналізм у третьочервневий період виступав у найлютішій зоологічній формі, мав реакційний, войовничо-русифікаторський характер... Праві проводили цю ідею під гаслом «народу-господаря». Офіційним гаслом власне націоналістів було «Росія для росіян»...» [4, с. 25-26]. Розмірковуючи про природу російського націоналізму, історик неодноразово відтворював

оцінки діяльності П. Столипіна, які належали кадетському офіціозу – газеті «Речь», представнику кадетської партії О. Ізгоеву, публіцисту М. Меншикову. Однак, як справедливо відзначив Д. Коцюбинський: «...ідеологема «народу-господаря» ніколи не була офіційним гаслом крайне правих: ним незмінно залишалась уваровська триада «Православ'я, Самодержавство, Народність», і російські націоналісти користувалися нею так само часто як і чорносотенці» [32, с. 14]. Так само є малопереконливою й спроба А. Авреха оголосити систему поглядів П. Столипіна та ВНС з національного питання більш «зоологічною», ніж у чорносотенців.

В. Дякін розмежував позиції П. Столипіна та правих, перш за все Ради Об'єднаного дворянства, яка не схвалила місцевої реформи голови уряду [22]. Більш детальну аргументацію це положення отримало у його ж монографії «Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг.» [21]. Історик вважав, що «П. Столипін був більш-менш розумним державним діячем, який відверто намагався реалізувати не лише першу частину формули «спочатку заспокоєння, а потім реформи», але й другу». І саме намагаючись здійснити другу частину зазначеної формули, прем'єр-міністр наштовхнувся на опір з боку тих сил, які вважали, що Росія не потребувала жодних реформ. «Зіткнення бонапартистського та легітимістського угруповання призвело до боротьби в верхах у 1907–1911 роках» [284, с. 21], – стверджував В. Дякін. А. Аврех різко розкритикував таке розуміння політики П. Столипіна [6, с. 10-17]. Відтак, у подальших своїх роботах В. Дякін припинив будь-яку дискусію з А. Аврехом [47, с. 421-429].

Свою концепцію всієї історії третьочервеної монархії в Росії В. Дякін виклав у роботі «Кризис самодержавия в России» [37]. Пізніше він дещо скоригував свої погляди у праці «Власть и реформы» [13] та включив до цієї колективної монографії нові сюжети про історію православної церкви та національної політики самодержавства.

Упродовж 1970–1980-х рр. зріс інтерес дослідників до

історії окремих окраїн, зокрема Фінляндії. У монографіях Р. Дусаєва [20], Л. Суні [52], А. Овчинникової [41], Є. Ошерова [43] акцент робився переважно на вивченні революційних подій, суспільно-політичних рухів, діяльності партії більшовиків та на економічному розвитку. Не було жодної серйозної спроби дати узагальнюючу картину національної політики самодержавства, і тому в історіографії сформувався «русоцентристський» погляд на історію Росії.

В цілому радянський етап розвитку історіографії проблеми характеризувався значною заідеологізованістю, суто класовим підходом до постаті П. Столипіна. Водночас, позитивним моментом стало накопичення значної джерельної бази.

Важливі зміни в історичній науці відбулись на межі 1980–1990-х рр.: після послаблення ідеологічного тиску розпочалося переосмислення багатьох явищ, подій минулого, стали відроджуватись забуті імена. Якщо протягом тривалого часу панувало виключно негативне ставлення до П. Столипіна та його діяльності, то наприкінці 80-х рр. XX ст. з'явився протилежний погляд: Столипін проголошувався видатним реформатором, а його політика – величезним благом для Росії, вона відкривала перед країною блискучі перспективи соціально-економічного та політичного розвитку. В літературі укріплювались також позиції тих істориків, що не поділяли крайнощів двох вищезазначених підходів до діяльності П. Столипіна, намагалися дати їй більш-менш виважену оцінку.

Квінтесенцією традиційних інтерпретацій політики П. Столипіна можна вважати статтю А. Анфімова, який виступив категорично проти сентенції: «Столипін любив Росію» [8]. Він вважав, що «трудящі пишучого цеху (О. Солженіцин, Б. Можаяєв, Д. Жуков, В. Сіроткін, Р. Петров) спотворювали дійсний стан дореволюційної Росії», яка насправді не була багатою та квітучою. На думку вченого, вони не мали жодних підстав звеличувати П. Столипіна як особистість і як державного діяча, оскільки «він був лише прем'єр при самодержці». А. Анфімов запевняв, що П. Столипін «відчував ненависть до земського самоуправління»,

а головне – «він не любив Росію». Крім того, «П. Столипін і чути не хотів про іногородців, бо мріяв про «Велику Росію», у якій всі піддані розмовляли та думали російською і гадки не мали жити в іншій державі, окрім єдиної та неподільної» [8, с. 121].

А. Аврех у роботі «П. А. Столыпин и судьбы реформ в России» [3] також не відмовився від своїх попередніх, в цілому негативних, оцінок постаті та державної діяльності прем'єра. Історик називав П. Столипіна «переконаним і послідовним націоналістом», стверджуючи, що «слова про «велику Росію» були не просто красивою фразою, а програмним гаслом, якому він надавав такого ж виключного значення, як і аграрному курсу. Саме на цих двох «китах» він мав наміри збудувати «нову Росію», «Росію для росіян» – бойовий клич всіх російських шовіністів, починаючи з крайнє правих і закінчуючи октябристами». Проте робота А. Авреха не давала вичерпної відповіді на питання: що саме стало причиною переходу П. Столипіна з політики землеустрою до національної? Не є переконливими і роздуми про природу «століпінського націоналізму». Можна сказати, що в цій роботі історика концепція, яка була послідовно сформульована ним у попередніх працях в цілому набула завершеного вигляду: Жовтню не існувало альтернативи. А. Аврех радив «не повторити П. Столипіна».

Згодом С. Константинов підкреслив, що «власне не повторити П. Столипіна радив також С. Вітте», і саме з його спогадів пішли легенди про терор, про «війну, яку оголосив століпінський уряд російському єврейству» [30]. С. Константинов засудив обрану А. Аврехом «методологію викриття», заявивши, що «вона сприяла не вивченню, а обвинуваченню прем'єр-міністра».

Відзначимо, що вивченню життєвого шляху П. Столипіна та його державної діяльності на межі 1980–1990-х рр. сприяла поява літератури величезної історичної ваги: почали публікуватись мемуари громадських і партійних діячів, урядовців, документальні матеріали. Стали доступними закриті раніше архівні фонди. У цей час з'явилися спеціальні роботи, присвячені постаті П. Столипіна, серед яких, у першу чергу, слід виділити праці М. Зирянова

[25–28]. Він відзначав: «Ми вчинимо розумно, сприйнявши Столипіна таким, яким він є – з усім поганим і добрим... І тверезо оцінивши все, зроблене ним, не створимо собі кумира» [28, с. 125]. Таких само «центристських» поглядів дотримувались І. Островський [42], В. Федоров [58].

У 1980–1990-х рр. дослідники все частіше зверталися до висвітлення таких сюжетів, як відносини П. Столипіна з Миколою II, придворними колами [50; 7], намагалися розкрити «феномен» П. Столипіна у співставленні його з С. Вітте. Однак, як і раніше, з усього пакету століпінських перетворень у полі зору істориків переважно залишались аграрна реформа та реформа місцевого самоуправління. Щодо національної політики, то навіть на початку 90-х рр. ХХ ст. її продовжували вважати «ахіллесовою п'ятою століпінської концепції переходу до правової держави». Так, Т. Татарникова та С. Самсонова стверджували, що «ця політика базувалась на утопічному уявленні про асиміляторські здібності російського етносу», що П. Столипін був егоїстичним у своїх поглядах, оскільки «його не цікавили інтереси фінів, поляків» [48]. Дослідниці, однак, згадали про спробу голови Ради міністрів відмінити деякі обмежувачі постанови щодо євреїв. Відзначимо, проте, що ще 1986 р. в Нью-Йорку вийшла публікація «Убийство П. А. Столыпина. Свидетельства и документы», у якій О. Серебренников представив низку матеріалів, котрі мали безпосереднє відношення до політики прем'єра в єврейському питанні [57].

Таким чином, історіографічний аналіз засвідчує, що у зазначений період національна політика П. Столипіна залишалась недостатньо вивченою. Наявні на той час праці не давали цілісного уявлення про те, які причини спонукали прем'єра вдатися до розгляду єврейського, польського, фінського питань, в чому полягали особливості їх вирішення, які аспекти цих питань і чому саме були для прем'єра пріоритетними. Не висвітлювались об'єктивні та суб'єктивні чинники, що впливали на розробку та еволюцію урядових підходів з національного питання, а також ставлення до національної політики П. Столипіна з боку основних

політичних сил. Необхідність вирішення цих завдань, проте, є цілком очевидною, оскільки без комплексного дослідження національної політики П. А. Столипіна неможливо скласти повного уявлення про історію Росії початку ХХ ст.

Примітки

1. *Аврех А. Я.* Блок помещичьих и буржуазных партий в III Думе (К вопросу о крахе столыпинского бонапартизма): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. Я. Аврех. — М., 1954.
2. *Аврех А. Я.* Ленский расстрел и кризис третьеиюньской системы / А. Я. Аврех. — М., 1962.
3. *Аврех А. Я.* П. А. Столыпин и судьбы реформ в России / А. Я. Аврех. — М., 1991.
4. *Аврех А. Я.* Столыпин и Третья Дума / А. Я. Аврех. — М., 1968.
5. Аврех А. Я. Третья Дума и начало кризиса третьеиюньской системы (1908–1909 гг.) / А. Я. Аврех // Исторические записки. — М., 1955. — Т. 53.
6. *Аврех А. Я.* Царизм и IV Дума: 1912–1914 гг. / А. Я. Аврех. — М., 1981.
7. *Андронников М.* Бутафорская реформа / М. Андронников // Родина. — 1990. — № 11.
8. *Анфимов А. М.* Тень Столыпина над Россией / А. М. Анфимов // История СССР. — 1991. — № 4.
9. *Анчарова М.* Кто и почему устраивает еврейские погромы / М. Анчарова. — М., 1917.
10. *Балашёв П. Н.* // Большая советская энциклопедия. — М., 1926. — Т. 4.
11. *Вечев Я.* Министерская карьера П. А. Столыпина / Я. Вечев // Современник. — СПб., 1911. — № 9.
12. *Вещий Олег* (Башмаков А. А.) Последний витязь: [Бывший председатель Совета министров П. А. Столыпин] / Олег Вещий (А. А. Башмаков). — СПб., 1912.
13. *Власть и реформы.* От самодержавия к советской власти / Отв. ред. Б. В. Ананьич. — СПб., 1996.
14. *Внутреннее обозрение.* Обзор государственной деятельности П. А. Столыпина // Вестник Европы. — СПб., 1911. — Кн. 11.

15. *Ганелин Р. Ш.* Творческий путь А. Я. Авреха / Р. Ш. Ганелин // История СССР. — 1990. — № 4.
16. *Гейликман Т. Б.* История общественного движения евреев в Польше и России / Т. Б. Гейликман. — М.; Л., 1930.
17. *Гессен Ю. И.* История еврейского народа в России / Ю. И. Гессен. — Л., 1925–1927. — Т. 1-2.
18. *Горячкин Ф. Т.* Первый русский фашист Пётр Аркадьевич Столыпин / Ф. Т. Горячкин. — Харбин, 1928.
19. *Довнар-Запольский Д. Н.* П. А. Столыпин / Д. Н. Довнар-Запольский. — СПб., 1912.
20. *Дусаев Р. Н.* Уголовное уложение Великого княжества Финляндского: история создания, основные институты / Р. Н. Дусаев. — Л., 1988.
21. *Дякин В. С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. / В. С. Дякин. — Л., 1978.
22. *Дякин В. С.* Столыпин и дворянство (провал местной реформы): Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период / В. С. Дякин. — Л., 1972.
23. *Залежский В. Н.* Монархисты / В. Н. Залежский. — Харьков, 1929.
24. *Заславский Д.* Рыцарь монархии Шульгин / Д. Заславский. — Л., 1927.
25. *Зырянов П.* О Столыпине и не только о нём / П. Зырянов // Неделя. — 1989. — № 38.
26. *Зырянов П. Н.* П. А. Столыпин / П. Н. Зырянов // Вопросы истории. — 1990. — № 6.
27. *Зырянов П. Н.* П. А. Столыпин / П. Н. Зырянов // Россия на рубеже веков: исторические портреты. — М., 1991.
28. *Зырянов П. Н.* Пётр Столыпин: Политический портрет / П. Н. Зырянов. — М., 1992.
29. *Изгоев А. П.* А. Столыпин. Очерк жизни и деятельности / А. П. Изгоев. — М., 1912.
30. *Константинов С.* Призрак графа Витте / С. Константинов // Литературная Россия. — 1992. — 10 января.
31. *Красильников Н. Д.* П. А. Столыпин и его деятельность в первой, второй и третьей Государственной Думе по важнейшим вопросам: по финляндскому, польскому, по землеустроению крестьян, по вероисповедному, по введению земства в Западном крае и по многим крупным явлениям общественной жизни / Н. Д. Красильников. — СПб., 1912.

32. Коцюбинский Д. А. Российский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза / Д. А. Коцюбинский. – М., 2001.
33. Кречетов П. И. П. А. Столыпин. Его жизнь и деятельность / П. И. Кречетов. – Рига, 1910.
34. Кризис самодержавия в России. 1895–1917 / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, Б. Б. Дубенцов и др. – Л., 1984.
35. Ленин В. И. К вопросу о национальной политике / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – М., 1973. – Т. 25.
36. Лужицкий И. В. Предисловие / И. В. Лужицкий // Речи по погромным делам. – Киев, 1908.
37. Любинский А. И. Русский национализм как средство борьбы с революционно-инородческим движением / А. И. Любинский. – К., 1907.
38. Любош С. Б. Русский фашист Владимир Пуришкевич / С. Б. Любош. – Л., 1925.
39. Мякотин В. А. О современных политиках / В. А. Мякотин // Русское богатство. – СПб., 1909. – № 8.
40. Мякотин В. А. О современных реформах / В. А. Мякотин // Русское богатство. – СПб., 1908. – № 9.
41. Овчинникова А. Я. Революционная Россия и Финляндия 1905–1907 / А. Я. Овчинникова. – Таллин, 1988.
42. Островский И. В. П. А. Столыпин и его время / И. В. Островский. – Новосибирск, 1992.
43. Ошеров Е. Б., Суни Л. В. Финляндская политика царизма на рубеже XIX–XX вв.: Учеб. Пособие / Е. Б. Ошеров, Л. В. Суни. – Петрозаводск, 1986.
44. Панкратова А. М. СССР – страна великого содружества народов / А. М. Панкратова. – М., 1953.
45. Петрищев А. Хроника внутренней жизни / А. Петрищев // Русское богатство. – СПб., 1911. – № 3.
46. Пешехонов А. В. На очередные темы: Не добром помянут / А. В. Пешехонов // Русское богатство. – СПб., 1911. – № 10.

47. Проект ответа В. С. Дякина на критические замечания А. Я. Авреха // Английская набережная, 4: Ежегодник / Санкт-Петербургское научное общество историков и архивистов. – СПб., 1997.
48. Самсонова Т. Н., Татарникова С. Н. Столыпинская концепция движения к правовому государству / Т. Н. Самсонова, С. Н. Татарникова // Социально-политический журнал. – 1992. – № 6–7.
49. Скрипицын В. А. Богатырь мысли, слова и дела / В. А. Скрипицын. – СПб., 1911.
50. Соловьёв Ю. Оппонент министра / Ю. Соловьёв // Родина. – 1990. – № 11.
51. Струве П. А. И. Гучков и П. А. Столыпин. Что такое государственный человек? Вопрос о русской конституции / П. Струве // Русская мысль. – М., 1909. – Кн. 11.
52. Суни Л. В. Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е годы. XIX в. / Л. В. Суни. – Л., 1982.
53. Сыромятников С. Н. Железный министр / С. Н. Сыромятников // Богатырь мысли, слова и дела. – СПб., 1911.
54. Тагер А. С. Царская Россия и дело Бейлиса / А. С. Тагер. – М., 1934.
55. Тихомиров Л. К реформе обновлённой России (статьи 1909, 1910, 1911 гг.) / Л. Тихомиров. – М., 1912.
56. Трубецкой Е. Русский Бисмарк / Е. Трубецкой // Московский еженедельник. – М., 1909. – № 47.
57. Убийство П. А. Столыпина. Свидетельства и документы / Сост. А. Серебренников. – Нью-Йорк, 1986.
58. Фёдоров В. А. П. А. Столыпин (1862–1911) / В. А. Фёдоров // Вестник МГУ. – Сер.: История. – М., 1992. – № 3.
59. Шацко К. Ф. Царизм и третьеиюньская система / К. Ф. Шацко // История СССР. – 1968. – № 3.
60. Шульгин В. В. Диогенов фонарь / В. В. Шульгин // Государственная деятельность председателя Совета министров статс-секретаря П. А. Столыпина. – СПб., 1911. – Ч. 3.

УДК 930(=111)

Точки біфуркації у Східному питанні в інтерпретації сучасних англомовних істориків*

Сеніна Л. В.

Senina L. V. Bifurcation Points of the Eastern Question in the Contemporary English-speaking Historians' Interpretation. The author marks out crucial points (bifurcation points) in the course of the Eastern Question during 1801–1812 and makes an attempt to define understanding of the ambiguity in the confrontation by contemporary English-speaking historians.

Keywords: Eastern Question, English-speaking historiography, synergetic approach.

Сеніна Л. В. Точки бифуркации в Восточном вопросе в интерпретации современных англоязычных историков. Автор статьи выделяет в Восточном вопросе в период 1801–1812 гг. переломные моменты (точки бифуркации) и совершает попытку определить понимание природы неоднозначности данного периода противостояния в современной англоязычной историографии.

Ключевые слова: Восточный вопрос, англоязычная историография, синергетический подход.

Сеніна Л. В. Точки біфуркації у Східному питанні в інтерпретації сучасних англомовних істориків. Автор статті виокремлює у Східному питанні періоду 1801–1812 рр. переломні моменти (точки біфуркації) й здійснює спробу віднайти розуміння суті неоднозначності цього періоду протистояння в сучасній англомовній історіографії.

Ключові слова: Східне питання, англомовна історіографія, синергетичний підхід.

* Статтю підготовлено в межах держбюджетної теми Міністерства освіти і науки України «Російська імперія у XIX – на початку XX ст.: механізми взаємодії влади та суспільства (регіональний аспект)» № 4-2012

Історичний дискурс довгий час зображав Східне питання – низку міжнародних проблем кінця XVIII – початку XX ст., зумовлених прагненням великих держав Європи здійснити розподіл володінь Османської імперії – в лінійному ракурсі, як довготривале міжнародне протистояння, що, підживлюючись цинічним духом тогочасної дипломатії, мало своє логічне завершення у Першій світовій війні. Поглянувши на перебіг Східного питання, можна побачити, що воно набуло традиційного формату розвитку, пройшовши ряд кризових моментів, які мали високий ступінь невизначеності подальшого перебігу, в період 1801–1812 рр. Синергетика пропонує термін «точки біфуркації» для таких етапів у розвитку, коли система, входить у період нестабільності і набуває декількох варіантів альтернативного вирішення. Під точками біфуркації Східного питання у роботі розуміється період від початку правління Олександра I й його спроб втримати доктрину легітимізму у міжнародних відносинах в умовах завойовницького маршу Франції та до початку Вітчизняної війни, хід та завершення якої тимчасово відвернули увагу великих держав від Східного питання до вибуху грецького повстання 1821 р.

Розуміючи скептицизм і застороги науковців щодо застосування цього вчення у соціогуманітарних дослідженнях, ми не можемо не зупинитися детально на поясненні нашого вибору зазначеного підходу. Російський фізик та філософ В. Буданов наголошує, що продуктивне використання синергетики в соціогуманітарних пошуках можливе лише за умови, коли вчений володіє не тільки знаннями зі своєї спеціальності та філософії як методологічно-ціннісної основи наукової творчості, але й має високий рівень підготовки з математики [10, с. 155]. Але в тих же роздумах сам В. Буданов приходить до висновку, що в існуючій системі освіти сформувати такого спеціаліста практично неможливо [10, с. 149–150]. Іншою проблемою, вартою уваги, науковець називає метафоризацію мови, коли поняття з самої дисципліни адаптуються вченими інтуїтивно, а їхній зміст розмивається і тому відрізняється [10, с. 149–152].

Власне саме ця проблема «метафори» викликає жорстку критику науковців, які в кращому разі стверджують, що це данина науковій моді, а в гіршому просто відносять такі дослідження до категорії псевдонаукової діяльності [10, с. 147; 14]. На нашу думку, синергетика як парадигма постнекласичної науки в своєму ідеальному вигляді як місток між гуманітарними та математичними й природничими дисциплінами, незважаючи на всю утопічність проекту, якщо і не знайде відповідей, то принаймні може поставити нові питання, що також слугує стимулом до нових наукових відкриттів. Ознайомившись з роботою одного з основоположників дисципліни Г. Хакена, де виклад матеріалу побудовано ніби по висхідній: від принципів синергетики у фізиці та хімії до соціального простору, ми можемо підтримати думку про існування двох видів синергетики: математичної дисципліни та міждисциплінарного підходу [11, с. 16; 22]. І саме синергетичний підхід на рівні метафор, принаймні на сьогодні і є під силу гуманітаріям, а на більш складному математичному рівні він може реалізуватися у соціології, демографії та економіці [23, с. 33]. Якщо в майбутньому цей напрямок все ж таки поєднає різні пласти наукового простору, то метафоризація є нічим іншим ніж логічним етапом на шляху до цієї події. На користь залучення синергетичної парадигми до гуманітарних досліджень свідчить і розташування останніх в структурі сучасної епістемі. М. Фуко вказував на процес взаємодії гуманітарних та точних наук у рамках використання понять з галузей останніх, за умови їхнього переходу у роль образів [21, с. 376]. Відтак, можна стверджувати, що новітній міждисциплінарний напрям збагатив гуманітарну галузь набором метафор, які стають частиною наукової картини світу і дають можливість пізнання множинності в умовах постмодерного натяку на агностицизм.

Прикладом повноцінного використання синергетичного підходу як методологічної бази дослідження може слугувати робота О. Г. Пономарьової «Балкани як точка біфуркації системи міжнародних відносин» [17]. Дослідниця не вдається до моделювання чи розрахунків, але на основі саме синергетичних

термінів (методологічних метафор) доводить, що сучасна ситуація в Косово є точкою біфуркації, у якій триває боротьба традиційної державності та неоліберального глобалізованого бачення світового устрою.

Предметом нашого дослідження окресленого періоду Східного питання є такі характеристики категорії точки біфуркації як нестабільність та нелінійність. Інтерес саме до такого ракурсу проблеми зумовлений новітніми тенденціями у сучасній російській історичній науці, які по суті звертаються до тем, що є альтернативними шляхами еволюції Східного питання: російсько-турецьке партнерство, російський зовнішньополітичний конституціоналізм на межі XVIII–XIX ст. Виходячи зі сказаного, ми зробимо спробу виявити розуміння зазначеного періоду Східного питання як точки біфуркації сучасною англomовною історіографією.

На сьогодні комплексний огляд робіт англomовних вчених, які досліджували міждержавне протистояння, представлено у радянській історіографічній спадщині [12; 19], яка потребує обережного прочитання. Сучасні науковці проводять власні історіографічні пошуки на основі предметної оптики досліджень [9; 16], але представлена розвідка зосереджує увагу на Східному питанні як нелінійному вимірі.

Класифікація взятих до уваги робіт британських та американських істориків, проведена на основі бачення ними місця зазначеного хронологічного періоду Східного питання, дозволяє виокремити два підходи у розумінні окресленої епохи конфлікту: франкоцентричний та комплексний. Історики першого напрямку представляють Східне питання початку XIX ст. як другорядну проблему, стверджуючи, що насамперед політика Наполеона була «монополією» у міжнародному житті того часу. Друга когорта вчених приділяє увагу Східному питанню 1801–1812 рр., вписуючи його в контекст загальноєвропейського життя, каталізатором якого виступала Франція.

Спільним для істориків обох напрямків є розуміння зовнішньої політики Росії як великої держави, з власними

амбіціями, планами. Спираючись на дослідження А. Рібера про історіографічні міфи російської експансії [18], ми можемо стверджувати, що більшість авторів обох напрямів пояснюють природу зовнішньої політики Російської імперії або в рамках поняття східної деспотії (спадщина марксистського вчення), або на основі доктрини про прагнення Росії до моря з метою захоплення ресурсів необхідних для боротьби за світове панування. Проте маємо зауважити, що, активно залучені в англomовний науковий дискурс в період холодної війни, названі міфи не завжди зображали Росію у виключно негативній ролі у Східному питанні.

Робота Дж. Гуревіца, американського дослідника, належить до тих, у яких легко ідентифікується еkleктизм обох, вказаних А. Рібером, концептуальних міфів. Проблема проток у російсько-турецьких відносинах, актуалізована в контексті холодної війни, розглядається автором з точки зору фальсифікацій текстів договорів 1799 р. та 1805 р. російськими вченими. Дж. Гуревіц вважає, що спроби СРСР вирішити питання проток на основі договорів кінця XVIII–XIX ст. є імперіалістичними намірами, а викривлення змісту договорів відбулося, оскільки насправді їх було укладено лише на часи війни з французами. Вчений підтримує думку, що договори між Константинополем та Петербургом ініціювала насамперед Росія, в той час як Порта не потребувала її як союзника. Джерельна база дослідження Дж. Гуревіца, детальний компаративний аналіз текстів російсько-турецьких договорів у різних студіях, перекладах, посиланнях є беззаперечною заслугою дослідника. Разом з тим, на нашу думку, у роботі випущено значний фактор – внутрішнє становище Османської імперії, розхитане реформами «нового порядку» султана Селіма III. Беручи його до уваги, на наше переконання, розподілити Росію, Туреччину та Англію у формулі «агресор-жертва-захисник» відповідно не є правильним. Утім, саме таке розуміння ситуації цілком вписувалося у науковий світогляд часів холодної війни. Не оминає увагою вчений і двох тенденцій у зовнішній політиці російського уряду: у досягненні своєї мети,

захопленні проток, Росія могла або шукати домовленостей із Заходом, або отримати їх від самого султана як винагороду за послуги. Оскільки обидва шляхи не виключали один одного, Петербург використовував обидва протягом століть, а оскільки жоден не виявився ефективним, російська політика набула характерної двоїстості [4, с. 609]. Але у даному творі Дж. Гуревіца двоїстість не постає ознакою переломного моменту; вчений, навпаки, вважає це стійким явищем, засобом досягнення усталеної мети царату.

Розуміння періоду Східного питання 1801–1812 рр. як нерівномірного й критичного притаманне концепції Л. Меріджа [7]. Наукова новизна роботи вченого полягає у доведенні ним думки, що події Першого сербського повстання 1804–1813 рр. були не просто ознаками «хвороби» оттоманської держави, а утворили формат подальшого вирішення Східного питання: місцеві повстання в Османській імперії супроводжуються втручанням Заходу під різними приводами. Історик зазначає, що політика Росії у цьому випадку пройшла етап трансформації: від ігнорування до активного втручання, причому фактором цієї зміни Л. Мерідж називає політику Наполеона. Олександр I був змушений втрутитись у сербське питання, аби французи не перехопили ініціативу у цьому регіоні, сприяючи погіршенню російсько-турецьких відносин. Нестабільність у зовнішньополітичному курсі Л. Мерідж вбачає в позиції Австрії, сербських повстанців, Англії, Франції, звертаючи увагу на пошуки національною елітою напрямків своєї дипломатичної діяльності, в основі яких лежала різна ціннісна орієнтація. Цей пласт, у свою чергу, залежав від коливань у російсько-французьких відносинах. Важливість цього етапу Східного питання визначена істориком у тому, що він став початком «надягання Росією маски» щирого захисника християнських підданих Туреччини, яку вона не знімала до свого падіння у 1917 р. Але при цьому науковець не заперечує великого значення російської політики у становленні сербської державності [7, с. 439].

Професор Лондонської школи економіки М. Андерсон також дотримується думки про роль французького чинника як каталізатора розвитку Східного питання у 1801–1812 рр. Але його наратив побудовано на лінійній перспективі, оскільки, на його думку, зміна конфігурації сторін конфлікту не змінювала їхні головні мотиви. Відтак, Східне питання у концепції М. Андерсона подібне ефекту снігового кома. Російсько-турецькі договори не набувають у творі значення альтернативного партнерства через сильні антиросійські та антитурецькі настрої у Константинополі й Петербурзі відповідно; історик розглядає цей союз як нещирий, створений в ситуації наявності спільного ворога в особі Бонапарта [1, с. 30]. Проте британський науковець звертає увагу на події у Белградському пашаліку як нову силу, що з'явилася у Східному питанні і була проігнорована Заходом. Попередня відмова Олександра I допомогти повстанцям пояснюється М. Андерсоном як небажання створювати на Балканах конкурента іншому осередку, яким опікувалась Росія, – Чорногорії [1, с. 48].

Чарльз та Барбара Джелавічі, американські спеціалісти з історії Балкан та Південно-Східної Європи, розглядали 1801–1812 рр. як важливий період у розвитку балканських народів та відповідного вектору політики Російської імперії. Як і у творі М. Андерсона, їхній інтерес до проблеми розгортається навколо методологічної трансформації балканської політики Петербурга під впливом французького чинника. Так, вчені визначають трансформацію у дунайському векторі російської політики: від анексії часів Катерини II до договорів щодо статусу князівств між російським імператором та султаном в епоху правління Олександра I [5, с. 8]. Роль сербських повстанців оцінена дослідниками як початок традицій зобов'язань і відносин Петербургу з балканським народом. Але історики також дотримуються думки, що втручання Олександра у події у Белградському пашаліку було наслідком активізації діяльності французів у регіоні [6, с. 32]. Попередню відмову допомогти Карагеоргію Б. і Ч. Джелавічі пов'язують з тим, що Петербург

на той час не мав планів послаблення Порти, оскільки остання була його союзницею проти Наполеона [5, с. 12; 6, с. 32]. Як бачимо, М. Андерсон представив іншу точку зору на причину відмови імператора. Отже, американські історики не вбачають у дипломатичному житті 1801–1812 рр. суттєвих ідеологічних протистоянь, а чергування союзницьких конфігурацій пояснюється ними лише прагненням великих держав досягти своєї мети.

Британська дослідниця К. Фінкель презентує події Східного питання з османської перспективи, що робить історичний простір твору двошаровим, де головними особами виступають Порта та когорта корисних великих держав. Бачення К. Фінкель політики Російської імперії схоже на думку Дж. Гуревіца про її методологічну двоїстість: Петербург реалізує свої наміри за допомогою співпраці з балканськими народами чи з Наполеоном в залежності від ситуації. Концепт нестабільності постає у студії дослідниці в османському модусі і зводиться до розгубленості місцевої еліти у їхньому прагненні представити свою державу як європейську прибічницю легітимізму в умовах, коли Франція завдала цій ідеї нищівного удару доктриною експансіонізму [20, с. 540-543; 582-583].

Заслужують на увагу і роботи вчених, віднесених нами до франкоцентричного напрямку: праці Дж. Кларксона, Т. Чепмена, Х. Регсдейла. Можна з певністю сказати, що бачення ними Східного питання як проблеми другорядної в роки наполеонівської експансії не має одностайної концептуальності. Приміром, робота американського вченого Дж. Кларксона висвітлює Східне питання початку XIX ст. лише в контексті просування Російської імперії до проток. Історик зауважує, що саме цей вектор політики Петербургу став причиною «холодної війни» XIX ст. (термін вжито самим науковцем) між Росією та Великобританією [3, с. 248; 284-285]. Сучасний історик Т. Чепмен приділяє ще менше уваги цій проблемі, називаючи Олександра I наївним у своїх прагненнях до мирного врегулювання ситуації [2, с. 1; 18-22].

Осібнo у названій групі вчених постає концепція Х. Регсдейла. Американський вчений, спираючись на праці англомовних, франкомовних істориків, джерела, опубліковані радянськими вченими, представляє детальну характеристику європейських дипломатичних перипетій початку XIX ст., але не виокремлює Східне питання як окрему проблему тогочасної зовнішньої політики Петербурга. Історик лише подекуди уточнює долю оттоманських володінь у планах Олександра I та Наполеона, називаючи це питання «перемінним та слизьким» (критерії точки біфуркації) [8, с. 523]. Російський імператор, за словами науковця, сподівався, що володіння Порти стануть винагородою за ношу тільзитських зобов'язань [8, с. 526]. Розгорнувши марксистський взаємозв'язок «деспотична внутрішня політика сприяє зовнішньополітичній експансії», Х. Регсдейл приходить до іншого концептуального висновку: політика Павла I та Олександра I, маючи різні засоби, переслідувала одну ціль: захист інтересів всього континенту. Але єврофільська політика російських монархів не знайшла розуміння на Заході і законсервувала внутрішній устрій Росії [8, с. 529]. Повертаючись до синергетичних метафор, зазначимо, що робота американського професора, вловлює критичність і нестійкість тогочасного розвитку міжнародних відносин, що проявилася у боротьбі легітимізму та експансіонізму.

Таким чином, сучасні американські та британські вчені по-різному підходять до Східного питання у період 1801–1812 рр., починаючи з бачення важливості цього етапу як такого і закінчуючи розумінням природи його непостійності. Справжньою точкою біфуркації окреслений етап конфлікту постає у роботі Л. Меріджа, М. Андерсон, Б. і Ч. Джелавічі, Дж. Гуревіц розглядають нестабільність періоду у лінійному форматі й підкреслюють важливість французького чинника та Першого сербського повстання для подальшого розвитку конфлікту. К. Фінкель та Х. Регсдейл вбачають альтернативність у боротьбі легітимізму та експансіонізму у тогочасних міжнародних відносинах. Цікаво, що таких схожих висновків дослідники дійшли на основі національних оптик історій держав, чий статус

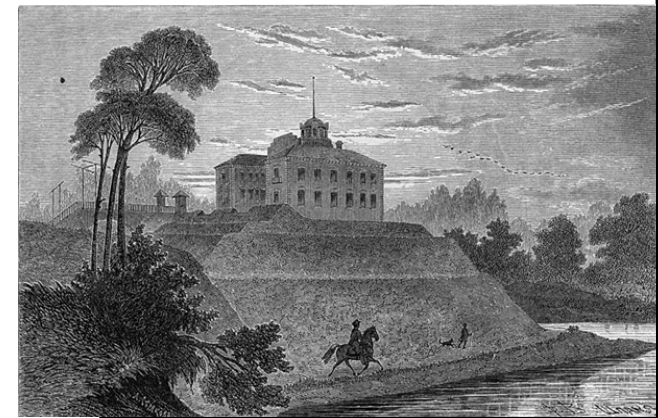
європейськості викликає дискусії – Російської та Османської імперій.

Хочемо звернути увагу на ще один аспект роботи Х. Регсдейла, де на нашу думку, проблемним лишається питання, в площину якої доктрини, законності чи завоювництва, має все ж таки бути вписане Східне питання. Окрім цього, синергетичний підхід створює інший перспективний вимір вивчення Східного питання в контексті його перебування у стані порядку, чи хаосу на різних етапах свого існування. Таке дослідження може стати оптикою розуміння сучасної ситуації в тих світових регіонах, які успадкували проблеми цього тривалого міжнародного конфлікту, та альтернатив, перед якими стоїть світова спільнота сьогодення.

Примітки

1. *Anderson M. S.* The Eastern Question, 1774–1923 : A Study in International Relations / M. S. Anderson. – London, 1966.
2. *Chapman T.* Imperial Russia 1801–1905 / T. Chapman. – L.; N. Y., 2002.
3. *Clarkson J. D.* A History of Russia / J. D. Clarkson. – N.Y., 1962.
4. *Hurewitz J. C.* Russia and the Turkish Straits : A Revaluation of the Origins of the Problem / J. C. Hurewitz // World Politics. – 1962. – Vol. 14. – № 4 (Jul.).
5. *Jelavich B.* Russia's Balkan Entanglements, 1806–1914 / B. Jelavich. – Cambridge, 2004.
6. *Jelavich C.* The Establishment of the Balkan National States, 1804–1920 / C. Jelavich, B. Jelavich. – Seattle; L., 1993.
7. *Meriage L. P.* The First Serbian Uprising (1804–1813) and the Nineteenth-Century Origins of the Eastern Question / L. P. Meriage // Slavic Review. – 1978. – Vol. 37. – № 3.
8. *Ragsdale H.* Russian Foreign Policy, 1725–1815 / H. Ragsdale // The Cambridge History of Russia / Ed. by D. Lieven. – Vol. 2 : Imperial Russia, 1689–1917. – Cambridge, 2006.
9. *Белов М. В.* Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. События, документы, историография / М. В. Белов. – Н. Новгород, 1999.

10. Буданов В. Методология и принципы синергетики / В. Буданов // Філософія освіти. – 2006. – № 1(3).
11. Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем : (Синергетика и теория социальной самоорганизации) / В. В. Василькова. – СПб., 1999.
12. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. / В. А. Георгиев, Н. С. Киняпина, М. Т. Панченкова и др. – М., 1978.
13. Гросул В. Я. Российский внешнеполитический конституционализм и Балканы (XVIII–XIX века) / В. Я. Гросул // Новая и новейшая история. – 2011. – № 2.
14. Губин В. Б. Псевдосинергетика – новейшая лженаука / В. Б. Губин // В защиту науки. – М., 2006. – Бюл. № 1.
15. Кудрявцева Е. П. Россия и Турция на рубеже XVIII–XIX вв. : от войн к союзным договорам / Е. П. Кудрявцева // Новая и новейшая история. – 1996. – № 6.
16. Лисов О. О. Сербія в системі міжнародних відносин в Європі (кінець XVIII – 70-ті роки XIX століття) : Автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.02 / О. О. Лисов. – Донецьк, 2001.
17. Пономарева Е. Г. Балканы как точка бифуркации системы международных отношений / Е. Г. Пономарева // Вестник МГИМО-Университета. – 2008. – № 1.
18. Рибер А. Устойчивые факторы российской внешней политики: попытка интерпретации / А. Рибер // Американская русистика : Вехи историографии последних лет. Советский период. – Самара, 2001.
19. Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807 гг.) / А. М. Станиславская. – М., 1962.
20. Финкель К. История Османской империи : Видение Османа / К. Финкель; пер. с англ. К. Алексеева, Ю. Яблокова. – М., 2010.
21. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко; пер. с франц. В. Визгина, Н. Автономовой. – СПб., 1994.
22. Хакен Г. Тайны природы. Синергетика : учение о взаимодействии / Герман Хакен. – М.; Ижевск, 2003.
23. Хвостова К. В. Постмодернизм, синергетика и современная историческая наука / К. В. Хвостова // Новая и новейшая история. – 2006. – № 2.

ПРОБЛЕМИ БІОГРАФІСТИКИ

УДК 929.732 (440.248)

**Генерал-поручик Віктор Амадей Принц
Ангальт-Бернбург-Шаумбург-Хоймський —
вчитель генерал-фельдмаршала князя
М. Б. Барклая де Толлі**

Ганкевич В. Ю.

Gankiewicz W. Yu. Lieutenant-General Victor Amadeus Prince of Anhalt-Bernburg-Schaumburg-Hoym — Teacher of Field Marshal Prince Mikhail Andreas Barclay de Tolly. The article is devoted to the lieutenant-general, V. A. Prince of Anhalt-Bernburg-Schaumburg-Hoym — teacher of Field Marshal Prince Mikhail A. Barclay de Tolly. At the time, the famous Russian commander, a hero of Patriotic War of 1812 was Prince's adjutant, fought beside him in the Russian-Turkish war, and participated in the storming of Ochakov and during the Russian-Swedish war was at his bedside.

Keywords: V. A. prince of Anhalt-Bernburg-Schaumburg-Hoym, M. B. Barclay de Tolly, Russian-Turkish war, Russian-Swedish war.

Ганкевич В. Ю. Генерал-поручик Виктор Амадей принц Ангальт-Бернбург-Шаумбург-Хоймський — учитель генерал-фельдмаршала князя М. Б. Барклая де Толлі. Стаття посвящена изучению биографии генерал-поручика В. А. принца Ангальт-Бернбург-Шаумбург-Хоймского. В свое время прославленный русский полководец, герой Отечественной войны 1812 г. генерал-фельдмаршал М. Б. Барклай де Толли был адъютантом у принца и воевал рядом с ним в русско-турецкую войну, участвовал в штурме Очакова и во время русско-шведской войны находился у его одра.

© Ганкевич В. Ю., 2013

Ключевые слова: В. А. принц Ангальт-Бернбург-Шаумбург-Хоймский, М. Б. Барклай де Толли, Русско-турецкая война, Русско-шведская война.

Ганкевич В. Ю. Генерал-поручик Виктор Амадей принц Ангальт-Бернбург-Шаумбург-Хоймський — учитель генерал-фельдмаршала князя М. Б. Барклая де Толлі. Статтю присвячено вивченню біографії генерал-поручика В. А. принца Ангальт-Бернбург-Шаумбург-Хоймського. У свій час прославлений російський полководець, герой Вітчизняної війни 1812 р. генерал-фельдмаршал М. Б. де Толлі був ад'ютантом у принца та воював поряд з ним в російсько-турецькій війні, приймав участь у штурмі Очакова і в часи російсько-шведської війни знаходився біля його одра.

Ключові слова: В. А. принц Ангальт-Бернбург-Шаумбург-Хоймський, М. Б. Барклай де Толлі, Російсько-турецька війна, Російсько-шведська війна.

Вітчизняна війна 1812 р. та наступні визвольні походи суттєво вплинули на військово-політичне майбутнє Європи. Одним із найвидатніших полководців того часу визнано Мікаеля-Андреаса (Михайла Богдановича) Барклая де Толлі (1761–1818) — князя, генерал-фельдмаршала, повного кавалера Військового ордену Св. Георгія Побідоносця та військового міністра.

Про його таланти стратега та тактика відомо досить докладно. Видавалися його твори, вивчався його військово-теоретичний спадок тощо. М. Б. Барклаю де Толлі встановлені пам'ятники у Москві, Санкт-Петербурзі, Тарту, Йигивесті тощо. Його скульптура прикрашає пам'ятник «1000-річчя Росії» у Великому Новгороді. Існують і чисельні біографічні дослідження, у тому числі і в солідних енциклопедичних виданнях.

Але про ранню його біографію існують і певні розбіжності, неточності та взагалі брак інформації. У даному разі хочеться звернути увагу наукової громадськості на людину, яку

М. Б. Барклай де Толлі вважав своїм вчителем і за свідченнями сучасників проніс пам'ять про нього через усе своє життя.

Відомо, що після отримання капітанського чину 13 січня 1788 р. М. Б. Барклай де Толлі було призначено ад'ютантом до генерал-поручика принца Ангальт-Бернбурзького [28, с. 117; 4, с. 160]. На цій посаді М. Б. Барклай де Толлі перебував аж до героїчної загибелі принца 2 травня 1790 р., а отже був досить близькою до нього людиною.

Джерелами у цьому дослідженні слугували: «Камер-фурьєрський церемоніальний журнал 1788 года», «Реляция П. А. Румянцева Екатерине II о боях под Силистрией и причинах обратной переправы Армии через Дунай», документи «Архива Государственного Совета», «Описание всерадостного торжествования мира с Оттоманскою Портою, бывшего в Москве 1775 года июля 10 и в последовавшие потом числа», «Бумаги императрицы Екатерины II, хранящихся в государственном архиве министерства иностранных дел» та знамениті «Памятные записки» О. В. Храповицького.

Серед авторів, твори яких були використані при написанні цієї праці треба згадати істориків першої половини XIX ст. С. І. Ушакова, С. М. Глінку, М. О. Полевого, О. І. Вейдемейера, А. А. Лефорта, М. М. та Д. М. Бантиш-Каменських. У другій половині XIX ст. певні внески у розробку цієї тематики внесли А. М. Петров, М. І. Богданович, О. Г. Брикнер, В. О. Більбасов, К. Ф. Ордін, П. І. Белавенець, П. Ф. Карабанов, С. М. Любецький та ін. Серед іноземних авторів треба згадати Й. Гаттерера, Ш. Якобі, К. Науманна, Й. Хамеля.

У дослідженні використовувалася і довідкова література: «Список кавалеров императорского военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, четырех степеней»; «Handbuch der neuesten Genealogie», статті з «Военного энциклопедического лексикона, издаваемого обществом военных и литераторов», «Русского биографического словаря», «Военного энциклопедического лексикона», «Биобиблиографического справочника» Д. М. Шилова тощо.

Отже, говорячи про вчителя М. Б. Барклая де Толлі, мається на увазі генерал-поручик Віктор Амадей Ангальт-Бернбург-Шаумбург-Хойм (Victor Amadeus von Anhalt-Bernburg-Schaumburg-Heim) (21 травня 1744 – 2 травня 1790). Він народився від другого шлюбу правлячого князя Віктора I Амадея Адольфа. Його матір'ю була Гедвіга Софія – донька графа Венцеля Людвіга Доннерсмарка.

Зрозуміло, що через те, що існував закон первородства В. А. принц Ангальт-Бернбург-Шаумбург-Хоймський не мав права обійняти посаду правлячого монарха. Після смерті батька на трон вступив старший брат генерал нідерландської служби Карл Людвіг фон Ангальт-Бернбург-Шаумбург-Хоймський.

Військову кар'єру В. А. принц Ангальт-Бернбурзький розпочав в чині капітана нідерландської армії [31, S. 48]. Можливо, певний час, принц служив капітаном кірасирського полку Ангальт-Цербтського князя Фрідріха Августа і там відзначився про що свідчили тогочасні довідкові видання [33, S. 62]. Невдовзі він перейшов до лав римо-імператорських збройних сил. На австрійській службі він отримав чин ротмістра.

У 1764 р. імператриця Катерина II нагородила В. А. принца Ангальт-Бернбурзького голштинсько-російським орденом Святої Анни (№ 128) [33, S. 70; 5, 178; 34, S. 329; 17, с. 48]. Як відомо, імператриця сама походила з Ангальтського князівського роду, але з іншої гілки – Цербтської, яка поступово згасала. Доречі, Катерина II доводилася Віктору Амадею тіткою у VI поколінні [35, S. 27]. Очевидно, що тісні зв'язки ангальтців із Санкт-Петербурзьким двором продовжилися.

Врешті решт 1772 року В. А. принц Ангальт-Бернбурзький вступив у російську військову службу [13, с. 5]. Очевидно, принца було зараховано на офіцерську посаду до складу Лейб-Кірасирського полку.

На той час Російська імперія провадила активну зовнішню політику на Півдні. У самому розпалі була Російсько-турецька війна 1768–1774 рр. Невдовзі В. А. принц Ангальт-Бернбурзький опинився в діючій армії волонтером. Йому вдалося відзначитися в

боях під Сілістрією та під час штурму Варни. Головнокомандувач П. О. Румянцев в реляції імператриці Катерині II писав про те, що серед тих хто показав свою відвагу під Сілістрією був «полковник і кавалер принц Ангальт-Бернбурзький, який командував частиною в колоні Осипа Андрійовича барона Ігельстрьома, яка призначена на штурм міста та виявив не менше у цьому, як і в усіх випадках до загального визнання дух твердості, притаманний його породі та притаманний народженим военначальством» [26, с. 653]*. Очевидно, така позитивна оцінка головнокомандувача була помічена у Санкт-Петербурзі. Тому вже 29 липня 1773 р., після обговорень в Державній Раді щодо нагород по Першій Армії, було складено доповідь, чи не забажає імператриця Катерина II «похвалити полковника принца Ангальт-Бернбурзького власним листом» [3, с. 57].

Невдовзі, закінчилася війна і було підписано відомий Кючук-Кайнарджійський мирний договір. Бригадир В. А. принц Ангальт-Бернбурзький у цей час перебував на місці ведення переговорів у світі генерал-аншефа П. О. Румянцева-Задунайського.

10 липня 1775 р. під час імператорських урочистостей у Москві з приводу підписання миру з Осаяною Портою бригадир В. А. принц Ангальт-Бернбурзький отримав генерал-майорський чин [22, с. 24]. Нагороди продовжувалися й надалі. У день Святого Георгія, 26 листопада 1775 р. В. А. принц Ангальт-Бернбурзький став кавалером імператорського воєнного ордена Святого Великомученика і Побідоносця Георгія 4 класу (№ 278) [27, с. 29 (№ 29); 18, с. 187]. 18 червня 1778 року В. А. принц Ангальт-Бернбурзький отримав наступний чин – генерал-поручика.

Активне командування військами В. А. принца Ангальт-Бернбурзького припадає на Російсько-турецьку війну 1787–1791 рр. На ній ще більше проявився його неабиякий організаторський талант.

8 (19) березня 1788 р. імператриця Катерина II надала

*«полковник и кавалер принц Ангальт-Бернбургской, который командовал частью в колонне, на приступ к городу назначенный барона Игельштрома, и явил не меньше в сем как и во всех случаях к общему признанию дух твердости, свойственный его породе и свойственный рожденным военначальствовать».

повеління управляючому свого Кабінету Стрекалову рескрипт. В ньому вона повеліла видати принцу В. А. Ангальт-Бернбурзькому, який вирушав на війну 10.000 карбованців [17, с. 54-55].

Осаяна Порта намагалася повернути собі втрачені південноукраїнські землі та повернути вплив на Крим. Невдовзі в кампанії 1788 р. генерал-поручик В. А. принц Ангальт-Бернбурзький прибув до діючої Катеринославської армії генерал-фельдмаршала Григорія Олександровича князя Потьомкіна, який командував славнозвісними облогою та штурмом Очакова.

Під час цієї облоги генерал-поручик В. А. принц Ангальт-Бернбурзький відзначився у кількох бойових операціях та прийняв безпосередню участь у командуванні колонною під час штурму фортеці.

15 (4) грудня Г. О. Потьомкін нарешті прийняв рішення про організацію штурму Очакова. Диспозиція штурму була опрацьована генерал-аншефом Іваном Івановичем Меллером і була затверджена генерал-фельдмаршалом Г. О. Потьомкіним. Чотири колони правого флангу знаходилися під загальним командуванням генерал-аншефа князя М. В. Репніна. З них дві перші колони «перебували під приватним начальством» генерал-поручика принца В. А. Ангальт-Бернбурзького [24, с. 193]. Перша колона очолювалася генерал-майором Петром Людвігом фон-дер-Паленом. Вона складалася із солдатів Тамбовського піхотного полку, батальйону спішених егерів, катеринославських 1000 піших козаків, 200 кінних полковника Матвія Івановича Платова, команда вірних козаків та вірменські волонтери команди майора Абрамова. Перша колона мала з правого флангу рушити морським узбережжям до замку коменданта трьох-бунчужного паши Гасана. Захопивши його вона мала повернути на очаківський земляний ретраншемент та атакувати його з південного боку лиману.

Друга колона була поділена на дві частини, аби ввести супротивника в оману. Одна частина, на чолі із бригадиром Сергієм Лаврентійовичем князем Львовим, складалася із солдатів Катеринославського гренадерського полку та батальйону Таврійського гренадерського полку. Друга частина, яка перебувала під командою полковника Василя Сергійовича Бойкова, увібрала у себе два батальйони Катеринославського

егерського корпусу та 50 вершників Єлисаветградського легкокомонного полку. Друга колона мала увійти в ретраншемент з двох боків і тим самим розсіяти увагу супротивника та боротися за його захоплення з тилу [24, с. 194].

Генерал-поручик В. А. принц Ангальт-Бернбурзький особисто перебував у другій колоні. Саме вона забезпечувала успішні дії першої колоні. Звідти здійснювалося правильне і виважене командування принца.

Авангард його колоні, очолюваний полковником Рожером графом де Дама, не звертаючи увагу на глибокий сніг, за кілька хвилин подолав відстань до турецьких окопів. Ретраншемент та навколишні будівлі було захоплено. Власне сам В. А. принц Ангальт-Бернбурзький з гренадерами та егерями гнав попереду себе турків до Стамбульських воріт. Турки випустили допомогу для своїх солдат у окопах. Було прийнято рішення їх атакувати, маючи на увазі захопити важливі ворота.

Стамбульські ворота турки захищали з відчаєм. Так, що коли вони були вже відкриті, то принц увійшов до фортеці по трупах, які наповнювали рів у три сажні завглибшки [8, с. 156-162; 24, с. 200; 6, с. 29].

16 грудня 1788 р. генерал-поручик В. А. принц Ангальт-Бернбурзький став кавалером імператорського Воєнного ордену Святого Великомученика та Побідоносця Георгія великий хрест 2-го класу (№ 14) [27, с. 3 (№ 14)]. Його ад'ютант М. Б. Барклай де Толлі, який перебував поряд із принцем отримав орден Святого Володимира 4 класу та підвищення в чині до секунд-майора.

В наступну кампанію 1789 р. генерал-поручик В. А. принц Ангальт-Бернбурзький перебував у першій дивізії Об'єднаної Південної армії генерал-фельдмаршала Г. О. Потьомкіна. Цього разу М. Б. Барклая де Толлі перевели до складу Ізюмського полку, але зі збереженням майорської ад'ютантської посади. При першій дивізії генерал-поручик В. А. принц Ангальт-Бернбурзький теж вважався «частным начальником» [24, с. 28].

Цього року принц і його вірний ад'ютант прийняли участь при взятті Каушан, Акермана та, нарешті, Бендер. У першій

справі генерал-поручику В. А. принцу Ангальт-Бернбурзькому доручили командувати авангардом [11, с. 73], де знаходився і сам генерал-фельдмаршал Г. О. Потьомкін. Принц 13 вересня з'явився під Каушанами на чолі загону кінних егерів та козаків полковника М. І. Платова. В результаті блискавичної операції, проведеної В. А. принцем Ангальт-Бернбурзьким, турки побігли. Вбитими виявилися 700 осіб. Російській армії дісталися 100 полонених на чолі із трьох-бунчужним пашею Сингали Бегрелбеєм Анадолу, 3 гармати, 2 прапори та табір.

Наступною операцією, в якій приймали участь генерал-поручик В. А. принц Ангальт-Бернбурзький та його ад'ютант М. Б. Барклай де Толлі був Акерман. 23 вересня загін росіян на чолі із генерал-аншефом князем Ю. В. Долгоруким рушив до турецьких укріплень на Дністрі. Боротьба була не тривалою і 28 вересня турки на чолі із трьох-бунчужним Тайфун пашею здали Акерман.

На підступах до Бендер генерал-фельдмаршал Г. О. Потьомкін вирішив провести огляд місця розташування цієї фортеці. Між іншими досвідченими військовими у його почті знаходився і В. А. принц Ангальт-Бернбурзький. Турки спробували використати артилерію, але огляд вдався і група генералів, придворних та іноземців безперешкодно повернулася до свого табору.

Після демонстрації сили та дипломатичних переговорів, 3 листопада впали Бендери. 16000 військових і 22000 цивільних на чолі із трьох бунчужним пашею Хаджи-Ізмаїл-Кейсарли-Заран-оглу та Ахмет-пашею покинули Бендери і рушили до фортеці Ізмаїл. Росіяни захопили цінні трофеї – більше 300 гармат (281 мідяні, 10 чавунних та 25 мортир), 12.000 пудів пороху, 22.000 пудів сухарів, 24.000 чвертей хліба у сховищах тощо. Європейська суходільна кампанія 1789 р. проти Османської Порти закінчилася повною перемогою. В. А. принц Ангальт-Бернбурзький, «который родство свое с Екатериной подтвердил мужественными подвигами в Турции» [14, с. 69], відпросився на батьківщину у відпустку.

За вірну службу В. А. принц Ангальт-Бернбурзький був нагороджений вищими орденами Російської імперії. 21 квітня 1789 р. йому надали знаки Імператорського ордену Святого апостола Андрія Первозваного (№ 254) та Імператорського ордену Святого Олександра Невського (№ 557) [5, с. 394-395].

Наступною війною, в якій прийняв активну участь генерал-поручик В. А. принц Ангальт-Бернбурзький була російсько-шведська 1789–1790 рр. У 1790 р. з переводом принца В. А. Ангальт-Бернбурзького до Фінляндії за ним рушив і його ад'ютант [25, с. 233]. Командувачем діючої армії у Фінляндії все ж таки призначили генерал-аншефа І. П. Салтикова. А генерал-поручики В. А. принц Ангальт-Бернбурзький та О. А. барон Ігельстрьом, таким чином, опинилися у його розпорядженні і загальному командуванні [10, с. 49].

У Санкт-Петербурзі наказом барону О. А. Інгельстрьому було доручено повернути втрачені росіянами Кернікоскі та Пардакоскі. О. В. Храповицький зафіксував слова імператриці Катерини II про те, що В. А. принц Ангальт-Бернбурзький та О. А. барон Ігельстрьом «как хваты в одних дрожках поскакали» до своїх військ [29, с. 220].

Контратака росіян була призначена на 18 квітня о 23 годині 30 хвилин. Рух на військо Густава III був запланований з трьох боків – трьома колонами. Спочатку атака росіян була вдалою; шведи почали відступ. Генерал-поручик В. А. принц Ангальт-Бернбурзький почав здійснювати спробу взяти Кернікоскі. Він дав наказ швидким маршем захопити Кернікоський міст. Росіяни захопили ворожу батарею. Шведи почали полипати шанці. Але невдовзі вони отримали міцну допомогу і почати тиснути росіян та перешли у контратаку. Генерал-поручик В. А. принц Ангальт-Бернбурзький не дочекався допомоги. І через шведську контратаку росіяни були змушені відступати [19, с. 266-268; 9, с. 231; 16, 250-251]. О. В. Храповицький зазначав, що докладну доповідь про бій імператриці Катерині II було зроблено 1 травня. Доповідач зробив висновок, що скоріш за все «шведи про все були попереджені і кожна колону були готові зустріти» [29, с. 221].

В тому трагічному бою В. А. принца Ангальт-Бернбурзького було смертельно поранено [23, с. 89; 2, с. 108] гарматним ядром у праву ногу вище коліна [12, с. 391]. Зі збірки реляцій відомо, що принц «повергся на землю от жестокой полученной им раны» [7, с. 303] шведським ядром в праву ногу.

Ще живого генерал-поручика В. А. Ангальт-Бернбурзького на плащах віднесли гренадери до Савітайполя. Дорогою він віддав своєму ад'ютанту М. Б. Барклаю де Толлі власну золоту шпагу і сказав: «Цією однією власністю можу тепер розпоряджатися, дарую її Вам, вона завжди буде з честю у руках Ваших» [15, с. 238]. Інший варіант: «эта шпага в ваших руках будет неразлучна со славою» [20, с. 33-34].

Серед відзначених бароном О. А. Ігельстрьомом офіцерів, які показали свої бойові здібності у битві при Пардакоскі, був і М. Б. Барклай де Толлі. За це його 12 травня 1790 р. підвищили, надавши чин прем'єр-майора [28, с. 160; 30, с. 68].

Але, врешті-решт російсько-шведська війна була побідоносною для Росії. Вона закінчилася підписанням Верельського мирного договору 3 (14) серпня 1790 р. Його головною умовою було збереження довоєнних російсько-шведських кордонів.

Останки генерал-поручика В. А. принца Ангальт-Бернбурзького були поховані в церкві у місті Виборг. Нині його могила знаходиться на лютеранському цвинтарі селища Петрівське у Виборгзі.

Смерть В. А. принца Ангальт-Бернбурзького викликала жаль у його сучасників. Його племінник Фридрих V Людвіг Християн ландграф фон Гессен-Хомбург присвятив героїчному родичу кантату «Empfindungen bei dem Code de S Prinz von Anhalt-Bernburg» [32, S. 254-255].

«Велич духу та чесність, якими він керувався, були головною рисою характеру, він належав до тієї групи людей, які з першого погляду викликають повагу та довіру», – згадували сучасники та близькі до В. А. принца Ангальт-Бернбурзького люди [32, S. 253].

Пам'ять про свого вчителя генерал-фельдмаршал

М. Б. Барклай де Толлі проніс через усе своє життя. Відомо, що він завжди у військових походах вішав над ліжком мініатюрний портрет та шпагу В. А. принца Ангальт-Бернбургського [21, с. 171].

Примітки

1. А. В. В. Ангальт-Бернбург-Шаумбургский принц Виктор Амадей // Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. – СПб., 1837. – Ч. I.
2. Ангальт-Бернбург-Шаумбургский // Русский биографический словарь. – СПб., 1900. – Т. 2.
3. Архив Государственного Совета. – СПб., 1869. – Т. 1: Совет в царствование императрицы Екатерины II-й (1768–1796 гг.).
4. Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов / Д. Н. Бантыш-Каменский. – СПб., 1840. – Ч. 3.
5. Бантыш-Каменский Н. Н. Списки кавалерам российских императорских орденов Св. Андрея Первозванного, Св. Екатерины, Св. Александра Невского и Св. Анны с учреждения до установления в 1797 году орденового капитула / Н. Н. Бантыш-Каменский. – М., 2005.
6. Белавенец П. И. Очаков. Краткий исторический очерк военных действий русских морских и сухопутных сил у стен Очаковской твердыни / П. И. Белавенец. – Севастополь, 1901.
7. Бильбасов В. А. Примечания к: Гагарин И. Екатерина II во время войны с Швецией. Письма и повеления графу В. П. Мусину-Пушкину 1788–1789 гг. / В. А. Бильбасов // Русская Старина. – 1887. – Т. 54. – апрель-май-июнь.
8. Богданович М. И. Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турции / М. И. Богданович. – СПб., 1852.
9. Брикнер А. Война России с Швецией в 1788–1790 годах / А. Брикнер. – СПб., 1869.

10. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящихся в государственном архиве министерства иностранных дел. – Т. 5 // Сборник императорского русского исторического общества. – 1885. – Т. 42.
11. Вейдемейер А. Двор и замечательные люди в России, во второй половине XVIII столетия / А. Вейдемейер. – СПб., 1846. – Ч. 2.
12. Висковатов А. В. [А. В. В.] Ангальт-Бернбург-Шаумбургский / А. В. Висковатов // Военный энциклопедический лексикон. – Т. 1. – СПб., 1852.
13. Ганкевич В. Ю. Генерал-поручик Виктор Амадей Ангальт-Бернбург-Шаумбург-Хойм: (призабута біографія генерала катерининської доби) / В. Ю. Ганкевич // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Серия: Исторические науки. – 2011. – Т. 24 (63). – № 1: спецвыпуск «История Украины».
14. Глинка С. Русская история / С. Глинка. – М., 1823. – Ч. 10.
15. Глинка С. Русское чтение / С. Глинка. – СПб., 1845. – Ч. 2.
16. История лейб-гвардии Преображенского полка. 1683–1883 г. – СПб., 1883. – Т. 2.
17. Камер-фурьерский церемониальный журнал 1788 года. – СПб, 1887. – Приложения.
18. Карабанов П. Ф. Списки замечательных лиц русских / П. Ф. Карабанов // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1860, январь-март. – Кн. 1.
19. Лефорт А. А. История царствования государыни императрицы Екатерины II / А. А. Лефорт. – М., 1838. – Ч. 4.
20. Любецкий С. М. Русь и русские в 1812 году (Книга для чтения всех возрастов) / С. М. Любецкий. – М., 1869. – Ч. 1.
21. Ольховский Е. А. Тайны и авантюры в российской истории / Е. А. Ольховский. – СПб., 2003.
22. Описание всерадостного торжествования мира с Оттоманскою Портою, бывшего в Москве 1775 года июля 10 и в последовавшие потом числа. – М., [1775].
23. Ордин К. Ф. Выборгская победа и Роченсальмский погром (с двумя картами) / К. Ф. Ордин // ЖМНП. – 1888. – № 1. – Ч. 225. – Отд. 2.

24. *Петров А.* Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. 1787–1791 г. / А. Петров. – СПб., 1880. – Т. 1.
25. *Полевой Н. А.* Русские полководцы, или, Жизнь и подвиги российских полководцев, от времен императора Петра Великого до царствования императора Николая I / Н. А. Полевой. – СПб., 1845.
26. *Реляция П. А.* Румянцева Екатерине II о боях под Силистрией и причинах обратной переправы Армии через Дунай. 30 июня 1773 г. // Румянцев П. А. Документы. – М., 1953. – Т. 2.
27. *Список кавалеров императорского военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, четырех степеней* // Степанов В. С., Григорович Н. И. В память столетнего юбилея императорского военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия (1769–1869). – СПб., 1869.
28. *Ушаков С. И.* Деяния Российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя в достопамятную войну с Францией в 1812, 1813, 1814 и 1815 годов с кратким начертанием всей их службы, с самого начала вступления в оную / С. И. Ушаков. – СПб., 1822. – Ч. 1.
29. *Храповицкий А. В.* Памятные записки / А. В. Храповицкий. – М., 1862.
30. *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Биобиблиографический справочник / Д. Н. Шилов. – СПб., 2002.
31. *Gatterer J. Ch.* Handbuch der neuesten Genealogie und Heraldik: vor ihnen aller jetzigen Europäischen Potentaten Stämmtafeln und Wappen enthalten sind / J. Ch. Gatterer. – Nürnberg, 1761.
32. *Hamel J. G.* Hessen-Homburgische Reim-Chronik / J. G. Hamel. – Homburg vor der Höhe, 1860.
33. *Handbuch der neuesten Genealogie.* – Nürnberg, 1769.
34. *Jacobi Ch. Fr., Krebel G. Fr.* Europäisches genealogisches Handbuch / Ch. Fr. Jacobi. – Leipzig, 1772.
35. *Naumann K. G.* Genealogische Geschichte der europäischen Staaten. als Hilfsmittel bei historischen Studien und zum Gebrauch höherer Lehranstalten / K. G. Naumann. – Jena, 1855.

УДК 929-05

1812-ый год в судьбе семьи: Александр Тучков и Маргарита Нарышкина

Марасанова В. М.

Marasanova V. The 1812 in the Fate of the Family: Alexander Tuchkov and Margaret Naryshkina. The field of research is the history of the family of Uglich nobles Tuchkov, in which there were five generals – members of the Patriotic War of 1812. Special attention is given to the general Alexander Tuchkov, who was died in the Borodino Battle and his wife Margarita Naryshkina. She initiated the construction of the Savior Church and was the first abbess of the monastery on the site of the battle. **Keywords:** Patriotic War of 1812, family, Alexander Tuchkov, Margarita Naryshkina, feat.

Марасанова В. М. 1812-ый год в судьбе семьи: Александр Тучков и Маргарита Нарышкина. В статье рассматривается история семьи угличских дворян Тучковых, из которой происходили 5 генералов – участников Отечественной войны 1812 г. Особое внимание уделено генералу Александру Тучкову, погибшему в битве на Бородинском поле, и его супруге Маргарите Нарышкиной. Она стала инициатором строительства Спасского храма и первой игуменьей учрежденного на месте сражения Спасо-Бородинского монастыря.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., семья, Александр Тучков, Маргарита Нарышкина, подвиг

Марасанова В. М. 1812-ий рік у долі сім'ї: Олександр Тучков і Маргарита Нарішкіна. В статті розглядається історія сім'ї углицьких дворян Тучкова, з якої походили 5 генералів – учасників Вітчизняної війни 1812 р. Особливу увагу приділено генералу Олександр Тучкову, загиблому

в битві на Бородинському полі, і його дружині Маргариті Нарішкіної. Вона стала ініціатором будівництва Спаского храму і першої ігуменею заснованого на місці битви Спасо-Бородинського монастиря.

Ключові слова: Вітчизняна війна 1812 р., сім'я, Олександр Тучков, Маргарита Нарішкіна, подвиг.

Отечественная война 1812 г. стала для Российской империи подлинно народной, и оказала влияние на все слои населения. Война отразилась на исторической судьбе стран и регионов, она повлияла на многие семьи, потерявшие своих близких, и на конкретных людей, проявивших себя героями и защитникам родины. Ярославская губерния в этот год на некоторое время оказалась прифронтовой, и в полной мере ощутила тяготы военного времени.

Историографическая традиция изучения правления Александра I и Отечественной войны 1812 г. сложилась на общероссийском и региональном уровне уже к началу XX в. [3; 12; 13; 17; 21; 28], а празднование 100-летнего юбилея «Грозы 12-го года» стало поводом к появлению большого числа документальных публикаций, раскрывающих воинские подвиги и вклад различных губерний в победу над врагом [8; 16]. В частности, о ярославских событиях повествуется в воспоминаниях Натальи Федоровны Ростопчиной и письмах великой княгини Екатерины Павловны, супруги принца Георгия Петровича Ольденбургского, занимавшего в 1809–1812 гг. пост генерал-губернатора Тверского, Новгородского и Ярославского [18, с. 1-23; 23]. Изучение героического прошлого нашей родины остается важной темой современных краеведческих исследований [19; 22], и в последние десятилетия внимание исследователей привлекли женские биографии, которые позволяют полнее представить военную эпоху и её последствия [4, с. 132-133; 9, с. 27; 24, с. 135-139]. Память героев войны увековечена в музеях — Бородинском военно-историческом музее-заповеднике, вновь открытой «Бородинской панораме» в Москве и др.

Ярославская губерния в 1812 г. столкнулась с угрозой оккупации и проблемами размещения раненых, беженцев и пленных. В Ярославль перевезли на хранение Синодальную ризницу и наиболее ценное имущество московских монастырей. В городах губернии появились беженцы из Москвы, Твери и других местностей. В Ярославле и других городах предпринимались меры на случай возможной эвакуации. В губернских учреждениях готовили к вывозу важнейшие документы, собирали транспорт. Были приготовлены ящики для перевозки и назначены ответственные для хранения трех икон: Толгской иконы Божией Матери, иконы Спаса Нерукотворного и привезенной из разрушенного Смоленска Смоленской иконы Божией Матери [10, с. 126-127; 15, с. 128-129; 18; 30].

«Комитет Ярославской военной силы» во главе с гражданским губернатором князем Михаилом Николаевичем Голицыным способствовал мобилизации сил на борьбу с врагом и формированию местного ополчения [7, вып. 4, с. 124; 15, с. 76-77]. В Ярославской губернии ополчение состояло из 11 тыс. воинов под командованием генерал-майора Якова Ивановича Дедюлина, и оно особенно отличилось в заграничных походах 1813-1814 гг. На родину вернулись только 6,5 тыс. ратников, т.е. потери в рядах ополчения составили около 40% [1, с. 12, 25; 10, с. 129; 20, с. 193-203; 29, с. 206]. Повсеместно велась работа по обеспечению народного ополчения и заготовке фуража и продовольствия для армии. Губернатор Михаил Голицын лично внес на формирование ополчения 5 тыс. руб. и возглавил сбор средств на нужды армии. Всего в Ярославской губернии собрали 818 тыс. руб. [1, с. 125-146; 8, с. 124].

В Ярославле действовал Главный военный госпиталь, и жители города собирали солому, свечи и перевязочный материал для раненых воинов [19, с. 28]. Здесь стоял 30-тысячный резерв русской армии, а также был сформирован русско-немецкий легион из 9 тыс. человек, основу которого составили дезертиры из числа принудительно призванных в наполеоновскую армию [10, с. 128-129]. Великая княгиня Екатерина Павловна 13 ноября

1812 г. писала из Ярославля Н. М. Карамзину: «Пленные завидуют имени Русскому, офицеры упрашивают честь носить наш мундир, ибо нет чести свыше оной: Россия была вторая в Европе держава, теперь и на веки она первая и скоро к стопам ея прибегнут цари, моля о мире и покровительстве» [23, с. 59]. Екатерина Павловна на собственные средства вооружила батальон из крестьян удельного ведомства и добровольцев, который участвовал во многих сражениях под командованием подполковника А. П. Оболенского [16, с. 5]. Осенью 1812 г. численность военных, раненых, беженцев и военнопленных, размещившихся в городе, в 3 раза превзошла собственное население Ярославля [29, с. 203-208; 32, с. 90-102].

Ярославцы отличились в рядах регулярных воинских частей, где многие из них проявили мужество, стойкость и массовый героизм в борьбе за свободу и независимость Отечества. В 1812 г. в русской армии служили пять генералов братьев Тучковых – Николай, Сергей, Павел, Александр, Алексей (их отец – генерал-поручик Алексей Васильевич Тучков). Дворянский род Тучковых происходил от боярина Василия Борисовича Морозова, по прозвищу Тучко, жившего в XV в., а родовые имения находились в Угличском уезде Ярославской губернии [31, с. 207].

В 1812 г. генерал-майор Александр Тучков-четвертый (по старшинству) командовал 1-ой бригадой в составе Ревельского и Муромского полков 3-ей пехотной дивизии генерал-лейтенанта П. П. Коновницына (24 батальона, 18 орудий). В сражении под Смоленском участвовали трое братьев Тучковых – Николай, Павел и Александр. Павел Тучков-третий во время отступления от Смоленска в арьергардном сражении у Ватутиной горы был ранен штыком в грудь и попал в плен к французам.

В Бородинском сражении 26 августа 1812 г. участвовали двое братьев Тучковых – Николай и Александр. Федор Николаевич Глинка в «Письмах русского офицера» писал: «24 августа. Поздно к вечеру. Неприятель, как туча, засинел, сгустившись против левого нашего крыла, и с быстротою молнии ударил на оное, хотя все сбить и уничтожить. Но князь Багратион, генерал Тучков [Н. А. – В. М.], храбрый граф Воронцов и прочие, призвав

на помощь Бога, укрепясь своим мужеством и оградясь штыками русскими, отбросили далеко пехоту, дерзко приступавшую к батареям» [5, с. 70]. По замыслу М. И. Кутузова 3-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Николая Тучкова должен был оставаться в засаде, а затем нанести удар неприятелю во фланг и в тыл. 25 августа он встал в низине под Утицким курганом – ключевой высоте на краю левого фланга русской армии. Однако вечером того же дня во время объезда позиций начальник главного штаба Л. Л. Беннигсен приказал Николаю Тучкову вывести корпус из леса на курган, чем нарушил планы главнокомандующего и поставил левый фланг под удар.

Утром 26 августа корпус Н. А. Тучкова был атакован намного превосходящими его силами противника и после тяжелого боя был вынужден отступить. Кроме того, он получил приказ об отправке пехотной дивизии из состава его корпуса на помощь Багратиону и Семеновским флешам. Оставшиеся части корпуса Николай Тучков повел в атаку на Утицкий курган, чтобы обезопасить тыл русской армии от прорывавшего корпуса Понятовского. Он лично возглавил контратаку Павловского гренадерского полка, овладел курганом и установил на нем свою батарею, однако получил пулевое ранение в грудь навывлет и был унесен с поля боя. Его переправили через Москву в Ярославль, и 30 октября 1812 г. генерал-лейтенант Николай Тучков-первый скончался от гангрены и был похоронен в ярославском Свято-Введенском Толгском монастыре [10, с. 125; 19, с. 29]. На стене храма помещена табличка: «В сем Спасском храме похоронен герой Отечественной войны 1812 года, умерший от ран, полученных в Бородинском сражении, генерал-лейтенант Николай Алексеевич Тучков».

Под командованием брата служил Александр Алексеевич Тучков (1777–1812), ставший генералом в 31 год. Он погиб на Бородинском поле во время контратаки у Семеновских флешей, подхватив знамя дивизии у раненого знаменосца и увлекая ревельцев в бой. Его тело так и не смогли вынести с поля боя [9, с. 125]. Памятник героям битвы на Бородинском поле

запечатлел имена Тучковых, на нем написано: «Умерли за отечество полководцы: Багратион, Тучков 1-й, Тучков 4-й, граф Кутайсов. Всем прочим слава!». Мать генералов Тучковых, узнав о смерти сыновей, ослепла и отказалась от лечения.

Вместе в Александром Тучковым необходимо вспомнить его супругу Маргариту Михайловну Нарышкину (1781–1852), пережившую много горестей, но не утратившую мужества и желания помочь ближнему. Она родилась 2 января 1781 г. в семье подполковника Михаила Петровича Нарышкина и княгини Варвары Алексеевны (урожденной Волконской). В семье было много детей – 3 брата и еще 4 сестры. Первый брак Маргариты Михайловны оказался неудачным, и вскоре ей удалось развестись с кавалергардом Павлом Ласунским. В это время к ней посватался Александр Алексеевич Тучков, но мать возражала против столь скорого второго замужества. Через четыре года Тучков вновь просил руки Маргариты, и в 1806 г. они поженились. Маргарите в это время было 25 лет, а Александр был на четыре года старше. Она настолько любила мужа, что сопровождала его в военных походах под видом денщика. В 1811 г. после рождения сына Николая Александр Тучков подал прошение об отставке, чтобы больше времени проводить с семьей, однако ему не удалось покинуть военную службу.

Маргарита Тучкова попала на Бородинское поле только в октябре 1812 г., но так и не смогла отыскать тело мужа. Она только примерно знала место его гибели от генерала П. П. Коновницына и солдат. Желая построить здесь церковь, Маргарита Михайловна обратилась к местным помещикам с просьбой о покупке земли, однако они дали землю бесплатно. Император Александр I пожертвовал на строительство храма 10 тыс. руб. Сама Маргарита Тучкова продала для этого свои драгоценности и родовые имения в Ярославской и Тульской губерниях. В 1820 г. на поле битвы достроили и освятили храм Спаса Нерукотворного, ставший мемориалом Александру Тучкову и всем героям сражения.

После того как в 1826 г. умер её единственный сын Николай, Маргарита Тучкова поселилась рядом с храмом в одноэтажном

деревянном доме. Нуждающиеся всегда находили в нем приют и поддержку, и скоро маленькая община выросла до 40 человек, а к началу 1830-х гг. – до 70. Первоначально в ней жили вдовы павших воинов, и она стала называться Спасо-Бородинским общежитием. Сама Маргарита Тучкова приняла постриг под именем монахини Меланьи. В 1838 г. основанная ею обитель получила статус Спасо-Бородинского монастыря, а в 1840 г. под именем Марии она стала его игуменьей. Монастырь имел многих благотворителей и, прежде всего, ему покровительствовали представители Дома Романовых. Через 40 лет после гибели мужа в 1852 г. игуменья Мария была похоронена в склепе храма, построенного благодаря её усилиям, рядом с сыном [4, с. 133; 9, с. 27; 14, с. 15; 19, с. 10]. Все трагические изменения в судьбе этой женщины не сломили её устойчивости и веры.

Опыт Отечественной войны 1812 г. в дальнейшем не раз служил добрую службу в организации защиты Отечества и примеры мужества и стойкости не были забыты. Среди 332 портретов в Военной галерее 1812 г. в Зимнем дворце есть портреты четырех братьев-ярославцев Николая, Сергея, Павла и Александра Тучковых. В честь празднования 100-летия Отечественной войны 1812 г. император Николай II присвоил имя генерала Тучкова-четвертого седьмому Ревельскому полку: «В знаменательный день празднования столетия юбилея Отечественной войны Государь император Высочайше соизволил сохранить на вечные времена в рядах армии имя Императора Александра Первого и имена наиболее видных героев этой войны генералов графа Милорадовича, Дохтурова, Раевского, Неверовского, Коновницына, Тучкова-четвертого и партизанов: Дорохова, Давыдова, Сеславина и Фигнера.

Посему Его Императорское Величество Всемилоостивейшее соизволил нижеследующим полкам именоваться впредь: 48-му пехотному Одесскому полку – 48-м Одесским Императора Александра Первого полком; четвертому пехотному Копорскому полку – четвертым Копорским генерала графа Коновницына полком; седьмому Ревельскому полку – седьмым пехотным

Ревельским генерала Тучкова-четвертого полком» [6].

Жизнь братьев продолжилась на страницах выдающихся произведений художественной литературы. Николай и Александр Тучковы послужили прообразами для создания образа Андрея Болконского в романе Л. Н. Толстого «Война и мир», работу над которым писатель начал в 1863 г. Воссоздавая быт и события эпохи, он использовал свои жизненные наблюдения, семейные предания, исторические труды, журнальные публикации и архивные материалы, встречался с участниками войны. Князь Андрей, как и Александр Тучков, подхватил знамя у раненого подпрапорщика, и «побежал вперед с несомненной уверенностью, что весь батальон побежит за ним» [26, т. 4, с. 353]. Только в романе это произошло не на Бородинском поле, а на Праценской горе в Аустерлицком сражении 1805 г. Смертельное ранение князь Андрей получил на Бородинском поле «между Семеновским и курганной батареей» [26, т. 6, с. 260-261], а умер «в доме купца... над самой Волгой» [26, т. 7, с. 58, 70]. Его прообраз – Николай Тучков – скончался в Ярославле в особняке на Волжской набережной, д. 7/2, недалеко от Арсенальной башни, построенном в начале XIX в. дворянкой Зезевитовой [19, с. 29]. Этот дом ярославцы и сейчас называют «Дом Болконского». Сам Л. Н. Толстой не бывал в Ярославле, но в Спасо-Бородинской обители получил необходимые сведения о жизни, подвигах и смерти братьев-генералов.

В «Бородино» М. Ю. Лермонтова безымянный полковник («Слуга царю, отец солдатам...»), по некоторым предположениям, мог быть списан с генерал-майора Тучкова-четвертого, но образ этот – естественно собирательный. Как и его ставшие крылатыми слова: «Ребята! Не Москва ль за нами? Умремте ж под Москвой, как наши братья умирали!» [11, с. 370].

О славном генерале Александре Тучкове после столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. Марина Цветаева написала прекрасные лирические строки («Генералам двенадцатого года», 1913):

Ах, на гравюре полустертой,
В один великолепный миг,
Я видела, Тучков-четвертый,
Ваш нежный лик.
И Вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена... [27, с. 29].

О Маргарите Тучковой, братьях Тучковых и героях войны может напомнить знаменитый бородинский хлеб, который начали выпекать в Спасо-Бородинском монастыре.

Историческая память о людях и событиях 200-летней давности раскрывает многовековые традиции воинской славы и непреходящие семейные ценности. Героизм Александра Тучкова, преданность и великое служение его супруги задают высокие нравственные ориентиры.

Примечания

1. *Андреев П. Г.* Ярославская губерния в Отечественную войну 1812 года / П. Г. Андреев // Уч. зап. ЯГПИ. – Ярославль, 1944. – Вып. 1.
2. *Андреев П. Г.* Ярославские ополченцы: Из истории Отечественной войны 1812 г. / П. Г. Андреев. – Ярославль, 1960.
3. *Богданович М. И.* История царствования императора Александра I и Россия в его время: В 6 т. / М. И. Богданович. – СПб., 1869.
4. *Веселова Н.* Вдова Тучкова-четвертого / Н. Веселова // Родина. – 2002. – № 8.
5. *Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера / Ф. Глинка / Сост. Г. А. Галина. – М., 1990.
6. *Голос (Ярославль).* – 1912. – 28 авг.
7. *Ельчанинов И. Н.* Материалы для генеалогии ярославского дворянства / И. Н. Ельчанинов. – Вып. 1-11. – Ярославль, 1909–1916.
8. *Ельчанинов И. Н.* Материалы для истории Ярославской военной силы в Отечественную войну / И. Н. Ельчанинов / Под ред. И. А. Куракина. – Ярославль, 1912.
9. *Игуменья Мария* // Ярославна: История успеха ярославских женщин. – М., 2005. – Т. 1.

10. *История Ярославского края с древнейших времен до конца 20-х гг. XX века* / Отв. ред. А. М. Селиванов. – Ярославль, 2000.
11. *Лермонтов М. Ю.* Бородино / Лермонтов М. Ю. Собр. соч. : В 4-х т. – Л., 1979. – Т. 1.
12. *Лествицын В.* Ярославские афишки 1812 г. / В. Лествицын // Ярославские губернские ведомости. – 1873. – Неофициальная часть. – 8, 15, 22, 29 марта, 5, 12 апр.
13. *Летопись о событиях в городе Твери тверского купца Михаила Тюльпина. 1762–1823 гг.* / Приготовил к изданию В. Колосов. – Тверь, 1902.
14. *Марасанова В. М.* Ярославский край в XIX в. / В. М. Марасанова, А. А. Саблина. – Ярославль, 2001.
15. *Марасанова В. М.* Ярославские губернаторы. 1777–1917 гг.: Историко-биографические очерки / В. М. Марасанова, Г. П. Федюк; отв. ред. А. М. Селиванов. – Ярославль, 1998.
16. *Материалы для истории дворян Тверской губернии: Тверское Дворянское Ополчение в Отечественную войну и пожертвования дворян Тверской губернии в 1812-м году* / Под ред. А. С. Паскина; сост. В. Р. Апухтин. – Тверь, 1912.
17. *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны 1812 года: В 4 ч. / А. И. Михайловский-Данилевский. – СПб., 2011.
18. *Нарышкина Н. Ф.* Пребывание в г. Ярославле семьи графа Ф. В. Ростопчина осенью 1812 года по описанию Н. Ф. Нарышкиной, урожденной графини Ростопчиной / Н. Ф. Ростопчина // Труды ЯГУАК. – 1912. – Кн. 3. – Вып. 3.
19. *«Недаром помнит вся Россия...»: материалы исторических чтений.* Посвящается 190-летию юбилею воинской славы России 1812 г. – Ярославль, 2003.
20. *Нелипович С. Г.* Мусины-Пушкины против Наполеона / С. Г. Нелипович // Мусины-Пушкины в истории России: К 250-летию А. И. Мусина-Пушкина. – Рыбинск, 1998.
21. *Николай Михайлович, великий князь. Император Александр I:* В 2 т. / Николай Михайлович Романов. – СПб., 1912.
22. *Обидин А. И.* Традиции народного ополчения в Костромском крае / А. И. Обидин // Вестник КГПУ. – 1997. – № 2.

23. *Письма великой княгини Екатерины Павловны.* – Тверь, 1888.
24. *Собко Е. М.* Великая княгиня Екатерина Павловна / Е. М. Собко // Вопросы истории. – 2004. – № 3.
25. *1812 год в Тверской губернии: Материалы по истории Отечественной войны 1812 г. с предисловием А. Н. Вершинского.* – Старица, 1912.
26. *Толстой Л. Н.* Война и мир // Толстой Л. Н. Собр. соч. : В 22-х т. – М., 1979–1981. – Т. 4-7.
27. *Цветаева М.* Генералам двенадцатого года / М. Цветаева // В полемике с веком. – Новосибирск, 1991.
28. *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование: В 4 т. / Н. К. Шильдер. – СПб., 1897–1898.
29. *Ярославль: История города в документах и материалах от первых упоминаний до 1917 г.* / Под ред. А. М. Пономарева. – Ярославль, 1990.
30. *Ярославские епархиальные ведомости.* – 1869. – Неофициальная часть. – 29 янв.
31. *Ярославский край в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона* / Под ред. А. М. Селиванова. – Ярославль, 1996.
32. *Ярославский край: сб. док. по истории края (XI в.–1917 г.).* – Ярославль, 1972.

УДК 94 (477. 51) «19»

Чернігівські земці – члени Державної ради Російської Імперії

Рахно О. Я.

**Rakhno O. Y. Chernigiv Zemtsies – Members of State Council
of Russian Empire.** The article is devoted to analysis of course

of are the life and public activity of Chernigiv zemtsy (zemstvo members) – members of State Council of Russian Empire M. V. Krasovskyi, V. O. Musin-Pushkin and M. P. Savytskyi. **Keywords:** Russian Empire, State Council, Chernigiv provincial zemstvo assembly, Mykhaylo Krasovskyi, Volodymyr Musin-Pushkin, Mykola Savytskyi, Chernigiv Zemtsies.

Рахно А. Я. Черниговские земцы – члены Государственного совета Российской империи. Стаття посвящена анализу жизненного пути и общественной деятельности черниговских земцев – членов Государственного совета Российской империи М. В. Красовского, В. А. Мусина-Пушкина и Н. П. Савицкого. **Ключевые слова:** Российская империя, Государственный совет, Черниговское губернское земское собрание, Михаил Красовский, Владимир Мусин-Пушкин, Николай Савицкий, черниговские земцы.

Рахно О. Я. Чернігівські земці – члени Державної ради Російської імперії. Стаття присвячена аналізу життєвого шляху та громадської діяльності чернігівських земців – членів Державної ради Російської імперії М. В. Красовського, В. О. Мусіна-Пушкіна та М. П. Савицького.

Ключові слова: Російська імперія, Державна рада, Чернігівське губернське земське зібрання, Михайло Красовський, Володимир Мусін-Пушкін, Микола Савицький, чернігівські земці.

Державна рада Російської імперії, створена 1810 р. як дорадчий орган, була оновлена згідно царського Маніфесту від 20 лютого 1906 р. та нової редакції Основних законів Російської імперії від 23 квітня того ж року як верхня палата першого російського парламенту [2, с. 1]. Проблеми її формування та функціонування знайшли відображення у монографіях А. П. Бородіна [1], О. В. Зінченко [8] та Є. А. Юртаєвої [31].

Половину членів Державної ради призначав імператор, решту обирали по п'яти куріях, в тому числі й від

34 губернських земських зібрань. Останні прямим таємним голосуванням обирали на три роки по одному члену Державної ради [22, с. 4, 27]. Від Чернігівського губернського земського зібрання протягом 1906–1917 рр. членами Державної ради були відомі свого часу громадські діячі М. В. Красовський, граф В. О. Мусін-Пушкін та М. П. Савицький. Деякі аспекти їх діяльності розглянуті у працях М. П. Мохначевої [14] та О. Я. Рахна [17]. Втім, комплексна інформація про них відсутня навіть у довідкових виданнях [3]. Дана стаття має на меті заповнити цю прогалину.

У Чернігівській губернії перші вибори до Державної ради відбулися на екстреному губернському земському зібранні 22 березня 1906 р. Претендентами були губернські гласні М. В. Красовський, О. О. Муханов, О. О. Свечин та Д. Р. Тризна. Внаслідок таємного голосування перемогу здобув незначною більшістю голосів (35 проти 27) М. В. Красовський. Після обрання він, зокрема, зазначив: «Я поставлю своєю задачею способствовать, по мере сил, прогрессивному развитию нашего отечества в духе просвещения и законности, и бороться как против движения вспять и сохранения того, что уже отжило свой век, так равно и против излишней ломки исторических устоев русского государства» [32, ф. 145, оп. 3, спр. 321, арк. 8].

Михайло Васильович Красовський (1851–1911) походив з українського козацько-старшинського роду, відомого з середини XVII ст. Він народився 25 липня 1851 р. у м. Гоголеве Остерського повіту Чернігівської губернії в родині судді Остерського межового суду Василя Івановича Красовського (1823–1859) та його дружини Марії Олександрівни, уродженої Шрамченко [12, с. 566]. Родина Красовських мешкала у родовому маєтку (800 десятин землі) біля м. Гоголеве Остерського повіту Чернігівської губернії [11, с. 160].

Середню освіту М. В. Красовський здобув у Київській гімназії, вищу – на юридичному факультеті університету св. Володимира у 1867–1871 рр. Закінчивши навчання, обдарований юрист перебрався до Петербурга, де з 1872 р. служив у Сенаті. У

1879 р. М. В. Красовського було призначено обер-секретарем Загального зібрання касаційних департаментів Сенату. У 1881 р. під час ревізії Казанської, Уфимської та Оренбурзької губерній він був старшим чиновником при ревізуючому сенаторі М. Є. Ковалевському і виявив неабияку працездатність та розпорядливість, що зумовило успіх ревізії та сприяло його кар'єрі.

Протягом 1882–1891 рр. він обіймав посаду статс-секретаря Державної канцелярії і зробив чималий внесок у розробку Положення про земських начальників, земського та міського положень [19, с. 7-8]. Наступні три роки він був директором першого департаменту Міністерства юстиції [9, с. 1143].

У 1894 р. М. В. Красовський був призначений на посаду голови Харківської судової палати. З чиновника центрального управління він перетворився у суддю-практика. У 1901 р. М. В. Красовський залишив Харків, отримавши призначення на посаду обер-прокурора Загального зібрання Сенату, на якій перебував до 1904 р., коли й вийшов у відставку [19, с. 9].

Протягом останніх десятиріч XIX – початку XX ст. він постійно обирався гласним Остерського, а потім Козелецького повітових земських зібрань Чернігівської губернії, працював у земських комісіях та почесним мировим суддею [32, ф. 145, оп. 3, спр. 266, арк. 33]. Плідну діяльність розгорнув М. В. Красовський також у Чернігівському губернському земстві, де був гласним упродовж 1903–1911 рр. та обирався членом комісій страхової, шляхів сполучення, проектної, юридичної та комісії для вирішення питання про залізничне сполучення станцій Київ-Почеп [6, с. 144].

У своєму маєтку М. В. Красовський увів багатопільну систему, широко застосовував мінеральні добрива й удосконалені знаряддя праці, чим сприяв піднесенню землеробства серед місцевих селян. У Бобровиці був відкритий банк, головою якого М. В. Красовський залишався до смерті, започатковано споживче товариство. Біля Бобровиці постав цукровий завод, збудований місцевими власниками з ініціативи

М. В. Красовського [9, с. 1144].

У 1905 р. М. В. Красовський був обраний головою Петербурзької міської думи. Однак керував засіданнями думи недовго, оскільки його зацікавила політична діяльність, і через рік склав повноваження голови.

Завдяки ініціативі та клопотанням М. В. Красовського 14 жовтня 1905 р. був зареєстрований Статут Клубу громадських діячів – першого політичного клубу столиці [10, с. 1-2]. Головою Ради старійшин Клубу був обраний М. В. Красовський. Згідно Статуту, Клуб створювався з метою «объединить общественных деятелей и облегчить им возможность в кругу своих членов обсуждать возникающие в государственной жизни вопросы, а также общественные нужды и пользы» [21, с. 3]. 3 грудня 1905 р. у спеціально організованих постійних секціях Клубу розпочалось обговорення соціально-економічних та політичних проблем Росії. Окрім підприємців, членами Клубу були представники вищої бюрократії, діячі культури та науки, столичні журналісти. М. В. Красовський головував у Клубі до останніх днів свого життя.

Проголошення маніфесту 17 жовтня 1905 р. спонукало М. В. Красовського стати до лав засновників ліберально-національної партії, яка отримала назву «Союз 17 октября». У листопаді 1905 р. його обрали заступником голови її Центрального комітету. Він взяв участь у розробці та редагував програму партії, основними положеннями якої були обмеження влади монарха, збереження монархічної форми правління, демократичні свободи, збереження «єдиної та неподільної» Росії, сприяння купівлі селянами земель у приватних власників, унормування робочого дня, зрівняння селян у правах з іншими станами [29]. М. В. Красовський став редактором партійної газети «Новый путь», обстоюючи у ній помірковану програму.

Як зазначалося вище, у березні 1906 р. М. В. Красовський був обраний членом Державної ради і плідно працював у ній. Прагнення до якісних перетворень у державно-політичному та суспільному житті забезпечило йому впевнену перемогу на

чергових виборах до найвищого законодавчого органу імперії, які відбулися 19 серпня 1909 р. [25, с. 143]. Як член Державної ради, М. В. Красовський не залишався осторонь обговорення злободенних проблем та прийняття важливих законопроектів, зокрема проекту земельної реформи П. А. Столипіна. Він виступав за знищення общинного землеволодіння, підтримував заходи уряду щодо виходу селян на хутори та відрубів [30, с. 170]. Майбутнє держави М. В. Красовський пов'язував з утворенням прошарку селян-власників, з передачею їм влади на місцях. Він вважав, що реалізація реформи поліпшить добробут сільського населення [30, с. 174].

Останні роки життя М. В. Красовського пройшли під прапором панславизму. Його можна вважати одним з ідейних керівників цього руху та прибічників широкої популяризації ідеї слов'янського єднання. Тому на Слов'янський з'їзд, який відбувся в 1908 р. у Празі, очільником російської делегації Державна рада призначила саме М. В. Красовського [4]. Він був одним із засновників «Общества славянской взаимности», створеного у Петербурзі в березні 1909 р., яке ставило за мету зближення й взаємне збагачення слов'янських народів на засадах рівності й братерства [28, с. 135].

26 квітня 1911 р. у маєтку в с. Озеряни Козелецького повіту М. В. Красовський помер після чергового нападу стенокардії [19, с. 27].

Оскільки термін повноважень М. В. Красовського на посаді члена Державної ради не закінчився, були призначені дострокові вибори. 6 вересня 1911 р. переважною більшістю голосів (55 проти 15) членом Державної ради був обраний граф В. О. Мусін-Пушкін [26, с. 118]. 18 серпня наступного року він був переобраний членом Державної ради на трирічний термін [27, с. 111].

Володимир Олексійович Мусін-Пушкін (1868—1918) походив з відомого з кінця XVIII ст. російського графського роду, представники якого займали високі посади при імператорському дворі, у війську та державних установах. Він народився

7 листопада 1868 р. у родині «гофмейстера Высочайшего Двора», віце-президента Придворної контори, петербурзького повітового предводителя дворянства графа Олексія Івановича Мусіна-Пушкіна (1825—1879) та його дружини графині Любові Олександрівни (1833—1917), дочки сенатора О. Г. Кушельова-Безбородька (1800—1855).

Здобувши освіту в імператорському Олександрівському ліцеї, В. О. Мусін-Пушкін 24 травня 1891 р. був призначений на службу в Міністерство юстиції і 14 червня відряджений до канцелярії Першого департаменту Сенату. Поряд із успішним просуванням по державній службі В. О. Мусін-Пушкін отримав й придворний чин. 30 серпня 1894 р. йому було пожалувано звання «Камер-Юнкера Двора Его Императорского Величества» [32, ф. 127, оп. 14, спр. 3968, арк. 1 зв.-2].

В. О. Мусін-Пушкін побрався з дочкою дійсного статського радника, графинею Єлисаветою Василівною Капніст (1868—1944), правнучкою відомого поета В. В. Капніста. Подружжя мало синів Олексія (1893—1966), Василя (1894—1959), Мстислава (1899—1960), Андрія (1903—1969), Іллю (1908—1989) та дочок Варвару (1892—1970) і Любов (1897—1939) [32, ф. 127, оп. 14, спр. 3968, арк. 2-3].

В. О. Мусін-Пушкін був спадкоємцем значної земельної власності, яка становила близько 100 тис. дес. землі та знаходилась у Полтавській, Херсонській, Чернігівській та Ярославській губерніях. До того ж йому належали три кам'яних будинки у Петербурзі та декілька цукрових заводів в українських губерніях.

З 1895 р. і фактично до літа 1917 р. В. О. Мусін-Пушкін обирався сосницьким повітовим та чернігівським губернським земським гласним і активно працював у земських установах. Влітку 1899 р. дворянство Сосницького повіту обрало графа повітовим проводирем дворянства. Він декілька разів переобирався повітовим проводирем і за посадою головував на засіданнях Сосницького повітового земського зібрання. Разом з тим сосницькі земці кожні три роки обирали його почесним

мировим суддею Сосницькому повіту [18, с. 1].

За обранням Сосницького повітового земського зібрання 16 січня 1896 р. В. О. Мусін-Пушкін увійшов до ревізійної та був обраний до складу проектної комісії губернського земства. У наступні роки він обирався на ці посади, а також до складу кошторисної комісії.

В. О. Мусін-Пушкін виконував доручення Чернігівського губернського земського зібрання, які потребували використання його авторитету і зв'язків в урядових колах Петербурга. Зокрема, на засіданні зібрання 30 вересня 1899 р. під час обговорення доповіді губернської управи про проведення залізниці «Київ-Петербург» він був обраний до складу депутації губернського земства, яка мала «представить правительству все данные, выясняющие сравнительные преимущества, а также местное и государственное значение проведения сказанной дороги по левому берегу Днепра на Чернигов» [20, с. 760].

На черговій сесії Чернігівського губернського земського зібрання 18 січня – 2 лютого 1905 р. та екстренній 1-3 червня 1907 р. В. О. Мусін-Пушкін головував як виконуючий обов'язки губернського провидиря дворянства [23, с. 1-2].

Як уповноважений Чернігівського земства у Загальноземській організації В. О. Мусін-Пушкін вирішував питання допомоги населенню Чернігівської губернії, яке періодично страждало від неврожаїв [5, с. 10].

З початком Першої світової війни В. О. Мусін-Пушкін разом з головою Чернігівської губернської земської управи О. О. Бакуринським 30 липня 1914 р. взяв участь у нараді представників земств у Москві по створенню Всеросійського земського союзу допомоги пораненим і хворим воїнам. На Чернігівському губернському земському зібранні 3 серпня того ж таки року його обрали представником губернського земства у вищеназваному союзі [7, с. 6].

У зв'язку із закінченням повноважень В. О. Мусіна-Пушкіна у Державній раді на засіданні Чернігівського губернського земського зібрання 1 вересня 1915 р. були проведені вибори.

«В члены Государственного Совета записками были намечены граф Мусин-Пушкин и дворянин Н. П. Савицкий. В виду отказа графа Мусин-Пушкина от баллотировки, членом Государственного Совета избран Н. П. Савицкий» [32, ф. 145, оп. 3, спр. 1178, арк. 97]. Натомість у жовтні того ж таки року В. О. Мусін-Пушкін згідно обрання був затверджений імператором на посаді чернігівського губернського провидиря дворянства [16, с. 7].

Востаннє В. О. Мусін-Пушкін головував на засіданні Чернігівського губернського земського зібрання 1-2 березня 1917 р. За його пропозицією перед початком зібрання було відслужено молебень «о даровании победы русскому воинству, а затем панихида по павшим воинам и по скончавшемуся в ночь с 27 на 28 февраля н. г. губернском гласном В. М. Хижнякове» [24, с. 11].

Реформація земських установ Тимчасовим урядом змусила В. О. Мусіна-Пушкіна відійти від громадської роботи. Доля милувала його від подій громадянської війни, що незабаром охопила країну. В. О. Мусін-Пушкін помер 17 квітня 1918 р. у Носівці [15, с. 1].

Микола Петрович Савицький (1867–1941) народився 1 червня 1867 р. у с. Ушівка Кролевецького повіту Чернігівської губернії у родині Петра Лукича Савицького (1818–1893) та його дружини Людмили Григорівни Радченко. Дворянський рід Савицьких нараховує не одне століття. Його представники служили гетьманам І. Мазепі, І. Скоропадському, Д. Апостолу [13, с. 428].

М. П. Савицький у 1884 р. закінчив Петровський Полтавський кадетський корпус, а потім до 1886 р. навчався у 3-му Олександрівському військовому училищі. Після закінчення училища отримав звання підпоручика і 11 серпня 1886 р. був направлений в Бобруйську (Осовецьку) фортечну артилерію, де й відбував військову службу до у 1892 р. у чині поручика і 8 січня того ж таки року був зарахований у запас [32, ф. 127, оп. 14, спр. 3726, арк. 1-4].

Він повернувся у родовий маєток. 1 липня 1894 р. М. П. Савицький одружився з дочкою лікаря Ульяною Андріївною Ходот (1866—?). Подружжя Савицьких мало трьох дітей: Петра (1895—1968), Юрія (1898—?) і Анну (1900—?) [32, ф. 145, оп. 3, спр. 804, арк. 70].

У Кролевецькому повіті розпочалася цивільна служба й громадська діяльність М. П. Савицького. У 1892 р. він обирається повітовим і губернським земським гласним, а 19 листопада того ж таки року призначається міністром внутрішніх справ на посаду земського начальника Кролевецького повіту. На цій посаді він прослужив до 19 жовтня 1896 р.

1 жовтня 1896 р. Чернігівське губернське дворянське зібрання обрало його на посаду предводителя дворянства Кролевецького повіту. 4 липня 1899 р. указом Сенату М. П. Савицький був призначений Речицьким повітовим проводирем дворянства й головою Речицьких повітових у селянських справах і з військової повинності присутствій Могилівської губернії. З 1 жовтня 1901 р. М. П. Савицький згідно призначення головував у Речицькому повітовому суді. 13 липня 1903 р. він був призначений Гомельським повітовим проводирем дворянства і перебував на цій посаді до 19 травня 1906 р. [32, ф. 127, оп. 14, спр. 4114, арк. 1-7].

На засіданні Чернігівського губернського земського зібрання під час виборів голови Чернігівської губернської земської управи 11 грудня 1906 р. кандидатура М. П. Савицького набрала переважну більшість голосів (31 проти 18), і він очолив губернську управу [17, с. 285]. На цю посаду він був обраний ще двічі: 11 грудня 1907 р. та 15 грудня 1910 р. і плідно працював на користь місцевого населення до 1 березня 1914 р.

Працюючи головою губернської земської управи, М. П. Савицький зміг зорганізувати діяльність різних політичних сил, представлених в земстві, у справі покращення життєвого рівня населення. Найбільше уваги він приділяв розвитку медицини, освіти, шляхів сполучення. Відповідно за роки його керівництва значно зросли асигнування на ці галузі діяльності

губернського земства. Під час його керівництва управою у 1909—1911 рр. було реконструйовано міст через Десну, розбудовано будинок губернської земської управи.

3 вересня 1915 р. губернатор М. М. Лавриновський повідомляв директора канцелярії МВД П. В. Скаржинського, що 1 вересня «членом Государственного совета на новое трехлетие большинством 6 голосов» обраний дійсний статський радник М. П. Савицький, який «по своим политическим воззрениям, хотя и причисляет себя к партии октябристов, но по своим действиям и отношениям к правительственным органам должен быть причислен к рядам оппозиции», додавши, що він не визнає компромісів «в борьбе за власть и за расширение земских привелегий» [32, ф. 145, оп. 3, спр. 1178, арк. 102-103 зв.].

11 вересня 1915 р. М. П. Савицький був призначений чиновником для особливих доручень при «Переселеченском управлении Главного управления землеустройства и земледелия». 3 грудня 1915 р. він виконував обов'язки «уполномоченного председателя Особого Сопровождающего по продовольственному делу» і за підпису діяльність 1 січня 1916 р. був нагороджений орденом Св. Володимира 3 ступеня [17, с. 287-288].

Під час Лютневої революції він, як член Державної ради, перебував у Петрограді, і незабаром повернувся до Чернігова, де продовжував громадську діяльність. У квітні 1917 р. М. П. Савицький отримав від Тимчасового уряду Росії призначення — «Главначальствующий Архангельска и Беломорского района», і виїхав на нове місце служби.

У часи Української Держави П. Скоропадського М. П. Савицький згідно з розпорядженням Міністерства внутрішніх справ 18 травня 1918 р. приступив до виконання обов'язків чернігівського губернського старости [17, с. 291]. Однак на посаді керівника губернської адміністрації він працював недовго. 28 червня 1918 р. на засіданні Ради Міністрів М. П. Савицький був призначений заступником міністра внутрішніх справ Української Держави [33, ф. 1064, оп. 1, спр. 6, арк. 70]. Але на початку серпня місцева преса повідомила:

«Товариша міністра внутрішніх справ Миколу Савицького, згідно проханню, увільнено від посади» [17, с. 292].

Після захоплення Києва військами Директорії М. П. Савицький опинився в Криму в армії генерала П. Врангеля, а з розгромом останньої більшовіками емігрував. Він мешкав з родиною у Чехословаччині, у Празі, де помер у 1941 р. і був похований на Ольшанському кладовищі [17, с. 292].

Отже, члени Державної ради Росії від Чернігівського губернського земського зібрання М. В. Красовський, В. О. Мусін-Пушкін та М. П. Савицький відіграли помітну роль у громадсько-політичному житті Росії й України. Будучи прихильниками мирного реформування Російської імперії, вони зробили чимало корисного для того, щоб запобігти анархії, покращити соціально-економічний та освітньо-культурний рівень мешканців Чернігівщини.

Примітки

1. *Бородин А. П.* Государственный совет России (1906—1917) / А. П. Бородин. — Киров, 1999.
2. *Высочайший указ о преобразовании Государственного Совета* // ЗСЧГ. — 1906. — № 4.
3. *Государственный совет Российской империи, 1906—1917: Энциклопедия.* — М., 2008.
4. *Дьякин В.* Славянская идея в России периода империализма / В. Дьякин // Вопросы истории. — 1987. — № 3.
5. *Журнал заседания Черниговской губернской земской управы 15 октября 1907 года* // ЗСЧГ. — 1907. — № 11.
6. *Журналы заседаний Черниговского губернского земского собрания 45-й очередной сессии 1909 года (26 ноября — 9 декабря).* — Чернигов, 1910.
7. *Журналы Черниговского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 3—4 августа 1914 года.* — Чернигов, 1914.
8. *Зінченко О. В.* Державна рада Російської імперії 1906—1916 років / О. В. Зінченко. — Харків, 2005.

9. *Красовский М. В.* (Некролог) // Исторический вестник. — 1911. — Т. 124. — № 4-6.
10. *Красовский М., Дементьев Е.* Краткий исторический очерк возникновения и деятельности клуба / М. Красовский, Е. Дементьев // Отчет о деятельности С.-Петербургского клуба общественных деятелей с 1 ноября 1905 г. по 1 мая 1906 г. — СПб., 1906.
11. *Милорадович Г. А.* Родословная книга Черниговского дворянства / Г. А. Милорадович. — СПб., 1901. — Т. 2.
12. *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник / В. Л. Модзалевский. — К., 1910. — Т. 2.
13. *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник / В. Л. Модзалевский. — К., 1914. — Т. 4.
14. *Мохначева М. П.* «Водились Пушкины с царями»: миссия о. Сергия (Мстислава Владимировича Мусина-Пушкина) в Иреме / М. П. Мохначева // II Романовские чтения. Центр и провинция в системе российской государственности: материалы конференции. Кострома, 26–27 марта 2009 года / Сост. и науч. ред. А. М. Белов, А. В. Новиков. — Кострома, 2009.
15. *Новости (Чернигов).* — 1918. — 26 (13) мая.
16. *По Черниговской губернии* // Черниговская земская неделя. — 1915. — № 43. — 23 октября.
17. *Рахно О. Я.* Микола Савицький / О. Я. Рахно // Чернігівські земці (історико-біографічні нариси). — Чернігів, 2009.
18. *Служебные перемены в Черниговской губернии* // Черниговские губернские ведомости. — 1900. — № 14. — 17 февраля. — Часть официальная.
19. *Соколовский Г. Н.* Памяти М. В. Красовского / Г. Н. Соколовский // ЗСЧГ. — 1911. — № 5.
20. *Сотников С. В.* Свод постановлений Черниговского губернского земского собрания (XIX—XXXV сессий) 1883—1899 годов с кратким сводом постановлений за время с 1865-го по 1882 г. (I—XVIII с.с.) / С. В. Сотников. — Чернигов, 1903. — Вып. 2.
21. *Устав Санкт-Петербургского клуба общественных деятелей.* — СПб., 1906.
22. *Учреждение Государственного Совета* // ЗСЧГ. — 1906. — № 4.

23. Хижняков В. М. Свод постановлений Черниговского губернского земского собрания XXXVI–XLVI сессий 1900–1909 годов / В. М. Хижняков. — Чернигов, 1912. — Т. 1.
24. Черниговское очередное губернское земское собрание // Черниговская земская газета. — 1917. — № 20. — 9 марта.
25. Черниговское чрезвычайное губернское земское собрание // ЗСЧГ. — 1909. — № 9.
26. Черниговское чрезвычайное губернское земское собрание // ЗСЧГ. — 1911. — № 9.
27. Черниговское чрезвычайное губернское земское собрание // ЗСЧГ. — 1912. — № 8.
28. Шелохаев В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии 1907–1914 гг. / В. Шелохаев. — М., 1991.
29. Шелохаев В. Программа и организация партии октябристов в 1905–1907 гг. / В. Шелохаев // Исторические записки. — М., 1986. — Т. 2.
30. Центральный комитет «Союза 17 октября» в 1905–1907 гг.: Документы и материалы / [Публ. В. Шелохаева и Д. Павлова] // История СССР. — 1991. — № 2–3.
31. Юртаева Е. А. Государственный совет в России (1906–1917 гг.) / Е. А. Юртаева. — М., 2001.
32. Державний архів Чернігівської області.
33. Центральний державний архів вищих органів державної влади і управління України.

УДК 94(092)»18»

А. А. Аракчеев в 1812 г. *

Ячменихин К. М.

Yachmenikhin K. M. A. A. Arakcheev in 1812. The article analyzes the activity of A. A. Arakcheev — one of the prominent politicians of Alexander I's reign — during the Patriotic War of 1812. The author makes an attempt to argue the groundless assertion existing in historical literature that during this period Arakcheev loses his primacy and doesn't play an important role in the state governance.

Keywords: A. A. Arakcheev, Alexander I, State Council, Patriotic War of 1812.

Ячменихин К. М. А. А. Аракчеев в 1812 г. В статье анализируется деятельность одного из ведущих политиков времен царствования императора Александра I — графа Алексея Андреевича Аракчеева в период Отечественной войны 1812 г. и zahraniчных походов русской армии. Делается попытка доказать необоснованность утверждения, бытующего в исторической литературе, что в этот период Аракчеев как бы уходит на «второй план» и не играет заметной роли в руководстве страной.

Ключевые слова: А. А. Аракчеев, Александр I, Государственный совет, Отечественная война 1812 года.

Ячменіхін К. М. О. А. Аракчєєв у 1812 р. У статті аналізується діяльність одного з провідних політиків часів правління імператора Олександра I — графа Олексія Андрійовича Аракчєєва у період Вітчизняної війни 1812 р. та закордонних походів російської армії. Автор робить

* Статья подготовлена при поддержке госбюджетной темы Министерства образования и науки Украины «Российская империя в XIX — начале XX ст.: механизмы взаимодействия власти и общества (региональный аспект)» № 4-2012

спробу довести необґрунтованість твердження, що побутує в історичній літературі, про те, що у цей період Аракчєєв ніби відходить на «другий план» і не відіграє помітної ролі в управлінні країною.

Ключові слова: О. А. Аракчєєв, Олександр І, Державна рада, Вітчизняна війна 1812 р.

Нельзя сказать, что жизнь и деятельность А. А. Аракчєева (1769–1834) оставалась на историографическом маргине [2; 5; 6; 15; 16; 18; 20]. Противоречивая и далеко неоднозначная личность графа получила диаметрально противоположные оценки: от панегирических (П. Богданович) до абсолютно негативных (В. Ф. Чиж). В последние десятилетия, в связи с активизацией изучения истории военных поселений, исследователи, естественно, не могли не обратиться к фигуре их создателя и руководителя. Новые архивные материалы, переосмысление уже введенных в научный оборот, позволили значительно скорректировать наше представление о человеке, который сыграл заметную роль в истории России первой четверти XIX ст. [13; 14; 21; 22]. При этом некоторые периоды его жизни и деятельности остаются пока еще слабо изученными и не до конца проанализированными. К таким относятся годы Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. Это связано, прежде всего с тем, что источники очень скупо отразили этот период жизни Алексея Андреевича, поэтому нам пришлось опираться преимущественно на источники личного происхождения, которые в силу своей специфики хотя и являются крайне субъективизированными, однако позволяют достаточно глубоко проникнуть в поведенческую мотивацию нашего героя.

Логично будет напомнить, что последние предвоенные годы были очень сложными и трудными в деятельности Александра I: сказывались последствия Тильзитского мира и падения престижа самого императора в глазах общественного мнения. Одной из мер, которая должна была несколько восстановить его репутацию, была

попытка проведения реформ по проектам М. М. Сперанского. В конце ноября 1809 г. Александр I, в свете которого находился и А. А. Аракчєєв, отправился в Москву. М. М. Сперанский, готовивший проект учреждения Государственного совета, частями отправлял его императору. Затем текст проекта для обсуждения был передан Н. И. Салтыкову, П. В. Лопухину, В. П. Кочубею и В. П. Завадовскому, которые его «одобрили словесно и письменно». Позже с ним ознакомился государственный канцлер Н. П. Румянцев [15, с. 103]. А. А. Аракчєєв же был в полном неведении, хотя и догадывался, что готовится важный государственный документ. Его тщеславие не позволяло ему смириться с тем, что реформы готовились от него втайне и он вынужден делить расположение и покровительство императора со Сперанским, который являлся не только исполнителем, но и творчески развивал планы государя. При этом Аракчєєв достаточно трезво оценивал свои возможности, отзываясь о своем сопернике следующим образом: «Если бы у меня была треть ума Сперанского, я бы был великим человеком» [11, л. 40 об.].

Статс-секретарь В. Р. Марченко утверждал, что никогда не видел Аракчєєва таким взбешенным [1, с. 485]. 24 декабря 1809 г. Аракчєєв отправил императору пространное письмо с просьбой освободить его от должности военного министра [17, с. 261–262]. Ссылаясь на недостаток образования, он называет себя «ремесленником» в военном деле, но главный упор делает на том, что «при вновь заводимых учреждениях потребуются более... просвещенные министры» [17, с. 261]. Поведение военного министра вызвало удивление и раздражение Александра I, который написал в своем ответе: «Не могу скрыть от вас, Алексей Андреевич, что удивление мое было велико при чтении письма вашего. Чему должен приписать я намерение ваше оставить место, вами занимаемое?.. Причины, вами изъясняемые, не могу я принять за настоящие... Вы, твердившие мне столь часто, что кроме привязанности вашей к отечеству, личная любовь

ко мне вам служит побуждением, — вы, невзирая на оное, одни, забыв пользу Империи, спешите бросить управляемую вами часть в такое время, где совесть ваша не может не чувствовать, сколь вы нужны оной, сколь невозможно будет вас заменить. В такую эпоху, где я право имел ожидать от всех благомыслящих и привязанных к своему отечеству жаркого и ревностного содействия, вы одни от меня отходите, и, предпочитая личное честолюбие, мнимо тронутые, пользе Империи, настоящим уже образом повредите своей репутации» [17, с. 262-263].

Император, по-видимому, не без влияния графа Н. И. Салтыкова и князя А. Н. Голицына, особенно ненавидевших военного министра, удовлетворил настоятельные просьбы А. А. Аракчеева и 1 января 1810 г. отправил его в отставку. При этом ему был предоставлен выбор: остаться на посту военного министра или возглавить Военный департамент только что созданного Государственного совета. Аракчеев выбрал последнее, поскольку все дела по военному ведомству должны были проходить через его руки. По его рекомендации на пост военного министра был назначен М. Б. Барклай де Толли. Примирение завершилось императорским посещением летом 1810 г. Грузинской вотчины графа [12, с. 1471]. Небезынтересно отметить, что Александр I посетил Грузию 12 раз. Это был единственный случай такого частого посещения российским императором имения своего подданного.

Детальное изучение биографии А. А. Аракчеева заставило автора настоящей статьи изменить свою точку зрения по данному сюжету [20, с. 37] и отказаться от утверждения, что после этой размолвки наступило «охлаждение» к нему императора и в течение 1810–1814 гг. Аракчеев оставался как бы «в тени». В подтверждение данной версии можно привести следующие факты. Все дела по военному ведомству были и теперь сосредоточены в руках Аракчеева. Более того, ему формально был подчинен и военный министр. В эти предвоенные годы он много помогал Барклаю де Толли в подготовке армии к предстоящей войне. В Государственном совете Аракчеев

выступил против предлагаемой продажи рекрутских квитанций, что давало возможность зажиточным крестьянам освобождаться от рекрутских наборов, которая еще большей тяжестью ложилась на бедных. В октябре 1811 г. он подал в Государственный совет две записки: «Мнение по делу о наборе рекрут в государстве» и «Голос графа Аракчеева в Государственном совете о продаже рекрутских квитанций из казны за две тысячи пятьсот рублей». В них он утверждал, что вербовка «охотников» за деньги может наполнить армию бродягами, которые «станут в тягость армии», а «предполагаемое благодеяние богатым есть угнетение для бедных, следовательно, это должно назваться не облегчением, а народною тягостью» [9, с. 94-95].

Отсутствуют прямые свидетельства об участии Аракчеева в коалиции против Сперанского, однако, вероятнее всего, император советовался с ним, прежде чем отправить последнего в ссылку. Аракчеев продолжал оставаться в числе участников совещаний, происходивших при императоре в 1811 — начале 1812 года. Весной 1812 г. русские войска были стянуты к западной границе. В мае Аракчеев сопровождает императора в поездке в Вильно, а после начала военных действий — в укрепленный лагерь при Дриссе. «Июня 17-го дня 1812 г., — записывает Аракчеев, — в городе Свенцянах призвал Государь меня к себе и просил, чтобы я опять вступил в управление военных дел, и с оного числа вся французская война шла через мои руки, все тайные донесения и собственноручные повеления государя императора» [10, с. 319].

Переписка Аракчеева с императором периода Отечественной войны 1812 г. (сохранилось более 80 писем) позволяет утверждать, что Александр I весьма часто советовался с ним по различным вопросам. Это позволило историку великому князю Николаю Михайловичу утверждать, что Аракчеев «исполнял должность почти единственного секретаря Государя во время Отечественной войны» [8, с. 276-277]. Действительно, многочисленные источники свидетельствуют, что в это время Аракчеев был единственным докладчиком у Александра I

практически по всем вопросам: военным, дипломатическим, управлению, снабжению, комплектованию армии и т.п. Таковым же он оставался и во время кампании 1813–1814 гг. Переписка императора военных лет свидетельствует о сохранившемся, а может быть, и усилившемся неограниченном доверии его к Аракчееву. А. А. Кизеветтер справедливо отмечает, что «война 1812 г. выдвигала Аракчеева на первый план, возвышая его над всеми партиями и кружками, как личного телохранителя царя. И Аракчеев отлично понял ту позицию, которая теперь сама давалась ему в руки, как исходная точка дальнейшего возвышения его карьеры» [4, с. 16].

Известно, что, будучи неплохим политиком и обладая незаурядными дипломатическими способностями, Александр I, при этом, не блистал военными талантами. Его присутствие в армии во многом сковывало действия русского командования. Не случайно, конечно, именно на Аракчеева была возложена миссия «уговорить» императора покинуть армию и заняться общегосударственными стратегическими вопросами.

А. С. Шишков и А. Д. Балашов, которые вели об этом переговоры с Аракчеевым, доказывали ему, что императору необходимо оставить армию и ехать в Москву, а затем в Петербург и только таким образом можно «спасти отечество». В своих записках А. С. Шишков [7] утверждал, и, как оказалось, небезосновательно, что инициатором такого предложения был именно он, поскольку текст записки, поданной императору, был написан им. Работая с материалами фонда А. А. Аракчеева в Российском государственном военно-историческом архиве (ф. 154), нам удалось обнаружить подлинник этого документа, написанный характерным почерком (полуустав) А. С. Шишкова и подписанный им, А. Д. Балашовым и А. А. Аракчеевым [19].

Необходимо напомнить, что с подобным предложением к Александру I обращались и другие известные сановники и даже члены царской семьи. Император нашел в себе мужество внять их доводам и покинуть армию. Вместе с тем своим отъездом

из армии он возлагал всю ответственность за военные неудачи начального периода войны на своих генералов [15, с. 39]. Не мог не прислушаться он и к голосу общественности, требовавшей назначить главнокомандующим М. И. Кутузова. К слову сказать, Аракчеев довольно активно поддерживал именно его кандидатуру на этот ответственный пост. В период военных действий 1812–1814 гг. влияние Аракчеева на принятие императором тех или иных решений постепенно нарастает. При этом такое положение вещей не было связано с каким-либо участием Аракчеева в многочисленных придворных группировках. По свидетельству А. И. Михайловского-Данилевского, в тот момент, когда Москва была в руках неприятеля, Александр I никого, кроме Аракчеева, к себе не допускал.

В декабре 1812 г., когда близилась к завершению компания против Наполеона, Аракчеев в составе императорской квартиры выехал в Вильну и в продолжении заграничных походов русской армии постоянно находился при особе императора. Непосредственно в боевых действиях Аракчеев участия не принимал, даже когда находился в действующей армии. Так, например, в разгар сражения при Аустерлице Александр I предложил ему командование одной из колонн, однако Аракчеев, сославшись на расстроенные нервы, решительно отказался и после этого ни разу не находился под огнем неприятеля. Большинство современников и исследователей полагали и полагают, что боевого генерала из Аракчеева не получилось ввиду его патологической трусости. В какой-то мере это мнение и справедливо, но нельзя не учитывать и тот факт, что Аракчеев, будучи талантливым военным администратором (вспомним хотя бы его реформирование русской артиллерии), был плохим не только стратегом, но и тактиком и с присущим ему здравым смыслом не мог не понимать этого. По-видимому, всякое уклонение от прямого участия в боевых действиях вполне могло быть продиктовано и этими обстоятельствами.

Источники скупо информируют о его участии в кампании 1813–1814 гг. И в этот период он официально не занимал военных

постов, не командовал воинскими подразделениями, не занимался штабной работой. Служба его была как бы незаметной, но очень необходимой, о чем свидетельствуют письма императора к нему. Помимо вопросов снабжения действующей армии, связей с Россией Аракчеев исполнял массу других поручений императора, т. е. фактически был руководителем императорской походной канцелярии. Вместе с действующей армией он проделал путь от Вильны до Парижа. 30 марта 1814 г. столица Франции капитулировала, а 31 марта Александр подписал указ о присвоении чина фельдмаршала А. А. Аракчееву и М. Б. Барклаю де Толли. Аракчеев упросил императора отменить указ относительно своего производства и не публиковать его, мотивируя это тем, что он лично не руководил войсками и не принимал участия в разработке и проведении боевых операций. Затем он отказался от поездки с Александром I в Англию, уговорив отпустить его в свое имение Грузино. Великий князь Николай Михайлович полагает, что в данном случае Аракчевым двигало уязвленное самолюбие: в течение нескольких недель Александр не приглашал его с докладами. Можно предположить, что здесь имели место интриги влиятельных при Александре А. Н. Голицына, Н. И. Салтыкова и П. М. Волконского, ненавидевших Аракчеева.

Александр с большой неохотой отпустил Аракчеева на родину. Вскоре он послал ему письмо, наполненное изъявлением дружеских чувств: «С крайним сокрушением я расстаюсь с тобою. Прими еще раз всю мою благодарность за столь многие услуги, тобою мне оказанные, и которых воспоминание навек останется в душе моей. Я скучен и огорчен до крайности, я себя вижу после 14-летнего тяжкого управления, после двухлетней разорительной и опаснейшей войны, лишением того человека, к которому моя доверенность была неограниченна всегда. Я могу сказать, что ни к кому я не имел подобной, и ничье удаление мне столь не тягостно, как твое. Навек тебе верный друг» [3, с. 639].

В начале августа Александр I вызвал Аракчеева из Грузина,

написав ему: «Пора, кажется, нам за дело приняться, и я жду тебя с нетерпением!» [8, с. 287]. И действительно, дел и поручений было очень много. Вот с этого момента и начинается «звездный час» Алексея Андреевича Аракчеева, который вскоре становится фактически вторым после императора лицом в государстве, сосредоточившим в своих руках все нити управления страной. Но это уже другой сюжет необыкновенной жизни и деятельности нашего героя.

Примечания

1. *Автобиографические записки государственного секретаря В. Р. Марченко. 1782—1838 // Русская старина. — 1896. — № 3.*
2. *Богданович П. Аракчеев. Граф и барон Российской империи (1769—1834) / П. Богданович. — Буэнос-Айрес, 1956.*
3. *Борисевич А. Т. Аракчеев А. А. / А. Т. Борисевич // Военная энциклопедия. — 1911. — Т. 2.*
4. *Кизеветтер А. А. Император Александр I и Аракчеев / А. А. Кизеветтер // Исторические очерки. — М., 1912.*
5. *Кизеветтер А. А. Аракчеев / А. А. Кизеветтер // Русская мысль. — 1910. — № 11.*
6. *Кизеветтер А. А. Аракчеев / А. А. Кизеветтер // Русская мысль. — 1910. — № 12.*
7. *Краткие записки адмирала А. Шишкова. — М., 1831.*
8. *Николай Михайлович, вел. князь. Император Александр I / Николай Михайлович, вел. князь. — СПб., 1912. — Т. 1.*
9. *Николай Михайлович, вел. князь. Император Александр I. Опыт исторического исследования / Николай Михайлович, вел. князь. — [2е издание]. — Пг., 1914.*
10. *Новый энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. — СПб., б/г. — Т. 3.*
11. *Рукописный отдел Российской Национальной библиотеки. — Ф. 859 (Н. К. Шильдера). — Карт. 31. — Д. 14.*
12. *Русский архив. — 1869. — № 9.*

13. Соломенная Т. В. А. А. Аракчеев — помещик (К вопросу о роли субъективного фактора в истории зажиточного крестьянства России первой половины XIX в.) / Т. В. Соломенная, К. М. Ячменихин // Вестник Московского университета. — Сер. 8: История. — 2002. — № 5.
14. Томсинов В. А. Временщик (А. А. Аракчеев) / В. А. Томсинов. — М., 1996.
15. Федоров В. А. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев / В. А. Федоров. — М., 1997.
16. Чиж В. Ф. Психология злодея. Граф Алексей Андреевич Аракчеев / В. Ф. Чиж // Психология злодея, властелина, фанатика. — М., 2001.
17. Шильдер Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование / Н. К. Шильдер. — СПб., 1898. — Т. 4.
18. Ячменихин К. М. «Аракчеевщина»: историографические мифы / К. М. Ячменихин // Консерватизм в России и мире. — Воронеж, 2004. — Ч. 1.
19. Ячменихин К. М. «В исполнение сего Высочайшего нам поручения...». Записки А. А. Аракчеева, А. Д. Балашова и А. С. Шишкова Александру I / К. М. Ячменихин // Эпоха 1812-го года. Исследования. Источники. Историография. — М., 2003. — Ч. 2.
20. Ячменихин К. М. Алексей Андреевич Аракчеев / К. М. Ячменихин // Российские консерваторы. — М., 1997.
21. Ячменихин К. М. Граф А. А. Аракчеев и Николай I / К. М. Ячменихин // Вестник Московского университета. — Сер. 8: История. — 2003. — № 1.
22. Ячменихин К. М. Алексей Андреевич Аракчеев / К. М. Ячменихин, Т. В. Соломенная // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. — Воронеж, 2005.

УДК 94 (477.54) «180/183»: [378.4.014.2+929 Каразин]

**В. Н. Каразин и «дело о ремесленниках»
(об истоках развития торгово-промышленного
Харькова, его культуры и благоустройства)**

Лапина М. С.

Lapina M. S. V. N Karazin and «A Case of Craftsmen» (The Origins of Trade and Industrial Kharkov, Culture and Accomplishment). The article analyzes the episode biography V. N. Karazin associated with the arrival in the early nineteenth century. in Kharkov, on his initiative, families of foreign artisans being created to serve the needs of Kharkov University. It is concluded that the arrival of artisans who have brought with them new kinds of crafts and products, will serve as a further impetus to the development of the city.

Keywords: V. N. Karazin, Kharkiv, Kharkov University.

Лапина М. С. В. Н. Каразин и «дело о ремесленниках» (Об истоках развития торгово-промышленного Харькова, его культуры и благоустройства). В статье анализируется эпизод биографии В. Н. Каразина, связанный с приездом в начале XIX в. в Харьков, по его инициативе, семей иностранных ремесленников для обслуживания нужд создающегося Харьковского университета. Сделан вывод, что приезд ремесленников, которые привнесли с собой новые ремесла и виды изделий, послужил своеобразным импульсом к дальнейшему развитию города
Ключевые слова: В. Н. Каразин, г. Харьков, Харьковский университет.

Лапіна М. С. В. Н. Каразин та «справа про ремісників» (Про витоки розвитку торгівельно-промислового Харкова, його культури та благоустрою). В статті аналізується епізод

біографії В. Н. Каразіна, пов'язаний із приїздом на початку ХІХ ст. до Харкова, за його ініціативою, сімей іноземних ремісників для обслуговування потреб новоствореного Харківського університету. Зроблено висновок, що приїзд ремісників, які привнесли нові ремесла та види виробів, став своєрідним імпульсом для подальшого розвитку міста.

Ключові слова: В. Н. Каразін, м. Харків, Харківський університет.

В історію отечественного просвещения Василий Назарович Каразин вошел как основатель первого на юге России университета. Просветитель, ученый, образованнейший человек своего времени, патриот, с обостренным чувством нового и взглядом в будущее, реализовал идею, которая овладела им всецело. Благодаря его инициативе и огромной энергии на юге России, вдали от российских столиц был учрежден университет. Преодолев множество трудностей, сопряженных с подготовкой университета к его открытию, В. Н. Каразин на взлете осуществления своих планов был отстранен высочайшим решением от университетских дел и отправлен в свое имение Кручик. Между тем, мотивы действий Каразина, повлекшие за собой столь суровое наказание, не остались только эпизодом биографии, но сказались на дальнейшем развитии города Харькова.

Одним из первых на данный вопрос обратил внимание Н. А. Лавровский. В своей работе «Василий Назарьевич Каразин и открытие Харьковского университета» [1], используя архивные документы университета, он подробно остановился на подготовительном этапе, когда все организационные и финансовые дела были препоручены Каразину (конец 1803 г. — март 1804 г.). С утверждением Устава университета все вопросы по его устройству перешли в ведение Правления, первое заседание которого состоялось 11 апреля 1804 г. Одним из первых обсуждался вопрос о целесообразности использования средств,

выделенных Министерством, и пожертвованных «дворянством и гражданством губернии» для этих целей. Лавровский детально излагает ситуацию с финансами и претензии Правления к Каразину в преждевременном и нецелесообразном в данных условиях использовании части средств, имевшихся в его распоряжении. Н. А. Лавровский излагает суть дела, не касаясь мотивов действия Каразина, но объясняя допущенные нарушения своеобразием его характера. Фактически все сводилось к следующему: «Два распоряжения Каразина доставили университету много хлопот — покупка эстампов и найм ремесленников для университета» [1, с. 79]. Итак, отставка Каразина была обусловлена двумя причинами: покупка эстампов у Аделунга [См.: 2] и наем немецких ремесленников для обустройства университета. В предлагаемой работе речь пойдет о «деле ремесленников», нанятых Каразиным в Санкт-Петербурге, и о той роли, которую сыграл этот шаг в процессе преобразования Харькова в город губернского уровня, один из крупных промышленных городов России.

К возложенному на него делу В. Н. Каразин подошел масштабно. Он видел в университете центр просвещения, науки и культуры, который определит и будет стимулировать развитие всего региона, известного ранее как «Дикое поле». «Главным (если не единственным) предметом учреждения университета, — писал сам В. Н. Каразин, — было у меня благосостояние моей милой родины и полуденного края России» [5, с. 84].

Насколько сложной была задача, стоящая перед Каразиным, можно судить по тому, каким был Харьков, который следовало сделать университетским городом. Это был небольшой городок, затерянный в степях Слободской Украины, мало отличавшийся от других поселений — слобод и даже сел. Но изначально он был укреплен, и население его как города-крепости состояло из воинов и земледельцев. В начале XVIII в. здесь явно проявляются черты и тенденции, присущие городу. Появляются ремесленники, люди, специально занимающиеся изготовлением предметов для насущных потребностей населения. Об этом можно судить по

переписи населения 1732 года: ткачи — 12 человек, швецы — 8, сапожники — 4, котляры (котельники) — 6, ковали — 4, резники (мясники) — 3, рымари (шорники) — 3, музыки — 3, скляры (стекольщики) — 3, шаповалы (шерстобиты) — 3; бондари, гончары, кравцы (портные), дегтяри — по 2 человека, кушнеры (овчинники), тесли (плотники), олейники (владельцы маслобоен), винники (владельцы винокурен), солодовники (владельцы солодовен), коцари (изготовители особых ковров) — по одному человеку [1, с. 229]. Всего 66 человек. Зато шинкарей с детьми мужского пола было 122 человека.

В расширении видов ремесел и промыслов в Харькове, а также в развитии торговли большую роль сыграли четыре ежегодные ярмарки. Наиболее известными, привлекающими много народа, были Успенская и Крещенская, менее известными по значимости считались Троицкая и Покровская. Уже в XVIII в. Харьков экономически выделяется среди других городов, как, например, Ахтырка, Валки, Изюм и др. Об этом достаточно убедительно показывают данные за 1794 год, отражающие занятость населения.

Постепенно Харьков стал городом ремесленников и промышленников, а также торговцев. И, тем не менее, он не потерял своего первоначального деревенского вида. «В 1798 году [т. е. за шесть лет до открытия университета — М. Л.] губернатор Теплов писал Сенату, что Харьков, кроме казенных каменных строений и разбросанных по городу некоторых дворянских и обывательских домов, «наполнен самым простым деревянным строением, по бедности обывателей большей частью с соломенными крышами, предместья же и отдаленные части не что иное суть, как дворы хлебопашцев» [3, т. 1, с. 22].

И в этом провинциальном захолустье В. Н. Каразин согласно своим планам должен был воплотить фантастически грандиозный проект будущего университета. По словам сына Ф. В. Каразина, Василий Назарович «предполагал устроить целый отдельный учебный, так сказать, городок; в середине сад с фонтанами, с четырех сторон строения: на фасадной стороне

три церкви — православная, католическая и лютеранская; на правой стороне учебные строения; на левой — жилища для студентов и профессоров, сообщающиеся с лекционными залами крытыми галереями; на задней — манеж, гимнастические залы и хозяйственные помещения. План всего этого был представлен в Министерство Народного Просвещения» [цит. по: 5, с. 72, Примеч. 4]. Этот комплекс университетских зданий намечалось возвести на территории, прилегающей к Сумской улице, где в дальнейшем был разбит Университетский сад (ныне парк им. Т. Г. Шевченко).

Эти планы получили отражение в разработанном им самим обстоятельном документе «Предначертаание о Харьковском университете, представленное в Харькове полному дворянскому собранию 29 августа 1802 г. и послужившее основанием приговору оногo Собрания 1 сентября» [6, с. 523].

В «Предначертаании» говорилось: «Университет будет принадлежать к числу высших училищ в Империи, назначаемых для приготовления юношества к общественным и государственным должностям посредством познаний, свойственных каждому» [6, с. 523]. Филадельф Васильевич Каразин, сын Василия Каразина, так характеризует это учебное заведение: «Университет отца был не школа, по немецкому образцу устроенная, а всеобъемлющее училище» [4, с. 61]. Действительно, это должно было быть «всеучилище», как соединение различных отделений, как то: наук, искусств, военной, инженерной, духовной, а также, что следует особо отметить, низших профессиональных школ. Поражает размах и продуманность проекта, сделанного самим Каразиным. Вместо четырех отделений Каразин предполагал открыть девять: 1) общих познаний; 2) приятных искусств; 3) богословское; 4) гражданских познаний; 5) военных познаний; 6) врачебных познаний; 7) гражданских искусств; 8) отделение учености; 9) изящных искусств, а при нем — класс рисования. Сверх того из низших классов — училище сельского домоводства и школа ремесел и рукоделия. Иными словами, в числе названных отделений три

связаны с художественно-эстетическим образованием, как то: отделение приятных искусств, отделение гражданских искусств и изящных искусств, а также низшие школы ремесла и рукоделия.

Стало быть, на всех этапах университетского образования было предусмотрено и отводилось место художественному образованию. И вполне объяснимо, что в числе других учебных пособий для класса рисования В. Н. Каразин приобрел коллекцию гравюр, известную под названием «коллекции Аделунга». Она была куплена, так сказать, по случаю и по рекомендации весьма влиятельного лица, однако до утверждения Устава университета и его Правления. И когда все университетские дела перешли в руки Правления, его члены посчитали эту покупку преждевременной для начального этапа подготовки университета и отказались подтвердить целесообразность финансовых затрат по ее приобретению. В результате это стало одной из причин, как говорилось выше, для отстранения Каразина от университетских дел.

А решать многие вопросы надо было безотлагательно. Прежде всего, следовало подыскать каменное здание, соответствующее его новому назначению. Таковым оказался казенный губернаторский дом, переданный императором университету («Дворец»). Он представлял собой два смежных здания: большого — губернаторского, с двумя флигелями, и меньшего — вице-губернаторского. Губернатор Артаков, противившийся самой идее открытия университета, всячески затягивал передачу дома, и Каразину пришлось выхлопотать ему квартиру, нанятую на университетские деньги. Меньшее здание занимал вице-губернатор М. Наврозов, которому также был подыскан частный дом.

Оба здания, довольно запущенные и функционально непригодные в новых условиях, требовали перестройки, кирпичных и штукатурных работ. Внутренние помещения нуждались также в отделочных работах, соответствующей мебели и новой обстановке. Между тем, ни профессиональные навыки местных мастеров, ни их изделия не отвечали предъявляемым

новым требованиям. И это было существенной преградой для завершения работ к намеченному сроку открытия университета.

Кроме учебных помещений, следовало позаботиться и о квартирах для ректора и профессоров, которых предполагалось пригласить для вновь открывающегося университета. Вопрос этот стоял особенно остро, и им непосредственно занимался сам попечитель учебного округа граф С. О. Потоцкий. Часть профессоров пригласили из-за границы, как это было принято в то время, преимущественно немцев и французов. Таковыми были Ф. А. Делавинь, Я. М. Белен-де-Баллю, Ланг и др. Из отечественных ученых, по рекомендации Каразина, были приглашены известные каждый в своей области И. С. Рижский, И. Ф. Тимковский, Т. Ф. Осиповский. Они приехали в Харьковский университет еще до его открытия из Санкт-Петербурга или из Москвы.

Вновь прибывшим профессорам необходимо было по договоренности создать в первую очередь достойные условия проживания. Но это оказалось непростым делом. Так, например, Делявиню вместо обещанной меблированной квартиры для обстановки можно было дать лишь два кресла и два стула [5, с. 77]. И поскольку в Харькове не доставало ремесленников и мастеров для выполнения различного вида работ, необходимых для обустройства нового учебного заведения, то Каразин решил нанять и отправить значительную партию ремесленников из Петербурга. Кроме того, он считал, «что весь этот ремесленный люд понадобится многочисленному контингенту студентов и профессоров будущего университета» [4, с. 141].

Предпочтительность найма ремесленников в Петербурге Каразин мотивировал следующим образом: «... привоз мебели и других вещей, нужных для классов, библиотеки, физического и модельного кабинетов, лаборатории и типографии, которые могут быть сделаны здесь на месте самими ремесленниками, составил бы сумму, превосходящую их самих и сверх того был бы сопряжен с великими неудобствами» [4, с. 143-144]. Тем самым, по мнению Каразина, это поможет сберечь университетские

деньги и принести пользу Харькову. И сам С. О. Потоцкий «признавал вполне целесообразным предприятие Каразина о высылке художников» [4, с. 142].

Всего было отправлено Каразиным из Петербурга тридцать два мастеровых с семьями, немцев по происхождению, и издержано на них 12000 рублей. Из них около девяти тысяч, как предполагалось, будут погашены работой, а три тысячи выданы им безвозвратно.

Окружающая же действительность, казалось бы, давала мало веры и надежды, что столь прекраснотушные планы автора «Предначертаия» воплотятся в жизнь. И главная трудность заключалась не только в том, как подготовить учебное здание университета и все сопутствующие вопросы к открытию. Немаловажную заботу для Каразина составило то, что современный ему Харьков, его население, устоявшийся уклад и состояние общей культуры никак не вязались с представлением об университетском городе. Д. И. Багaley пишет: «Но что особенно должно было поражать свежего человека, так это городское неблагоустройство... Это-то внешнее неблагообразие, простота патриархальной жизни, не тронутая почти никаким влиянием культурности, и должны были производить (в особенности на иностранцев) впечатление чего-то ультразахолустного, некультурного и неприветливого» [4, с. 14-15].

В. Н. Каразин прекрасно понимал, какие трудности ожидают ремесленников-иностранцев при переезде в далекий степной Харьков. И он стремился по мере возможности предусмотреть и облегчить их обустройство на новом месте. В письме А. М. Шишкину, своему доверенному лицу в хозяйственных делах по устройству университета, от 18 ноября 1803 г. он просит «удовлетворить художников», «показать им всевозможное пособие в наемлении квартир, и в первоначальном их продовольствии». В другом письме Шишкину Каразин повторяет просьбу: «успокоить их (художников) с дороги, снабдить съестным». И там же: «Вам известно, сколь важно не привести в уныние ремесленника, а посему вспомоществовать всеми

мерами» [5, с. 89-90].

Волновали В. Н. Каразина и финансовые вопросы, связанные с оплатой, причем весьма умеренной, по заказам университета. Предполагалось, что дополнительным источником дохода мастеров станет, так сказать, университетская община, в первую очередь, профессора. Но эти надежды не оправдались из-за малочисленного набора студентов. Приходилось уповать на то, что приехавшие ремесленники смогут найти заработок среди местных жителей, наиболее обеспеченной и образованной их части.

Для вновь открывающихся мастерских понадобились бы подсобные рабочие, а главное — по контракту мастер обязывался иметь учеников. Все это имело немаловажное значение для проблемы занятости городского населения и, в первую очередь, малоимущих горожан. «... Поселение в Харькове составляет верное пристанище и способ к жизни детям бедных мещан, которые выходя из уездных училищ, станут затрудняться в пропитании, и, быв отдан в мастерство, они не только сберегутся от нищеты и разврата, но и послужат со временем на пользу сего края, весьма скудного со стороны искусств и рукоделия» [4, с. 144].

Приезд в Харьков одновременно большой группы иностранцев, призванных для выполнения разнообразных видов работы по устройству нового учебного заведения под названием университет, не могло не сказаться на жизни города. Местное население отнеслось к приезжим миролюбиво и доброжелательно, поскольку это были понятные люди труда. Вместе с тем, они же были выходцами из другого, далекого мира, отличавшиеся трудовыми навыками, потребностями и привычками в быту, одежде и во взаимоотношениях, принадлежащих к другому вероисповеданию. «...Выписка сих людей принесла удовольствие жителям г. Харькова», иными словами, их встретили не враждебно, как иноземцев, но с пониманием выгод, которые принесет их приезд, и это опосредствованно скажется

на благорасположении жителей к такому новшеству, как университет [4, с. 144].

«Законтрактованы были В. Н. Каразиным следующие лица: столяр Блюме, медник Вестман, слесарь Тропнер, токарь Бернсдорф, жестянник Торшинский, горшечник Гормес, бронзовщик Маркович, чулочный фабрикант Цейль, кожевник Генгрос, бронзовщик Викфорс, ножовщик Отман, шляпники Алгрэн и Зундвист, ткач Кретце, сапожник Шмит, медник-чеканщик Спенман, оловянщик Тойня, стекольщик Спонедда, столяр Дребольд, седельники или обойщики Даман и Эбель, мастера экипажей и столяры Вольф и Тегер, кузнецы Лоренс и Петерсен, сапожник Сергеев, садовник Строваль, типографщик Гекке, переплетчик Вегге, два булочника; всего 32 человека» [4, с. 151].

Из этого перечня специалистов можно заключить, что В. Н. Каразин заботился не только о насущных нуждах университета, но и радел обо всем городе, его преобразовании, о приобщении жителей Харькова к устоявшемуся уже характеру и стилю, присущих городской жизни как за границей, так и в российских столицах и других промышленно-торговых городах.

С каждым из приехавших ремесленников поименно В. Н. Каразиным были заключены договоры, датируемые 8-15 числами октября 1803 года. Большая часть этих документов, написанных в дубликатах на русском и немецком языках, дошла до нашего времени. В качестве шаблона можно привести следующий образец: «1803 г. октябрь 6 дня. Ниже подписавшийся иностранец, бронзовый мастер Август Маркович, заключил я с господином коллежским советником Каразиным следующий договор: я, Маркович, обязываюсь ехать в город Харьков для работы там в пользу учреждаемого Императорского Университета, когда оный от меня что потребовать будет по данным мне рисункам, всякие вещи из металлов, как те, которые по отливке следуют к отделяванию пилою, или следуют к чеканке из листов, так и те, которые обрабатываются на токарном станке. <...> деньги <...> Оные деньги должен я мало-по-малу

отработать. Оставаясь под защитой упомянутого Харьковского Университета, не имею я относительно до него другой обязанности, кроме 1-е, что все работы оного должен брать предпочтительно пред прочими и за умеренную плату, и 2-е, что я от него принимаю двух молодых людей для совершенного обучения моему мастерству, которые до того времени при мне и останутся. В Харькове должен я вести себя добропорядочно; в прочем я имею право возвратиться в Санкт-Петербург, коль скоро упомянутые выше взятые мною деньги на обзаведение отработаю или заплачу наличными... 150 руб. получил. Еще на покупку инструментов 50 т.е. 200 руб.» [8, л. 8].

Обращает на себя внимание обстоятельство договора, где четко определены виды работ, причем, со стороны заказчика, т.е. Каразина, проявляется полное знание предмета, так как оговариваются возможные варианты использования сырья и технологический процесс. В финансовом вопросе основным является выполнение первоочередно университетских заказов, но принимается во внимание и побочный заработок, из чего видно, что Каразин уже загодя предвидел спрос на работы мастеров такого класса. Наконец, что имело особое значение в перспективе для хозяйственной жизни города и Слобожанщины, — это требование обязательно иметь учеников «... для совершенного обучения... мастерству». В данном случае речь шла о двух учениках, но возможно было обучение одного и более. Итак, на будущее Харьков обеспечивался своими высококлассными мастерами в разных ремеслах.

Для университета первоочередными задачами были вопросы строительства, для чего и приглашены были стекольщик, слесарь, токарь и, главное, шесть столяров, специализирующихся в различных видах этого ремесла. Особенно искусным в столярном деле считался Блюм (Blüme), имевший, по-видимому, много частных заказов. Его имя прославил один из первых выпускников (1808 г.) словесного отделения Харьковского университета Аким Николаевич Нахимов. В своем шуточном стихотворении «На получение кандидатского достоинства» он патетически

обращается к упомянутому столяру, называя его правнуком Дедала, легендарного древнегреческого строителя и художника, считавшегося основателем столярного мастерства, изобретателем рубанка, отвеса, клея и пр., строителя Лабиринта, отца Икара [9, с. 95].

Кроме упомянутого Блюма, прибыли столяр Дребольд, а также Вольф и Тегер. Последние считались мастерами по изготовлению экипажей. И это было весьма симптоматично: в планах Каразина Харьков должен был территориально разрастаться, а стало быть, понадобятся различные виды карет, колясок, дрожек и т.п. Два других столяра, Даман и Эбель, являлись специалистами «малых форм»: они занимались мебелью, ее обивкой и изготовлением седел.

Специалисты по металлу были представлены широким спектром, а именно: кузнец, жестянщик, медник, ножовщик, токарь. Тонкую и художественную работу по металлу знали бронзовщик, оловянщик, чеканщик по меди. Их изделия предназначались не только для университета, но по своему разнообразию и художественным достоинствам, как предполагалось, могли и должны были найти покупателей среди зажиточных горожан, местных помещиков и др. Все это направлено было для воспитания художественного вкуса.

Каразин всеми средствами стремился преобразить провинциальный, полудеревенский город Харьков, привнести в его внешний облик и внутреннюю жизнь черты обустроенного, с соответствующими тенденциями в развитии города интересами и требованиями. Отсюда среди приглашенных из Петербурга столичных мастеров такие как шляпник, ткач, чулочный фабрикант и сапожники, из которых один был немец Шмидт, а другой – русский, Григорий Сергеев со своим учеником Семеном Жиленко.

Не случайно в числе приехавших в Харьков оказались и два булочника. Предполагалось, что они откроют пекарни, а при них лавки для продажи хлебных изделий из пшеничной муки. Эти булки, круглой или овальной формы известны были как

хлебцы особого немецкого печения, а также крендели, сухари и др. Предназначались они не только для приехавших бюргеров, но получили широкое признание среди населения (ср. позже французские булки и др.).

Новшества, вошедшие в харьковскую жизнь с приездом немецких мастеров – «художников», были вполне благосклонно приняты населением. А для высших слоев населения это стало вожделенным приобщением к быту, стилю, культуре столичных городов. Возможность здесь, далеко, как казалось, от фантастически блестящей жизни столиц воспользоваться услугами и предметами работы искусных мастеров воспринималась как близкая реальность. О настроении, господствовавшем в харьковском бомонде, Д. И. Багалей писал следующее: «...нове, слободсько-українське дворянство хтіло відрізнитися од народа й охоче купувало на ярмарках усякі заґрянні та московські товари, щоб зробити свій домашній побут на манір побуту російського дворянства; за дворянством слідували й інші заможні стани – чиновники, офіцери, купці, міщане, духовенство, особливо таких городів, як Харків та Суми...» [10, с. 140].

Предметом особой заботы Каразина была типография, столь необходимая университету в первую очередь. Перевозить такое сложное хозяйство из Санкт-Петербурга было невыгодно и рискованно. Понадобился бы обоз из 10 фур, но главное, что все сложное оборудование с многочисленными металлическими и деревянными деталями при переезде фактически по бездорожью превратилось бы в «негодную дрянь». Типографию надо было создавать на месте, и для этого был выделен отдельный флигель.

Для создания типографии прибыли в начале 1804 г. Гек, типографщик, и для словолития – «Дреир, оба иностранцы. Первому было назначено по 500 рублей жалованья, а второму – по 300, весьма немалые деньги по тем временам. Они привезли с собой новые принадлежности для типографии, как то: печатные станки, станки, реаламы, наборные линейки, молоты,

железные и медные, котлы, винты, подсвечники и т.п. Русские литеры предусмотрено было изготавливать на месте, в Харькове, а изготовление греческих и латинских шрифтов заказали лейпцигским словолитчикам Гербелю и Брейткопфу.

В число специалистов по печатанию включен был и переплетчик Ведде. В его обязанности входило переплетать не только вновь изданные книги, но и ранее купленные и привезенные в Харьков из других городов или купленные на ярмарках и др. По большей части они находились в листах и без реестра. По мнению Каразина, книги, имевшие хождение в Харькове и в общем пользовании, представляли библиографическую ценность. За всю работу выделялось 250 рублей жалованья, квартира и 20% стоимости переплетного материала. При подготовке типографии к работе могли быть привлечены также специалисты по металлу, дереву и другие. Для выполнения столь большого объема работ были наняты рабочие, которые приобщались к новой, не имевшей до того в Харькове приложения, специальности.

Необходимость открытия типографии в Харькове для Каразина была очевидна. В частности, он писал: «... мысли тамошнего купечества обращены с выгодой на полуденную торговлю, переведено с чужих языков до 15 книг разного рода, приспособленных к общенародным пользам края того, которые и ждут только харьковской типографии для своего издания в свет...» [5, с. 101]. А с ростом и развитием города он считал, что количество таковых типографий уже в недалеком будущем увеличится до двадцати.

Сопутствующим нововведением стало и появление книжных лавок. Предложение открыть таковую принадлежало книгопродавцу из Санкт-Петербурга Цимсену. Об этом имеется запись в журнале комитета Правления по делам Харьковского университета от 1 февраля 1805 г. под № 1. В ней говорится, что согласно двум запискам, поданным в данный комитет, и устным объяснениям книгопродавец Цимсен высказывает «желание...

завести в Харькове иноязычную книжную лавку». В связи с этим было принято решение, что он заведет здесь «своим иждивением не позже 4-х месяцев... книжную лавку, в которой бы для продажи находились главные по университетским и гимназическим наукам употребительные иностранные книги и другие учебные пособия...» [4, с. 418]. Так закладывались в Харькове основы книгопечатания и издательской деятельности как непереносимые предпосылки развития просвещения и культуры в городе и во всем регионе.

Между тем, как покупка коллекции эстампов, так и наем «художников» в Петербурге обернулись для Каразина большой бедой. Связано это было с непредусмотренными финансовыми затратами министерства, а также тех, которые состояли из пожертвований дворянства и жителей Харькова на устройство университета. Все это получило широкий резонанс, стало известно Александру I. Каразин окончательно впал в немилость, был отправлен в отставку, правда, в звании статского советника, но полностью отстранен от университетских дел. Последнее было особенно тяжело для Каразина.

Финансовые проблемы были решены согласно царскому распоряжению. Но с мастерами дело обстояло труднее, так как часть из них оказалась ненужной университету, и главной причиной был вопрос об оплате их работы. «Комитет (Правление университета) старается отклонить от себя и заведение мастерскими, как людьми, для университета совершенно ненужными» [1, с. 96]. Дело стало набирать обороты. 21 ноября попечитель предложил комитету «передать ремесленников помещикам для заведения фабрик» [1, с. 96]. Но, видимо, эта идея была преждевременной и, так сказать, не по адресу. Расчет на участие дворян не оправдался. «24-го июня 1801 г. правление отмечало, что все мастерские отданы в ведение городской полиции и что университету нету до них никакого дела» [1, с. 97].

Как сложилась судьба отдельных ремесленников-немцев, проследить непросто, хотя имеется полный список имен всех

приехавших в Харьков. Большинство же прочно обосновалось в городе, и свидетельством тому является Немецкая улица. «Улица появилась в начале XIX века, — пишет Н. Т. Дьяченко, — когда городская дума в 1805 году отвела здесь землю для заселения 23 (!) семьям иностранных мастеров ремесленных цехов, выписанных основателем Харьковского университета В. Н. Каразиным из-за границы. Поселившиеся здесь иностранцы положили основание ремесленной немецкой колонии, а возникшая улица получила название Немецкой, ... торговых и ремесленных заведений здесь почти не было» [13, с. 212]. Вполне возможно, что здесь жили и профессора, приглашенные из Германии. И только в столетнюю годовщину со дня рождения великого русского поэта улица была названа его именем и стала называться Пушкинской. В конце ее, фактически за городской чертой, находилось Лютеранское кладбище, теперь 2-е городское.

«Дело о ремесленниках», имевшее для В. Н. Каразина столь драматические последствия, оказалось судьбоносным для Харькова. В городе открылось много новых мастерских, а для них потребовалось много подсобных рабочих, подмастерьев и, что особенно важно, появились ученики, постигавшие основы разнообразных ремесел. Выходцы преимущественно из мещанской среды, они постепенно выделялись в новую, самостоятельную сословную прослойку, которой предстояло занять одно из ведущих мест в харьковском социуме. С расширением производства ремесленных изделий развивалась торговля, крепло купечество. Город разрастался, менялся его внешний вид, благоустройство. Жизнь становилась разнообразней и динамичней.

Оглядываясь на путь, пройденный Харьковом от маленького городка, «неприветливого, негостеприимного» [1, с. 166] в начале XIX века, по-иному воспринимается такое, казалось бы, малозначительное событие как приезд трех десятков иностранных мастеров, присланных В. Н. Каразиным для обустройства университета. Они привезли в Харьков новые ремесла и виды изделий, обучили новым приемам и способам

работы, организации и культуры труда, внесли в патриархально-устоявшуюся жизнь степного, полугосподарского города неизвестный дотоле быт и стиль повседневной городской жизни, отличавшие города Европы и северную российскую столицу. «Ему, Каразину, — писал Г. П. Данилевский, — обязаны мы большей частью началами европейского быта на Украине» [12, с. 129].

В далекое прошлое ушли события и имена людей, стоявших у истоков зарождения Харькова как главного губернского города, выделившегося своим стремительным ростом. Большую роль сыграло строительство Курско-Харьковско-Азовской железной дороги, ставшей важнейшей артерией на юге России. Отныне Харьков был напрямую связан с Москвой и Санкт-Петербургом, что послужило импульсом для интенсивного его развития в последней трети XIX века как крупного торгово-промышленного центра, университетского города науки и культуры.

Слова В. Н. Каразина: «Харьков процветет в самое короткое время» — становились реальностью. Для осуществления своей мечты — надежды Каразин отдал свой талант, труд, силы, любовь к родному краю.

В эпитафии, начертанной на надгробном камне В. Н. Каразина, упомянуты многие заслуги и достоинства этого выдающегося человека своего времени, и в свете сказанного выше исполнены глубокого смысла слова: «... водворитель цветущей торговли и благосостояния граждан в городе Харькове».

Примечания

1. Лавровский Н. А. Василий Назарович Каразин и открытие Харьковского университета / Н. А. Лавровский // ЖМНП. — 1872. — № 1.
2. Лапина М. С. «Коллекция Аделунга» и В. Н. Каразин / М. С. Лапина // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — Серія: Історія. — Х., 2000. — Вип. 32.
3. Багалея Д. И., Миллер Д. П. История города Харькова за 250 лет его существования (1655—1905) / Д. И. Багалея, Д. П. Миллер. — Х., 2004.

4. *Багалей Д. И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам) / Д. И. Багалей. — Х., 1893—1898. — Т. 1.: (1802—1815 г.).
5. *Тихий Н.* Василий Назарович Каразин. Его жизнь и общественная деятельность / Н. Тихий. — К., 1905.
6. *Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина, собранные и отредактированные проф. Д. И. Багалеем.* — Х., 1910.
7. *Учебные общества и учебно-вспомогательные учреждения Харьковского университета (1805—1905)* / Под ред. Д. И. Багаля и И. П. Осипова. — Х., 1905.
8. *Каразін В. Н.* Договори, укладені з мастерами та ін. особами, які згодилися працювати в Харківському університеті. — 1803 / Рукопис копії рос. і нім. мовами // Архів інституту літератури ім. Т. Г. Шевченка НАНУ. — Ф. 37. — Спр. 631 (копії архівних документів надані С. І. Посоховим).
9. *Сочинения А. Н. Нахимова.* — СПб., 1849.
10. *Багалій Д. І.* Історія Слобідської України / Д. І. Багалій. — Х., 1993.
11. Виписки з архівних матеріалів до історії м. Харкова (XVII, XVIII, XX, XIX ст.), рукоп. 259 арк. / Журнал комитета Правления по делам Харьковского университета // Архів інституту літератури ім. Т. Г. Шевченка НАНУ. — Ф. 37. — Спр. 360 (копії архівних документів надані С. І. Посоховим).
12. *Данилевский Г. П.* Украинская старина / Г. П. Данилевский // Материалы для истории украинской литературы и народного образования. — Х., 1866.
13. *Дьяченко Н. Т.* Улицы и площади Харькова / Н. Т. Дьяченко. — Х., 1966.

УДК 323.3 – 058.12 : 32.019.5 (470+571) «185/189»

**«Белые ручки – чужие труды любят»:
поместное дворянство в российском общественном
сознании 50-90-х гг. XIX в.**

Шаповалов В. А.

Shapovalov V.A. «A Cat in Gloves Catches no Mice»: Landed Gentry in the Russian Public Consciousness in 1850s–1890s. The article deals with socio-psychological aspects of perception of the pre-reform and post-reform Russian gentry by people of different estates. This topic has recently started to attract the Russian historians' attention, and its study will allow to research bigger problems of inter-estate emancipation in late imperial Russia.

Keywords: landed gentry, pre-reform and post-reform periods, social psychology. *Шаповалов В. А. «Белые ручки – чужие труды любят»: помещное дворянство в российском общественном сознании 50-90-х гг. XIX в.* В статье рассматриваются социопсихологические аспекты восприятия помещного дворянства России как дореформенного, так и пореформенного периодов представителями различных сословий. Данный аспект только начинает разрабатываться в российской исторической науке, его разработка позволит выйти на более широкие проблемы межсословной эмансипации поздней имперской России.

Ключевые слова: помещное дворянство, дореформенный и пореформенный периоды, социальная психология.

Шаповалов В. А. «Білі ручки – чужу працю люблять»: помісне дворянство в російській громадській свідомості 50-90-х рр. XIX ст. В статті розглядаються соціопсихологічні аспекти сприйняття помісного дворянства Росії як

© Шаповалов В. А., 2013

дореформенного, так і післяреформенного періодів представниками різних станів. Даний аспект тільки починає розроблюватися в російській історичній науці, його розробка дозволить вийти на більш широкі проблеми міжстанової емансипації пізньої імперської Росії.

Ключові слова: помісне дворянство, дореформенний і післяреформенний період, соціальна психологія.

Дворянское сословие с начала XVIII в. приобретает те привилегии и права, которые ставят его на высшую ступень сословной иерархии, придавая носителю дворянского статуса ощущение сословно-корпоративной исключительности.

Положение российского дворянства в российском обществе достаточно полно освещено в исторической литературе. В то же время социопсихологические аспекты восприятия помещного дворянства в обществе начинают только разрабатываться [8; 13; 24; 25]. Основными источниками данной статьи стало российское законодательство, мемуарная литература и воспоминания современников [4; 6; 12 и др.].

Дворянин без суда не мог быть лишен дворянского достоинства, чести и жизни. Его мог судить лишь дворянский сословный суд. Только в торговых спорах записанный в гильдию дворянин мог предстать перед судом или управой в качестве купца. Это не касалось уголовных дел. Дело любого дворянина, совершившего уголовное преступление, подлежало лишь дворянскому суду. Его окончательно решал только Сенат и утверждал император. Жалованная грамота дворянству впервые признавала освобождение дворянина и его семьи от телесных наказаний, что стало важной привилегией сословия. До этого телесные наказания применялись ко всем сословиям, ассоциируясь не только с болью, но и позором человека. При Павле I телесные наказания

дворянам за уголовные преступления были восстановлены (указ 13 апреля 1797 г.), а при Александре I вновь отменены (манифестом 5 мая 1801 г. и указом 18 июля 1802 г.). Тогда же присужденным военным судом к смертной казни дворян было запрещено заковывать в железо. Указом Николая I от 23 мая 1826 г. на арестантов из дворян не распространялось правило бритья половины головы, как это делалось с представителями других сословий. 22 декабря 1827 г. осужденных к лишению дворянства и ссылке в Сибирь было запрещено отправлять туда, заковывая в железо. К числу дворянских привилегий относилось освобождение от личных податей, рекрутской повинности, в дореформенный период – монопольное владение крепостными крестьянами [8, с. 113-119]. Этих привилегий и прав не было больше не у одного сословия, что особо подчеркивало их высший сословный статус.

При Петре I, наряду с термином «дворянин», применялся термин немецко-польского происхождения «шляхетство». При Елизавете Петровне этот термин, в отношении высшего сословия, становится основным. Однако уже в 60-е гг. XVIII в. при Петре III его вытесняет русское слово дворянство, а при нем ставится слово «благородное», которое начинает употребляться также и в качестве существительного, заменяющего термин «дворянин» [8, с. 113-119]. Вплоть до 1917 г. эти слова в российском обществе были синонимами, хотя в пореформенный период термин «благородный» в отношении мелкопоместного дворянина имел нескрываемый оттенок социальной иронии. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля термин «благородный» имеет следующее объяснение: «...происходящий от дворянского рода, дворянин; обер-офицер, чиновник обер-офицерского чина; согласный с правилами чести и чистой нравственности; честный в пользу других» [5, с. 94]. Нравственный критерий человека переводится исключительно в плоскость сословного статуса. Подобная трактовка была закреплена и в «Своде законов Российской империи: «Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели,

начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами: чем, обращая самую службу в заслугу, приобрели потомству своему нарицание благородное. Благородными разумеются все те, кои или от предков благородных рождены, или Монархами сим достоинством пожалованы» [20, ст. 15].

Обыватель недворянского происхождения постоянно сталкивался в повседневной практике с проявлениями дворянской исключительности. Помимо вышеуказанных привилегий, проходя по городу, он обращал внимание, что самые красивые центральные улицы, как правило, назывались Дворянскими, Большими или Малыми дворянскими [17, с. 237], самое красивое здание в городе – это здание Дворянского собрания, в сельской округе – усадьба крупного помещика, прохожие кланяются, в основном, представителям благородного сословия и т. д. Магия дворянского достоинства отражена и в народном фольклоре, в частности в пословицах и поговорках. В сборнике русских народных пословиц, поговорок и примет, собранных отшельником Мери-Хови, представлено небольшое количество пословиц, созданных, вероятно, в крепостной крестьянской среде, в которых отражено признание крестьянами своего низкого социального статуса и сословного превосходства дворян, их природное благородство, особая роль в обществе. Среди них: «На Руси дворянин, кто за многих один», «Из доброго помещика – дух вон, из крестьян – красные дни», «Барская милость – Божья роса», «С боярами знаться – ума набираться», «Кабы не барский разум, да не мужицкая простота – все бы пропали», «Вольному – просторней, барскому – спокойней» и, скорее всего, относящееся к мелкопоместному дворянству – «Хоть лыком шит – да барин!» [19, с. 113]. Вероятнее всего данные пословицы создавались в имениях крупных помещиков, где личное пространство крестьян не было серьезно ограничено вотчинной администрацией и они находились на оброке.

Подавляющая же часть пословиц и поговорок раскрывает тяжелую жизнь крепостных крестьян, где они не принадлежали себе и весь их жизненный уклад определялся помещиком. При

этом, сама суть данных пословиц (поговорок) однозначно иллюстрирует изначальную социальную предопределенность в крестьянском сознании собственной принадлежности барину, вершителю крестьянских судеб. К таким пословицам (поговоркам) относятся: «Казенный мужик живет, как Господь велит, а боярский — как барин велит», «Барская просьба — хуже приказа», «Мужицкими мозолями и бары сыто живут», «Душа — Божья, голова — Царская, спина — барская» [19, с. 113-114], «Панская воля — наша доля», «Нужда учит, а барщина мучит» [11, с. 156]. Их всех объединяет одна общая мысль — тяжела судьба, но она исконно наша, другого не будет дано.

Среди определенной части крепостных крестьян барская власть объяснялась Божьей волей, его устройством существовавшего социального миропорядка. Подобные убеждения остались у некоторых крепостных крестьян и после реформы 19 февраля 1861 г. Так, крупный помещик, видный представитель казанского земства Н. А. Мельников в своих мемуарах описывает примечательный разговор со старым бывшим крепостным своего деда Фомой Ивановичем: «Вспоминая какие-то эпизоды из далекого прошлого, он старается остановить мое внимание на том, каким умелым, добрым хозяином был мой дед, и как сердечно и справедливо он относился ко всем своим «подданным». Это вызвало с моей стороны некоторые вопросы о бывших отношениях между господами и их крепостными людьми. Я высказал недоумение по поводу того, как это было возможно, чтобы один человек безраздельно владел другим, и доказывал, что такое владение противостоит естеству и безнравственно. «Нет, соколик, не так все это», — ответил Фома Иванович. «Верно ты сказал, что Господь сотворил человека свободным, да только не та эта свобода про которую на бумаге печатают, да на перекрестках кричат. Настоящая свобода Адаму праотцу была дана. Не оправдал он Божьего дара, послушался Господа. С тех пор только на небе свобода осталась, и мы узнаем ее на том свете. На земле же все рабы либо друг другу, либо самим

себе. Я, примерно, дедушке твоего был раб, он — царским рабом, царь трону своему раб, а все мы вместе рабы перед Господом Богом. И позора в рабстве я не вижу никакого» [12, с. 28-29]. «Философия» Фомы Ивановича признает и оправдывает институт крепостничества, как определенный исторический этап крестьянской жизни. Главное для него наличие и характер барских добродетелей. Именно от них, с его точки зрения, зависела судьба помещичьих крестьян [25, с. 101-102].

Для крепостных крестьян, среди барских добродетелей, особо выделялась «твердая, но справедливая рука» помещика, при которой в хозяйстве будет порядок, «людишки не будут баловать», а главное, будет обеспечен сытый уровень жизни. Художник Л. М. Жемчужников вспоминает свой разговор с крепостным крестьянином пензенских помещиков Бахметьевых: «Когда был Андрей Миколаевич, то у покойника жить нам было лучше...И ныне наши господа смирные; к приказам не способные — вот и похуже. А господа нужды нет, нам грех напрасно сказать, чтоб, что дурное такое, а только что власть дана больно Андрею Лукьяновичу (управляющему — В. Ш.). Ну, он-то...не способен, не хорош...

Ну прежде была барщина... Андрей Николаевич все обо днях старается, а ныне — все похуже; дни отнимают. Ныне, што, как они вздумают, как им надо, позовут, и в дни наши — работай на них» [6, с. 196-197]. Крепостной мужик жаловался, что «нынешние» господа, в отличие от прежнего барина, мягкие, «к приказам не способные», управление имением передали в руки управляющего, который и сам «не хорош». В итоге жизнь крестьян стала хуже.

Помещик, с точки зрения крестьян, не должен был переходить грань «христианского обращения» с ними, осознавая, что это было наказуемо и со стороны верховной власти. То есть, барин не имел права истязать их до смерти, увечить, морить голодом, в этой ситуации, не только беря грех перед Богом, но и нарушая царскую волю. И когда барин переступал грань дозволенного, проведенную крестьянским сознанием, его могли убить.

Крестьяне чувствовали, что помещики, за определенным исключением, опасались за свою жизнь, недвижимостью и их добродетели, в некоторой части, были следствием страха перед расправой со стороны их «подданных». И. И. Игнатович отмечал: «Некоторые помещики действительно старались помогать своим крестьянам. Были такие... «которые из последних сил кормили крестьян, хотя, может быть, понуждаясь к тому скорее расчетом, нежели филантропией... Многие делали это из страха, ибо были случаи, что мужики грозно подступали к помещикам, требуя прокормления» [9, с. 7]. Историк крепостного права в Рязанской губернии А. Д. Повалишин, в связи с этим, писал: «Случаи совершения крепостными покушений на жизнь помещиков настолько были нередки, что они должны были посеять в помещиках опасение за свою жизнь», добавляя «опасения, иногда ничем не оправданные» [16, с. 291].

Отдельно, в рамках общественного восприятия дворянского сословия, стояли мелкопоместные владельцы, которые по своему культурному, образовательному и бытовому уровням резко дистанцировались от верхних страт «благородных». В то же время, представители нижних подгрупп мелких помещиков, владея 1-3 душами, кичились своим дворянским статусом и ежедневно пытались подчеркивать его своим крестьянам. Хотя, нередко, сам их внешний вид, жилища нельзя было отличить от крестьянских. Современник, вспоминая посещение Тамбовской губернии в 1851 г., отмечал: «Когда я попросил крестьян указать, где живет помещик, мне показали на бедную полуразвалившуюся лачужку, крытую соломой. Я не поверил, но оказалось, что он действительно живет здесь. По мере моего приближения удивление мое продолжало только возрастать, а когда я наконец вошел в отворенную дверь и заглянул внутрь, то был просто поражен: потолок грозил ежеминутно обрушиться...» [4, с. 884].

Подобный образ жизни мелких помещиков приводил к тому, что у крупных сановников из верхних страт дворянства рождались проекты перевода мелкопоместных дворян в особое военное сословие, не входившее в разряд «благородных» [22, с. 41].

Купцы, наряду с мещанами, принадлежали к сословию городских обывателей, в дореформенный период также осознавали свою социальную дистанционность от дворянства. Это проявлялось не только в правовой сфере, где купцы официально принадлежали к полупривилегированному сословию, но и в повседневной бытовой практике. Манеры, культура, образованность дворян считались делом благородных. В этой связи, современник указывал: «На купца смотрели не то чтобы с презрением, а так, как-то чудно. Где, дескать, тебе до нас. Такой же ты мужик, как и все, вот только синий сюртук носишь, да и пообтесался немного между господами, а посадить обедать с собою вместе все-таки нельзя — в салфетку сморкаешься» [22, с. 73]. Отсюда, купец завидовал социальному статусу «благородного», с другой стороны, — недолюбливал за его сословную чванливость.

В ходе реализации Великих реформ 60-70-х гг. XIX в. наметилась тенденция постепенного свертывания сословных привилегий дворянства. В 1861 г. дворянство утратило монопольное право на владение крепостными крестьянами; в результате реформы полиции 1862 г. дворяне утратили право формировать уездную полицию, а после введения земств в 1864 г. потеряли монополию на формирование органов местного управления; в результате судебной реформы 1864 г. дворяне попали под юрисдикцию общесословных судов, с 1874 г. стали на общих основаниях привлекаться к отбыванию воинской повинности. Особенно примечательна в этом плане утрата дворянством налоговых привилегий. До середины XIX в. оно обладало фактически налоговым иммунитетом: не платило прямых налогов. После либерализации сословных отношений ситуация изменилась: введение любых новых налогов в стране стало распространяться на дворян в равной степени с другими сословиями. С 1863 г. дворяне стали платить новый государственный налог с государственной недвижимости, с 1872 г. — государственные земские повинности, с 1875 г. — государственный поземельный налог в сельской местности

и т. п. С начала 1860-х гг. российская налоговая система стала радикально изменяться: она переходила с подушного принципа на подоходный, тяжесть налогового бремени перемещалась с бедных на зажиточные слои населения. Соответственно налоговое бремя дворянства стало возрастать [13, с. 94].

После отмены крепостного права, когда земля стала всесословным товаром, доля дворян в частном землевладении стала падать. Если до отмены крепостного права частный фонд земель был фактически монополией помещиков, за исключением незаселенных земель, с освобождением крепостных данная картина стала меняться: в 1861 г. им принадлежало 87 млн. дес. земли, в 1877 г. — 73 млн. дес., в 1905 г. — 53 млн. дес. [18, с. 131]. Дворянские земли, в первую очередь, в массовом порядке переходили в руки купцов и крестьян. Это, в свою очередь, уменьшило основания и возможности дворянской корпорации на главенство в местном управлении, что было видно из некоторого охлаждения интереса уездных предводителей к управленческой деятельности [26, с. 376].

Все эти социально-экономические изменения статуса дворянства не остались незамеченными для представителей других сословий, которые старались данную социальную трансформацию подчеркивать. Отсюда, в социопсихологической сфере у представителей дворянства происходило столкновение претензий старого барства и новых ожиданий, разочарований. К. Д. Кавелин особо акцентировал на этом внимание: «Огромное большинство владельцев, не обременяя себя заботой о будущем, не думая поступиться ни одной из прежних своих привычек в виду новых обстоятельств, жило со дня на день, по возможности по старому, вело упорную и бесплодную экономическую борьбу с бывшими своими крепостными...» [10, с. 3]. Помещичий традиционализм не мог измениться в короткий период времени, тем более, это еще позволял временнообязанный период для бывших крепостных крестьян. Последние же весьма негативно воспринимали по отношению к себе прежние барские замашки, всем видом показывая свой новый социальный статус. Так,

бывшие крепостные крестьяне сразу же после реформы отмены крепостного права нарочито называли друг друга по имени и отчеству с — вичем (Иванович), что позволительно в прежние времена было только дворянству, а бывших помещиков — именем и полуотчеством без слова «сын», именной формулой, характерной для низших сословий [25, с. 132]. Это было реакцией на попытки барина принизить или вовсе психологически подавить новый социальный статус крестьянина, его стремление продемонстрировать свободу своей личности. И в этом было новое проявление отношения крестьян к помещикам, где на словах и конкретными поступками показывалась правовая равнозначность двух свободных сословий. Но эта равнозначность не могла быть проявлением социального равенства, что крестьяне прекрасно осознавали. Дворянство продолжало оставаться единственным привилегированным сословием, а весь резервный фонд земель оставался у него, арендовать или взять займы чего-либо также можно было у помещика, не говоря о всевозможных работах, подарках, подачках, т. п. В условиях аграрного перенаселения Центральной России, частых неурожаев, отсутствия возможности подработать именно барин, наряду с другими зажиточными элементами деревни, мог стать реальным спасательным кругом.

В тоже время, о существовании у крестьян магии дворянского статуса, благородного происхождения указывает известный этнограф рубежа XIX в. О. П. Семенова-Тян-Шанская: «... психология «Ивана» довольно сложная; с одной стороны, он не уважает барина за то, что он не умеет обращаться с землей и трудится над ней по-мужицки, а с другой, — величие барина. Очевидно существует крестьянское эстетическое представление о барине, как о противоположности роющемуся в навозе купцу или мужику... По мнению крестьянина, в том именно, и заключается смысл быть богатым, — не считать грошей и не марать своего барского достоинства около мелочей хозяйственного обихода, оно, кстати ему, «Ивану», и выгоднее, когда барин такой» [27, с. 15-16]. В крестьянском представлении

предназначені барина состояло в тому, що он, в силу свого благородного походження, не повинен був пачкати руки, якої-будь фізичської роботою, вважати гроші і вникати во всі господарські справи. Останній аспект дуже важлив для розуміння селянських поглядів на поміщика, витаючий в хмарах своїх думок барин був зручний можливістю об'їждження його. І це не вважалося у селян гріхом, так як « Угрызения совести «Іван» по цьому приводу, звичайно, не відчуває... по його розсудженню, багаті милосердієм своїм спасають свою душу...» [27, с. 15-16].

В порівнянні з дореформенним періодом, в пореформенний період, ставлення до мелкопомісним дворянам помітно змінилося. Якщо до 1861 г. селяни продовжували в них бачити дворян, то в пореформенні роки нижчі підгрупи мелкопомісної страти (до 10 дес.) викликали у них неприхований сарказм, відмова визнавати в них «благородних». Але для цього були всі підстави. Пореформенна модернізація поставила значительну частину мелкопомісних дворян на грань нищоти. Сучасник відзначав: «...забідлені дворяни, що живуть в селах життям звичайних селян; іноді вони складають самостійну деревню, як, наприклад, колонія біля Курська, в якій живуть однопімейці Толмачеві, або, як їх називають в окрузі «Толмачішки». Дворяни ці живуть в селянських избах, ходять в лаптях і нерідко нанимаються в батраки до селянам» [3, с. 55]. Селяни, навіть в розмовах з дворянами з верхніх страт, не могли приховати своїх усмішок, згадуючи мелкопомісних дворян [2, с. 339]. Саме про пореформенну деградацію малих поміщиків в селянській середі була створена приказка: «Що це сталося з панями? Буває один пан їде на шести конях, а тепер шість панів їдуть на одному коні» [11, с. 157]. Звичайно в селянській середі, да і не тільки, дворяни асоціювалися вже тільки з їх верхніми стратами.

Пореформенне дворянство, гостро потребує грошей для перебудови своїх господарств або їх підтримки, усвідомлювало

зростаючу силу купецтва і було змушено встановлювати з ним партнерські стосунки. С. Н. Терпигорев (С. Атава) прямо вказував: «Купець починає відчувати свою зрілу господарську владу і силу. Всім нам в цей час дозрівали потрібні гроші, а гроші були у купця. Тепер, коли приїжджає купець, необхідно було йому подавати їжу, суворо-настрого наказав дітям не сміятися, якщо купець почне сморкатися в серветку» [1, с. 22]. В даній зв'язі, підвищення купецького самосвідомості дало підставу для зміцнення критичного ставлення до дворянства. Купецтво розділяло думку, що: «дворянин не купець, погане справа віддати купецький капітал да в дворянські руки» [23, с. 134]. Звичайно серед купецтва вважалося, що одалжувати гроші дворянам або вступати з ними в справу небажательно, оскільки «купец завжди добросовісніше» [24, с. 98]. Треба вкладувати свої засоби, керуючись наступним посиланням: «дивись на людину, вміє чи він справу робити. Коли вміє, так дай йому грошей, скільки захочеш, всі на користь. А ось шахраї-то...болісно нам не по душі» [15, с. 422]. До багатьом дворянам, з точки зору купців, можна було віднести і таку фразу «Того і дивись, попросить гроші позички, відкажеш, наживеш ворога сильного, не відкажеш, людина-то він чесний, взятку не бере, але душа лежить, а потужно, борг заплатити не по чесності, а по обставинах не зможе» [14, с. 9]. Купці розуміли, що настало час, коли мірилом статусності людини в суспільстві ставилася не «порода», хоча і вона грала роль, а розмір капіталу. Відповідно, настало їх час. В той же час, прагнення породнитися або мати партнера з «голубих кровей» мало широке місце. Історики Санкт-Петербурга рубежа XIX–XX вв. підкреслювали ці соціопсихологічні процеси: «Деякі аристократи...родилися з родинами багатих просвіщених купців... Були випадки, коли деякі вступали в комерційні підприємства, акціонерні товариства, куди їх охотно приймали навіть без капіталу, так як в інтересах справи ... вигідно було привабити людей з гучними іменами» [7, с. 72].

Подавляющая часть дворянства, в первую очередь, поместного, рассматривала заметное падение престижа сословного статуса дворянина в пореформенный период, как следствие собственной корпоративной жертвенности в ходе буржуазных реформ 1860—1870-х гг., когда на алтарь межсословной эмансипации были отданы все сословные привилегии Н. П. Семенов в работе «Наше дворянство», отражая мнение большей части дворянства, указывал: «Служа верой и правдой Престолу и Отечеству поместное дворянство при этой реформе (19 февраля 1861 г. — В. Ш.) принесло жертву, за себя и потомство, даровую рабочую силу своих крепостных людей и отдало отошедшие от него в надел крестьянам земли за весьма скромное выкупное вознаграждение. С потерей права владеть исключительно такими именьями, которых отличительным признаком была их населенность, дворяне утратили самое существенное преимущество, связывавшее их в одно цельное, соединенное общими интересами сословие» [21, с. 34-35].

Таким образом, механизм общественного восприятия поместного дворянства на протяжении 50-90-х гг. XIX в. был довольно сложным. С одной стороны, признавался его социально-экономический упадок, в первую очередь низших страт, что вызывало определенный общественный сарказм в адрес «благородных». С другой стороны, традиционализм магического восприятия представителей «голубой крови» оставался среди всех сословных сообществ, признавая за ними первенство «породы», образованности и культуры.

Примечания

1. Берлин П. А. Русская буржуазия в старое и новое время / П. А. Берлин. — М., 1922.
2. Борецкой А. Захудалое дворянство / А. Борецкой // Русская мысль. — 1882. — № 12.
3. Вернер И. А. Землевладение и земледелие в Курской губернии / И. А. Вернер // Русская мысль. — 1887. — № 4.
4. Воспоминания В. С. Мышецкого / В. С. Мышецкий // Исторический вестник. — 1896. — № 11.

5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4-х томах. / В. И. Даль. — М., 1998. — Т. 1. — А-З.
6. Жемчужников Л. М. Мои воспоминания из прошлого. В крепостной деревне. 1852—1857 гг. / Л. М. Жемчужников. — М., 1927.
7. Засосов Д. А., Пыпин В. И. Из жизни Петербурга 1890—1910-х годов. Записки очевидцев / Д. А. Засосов, В. И. Пыпин. — Л., 1991.
8. Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи / Н. А. Иванова, В. П. Желтова. — М., 2009.
9. Игнатович И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения / И. И. Игнатович. — М., 1910.
10. Кволе. Крепостное право в народной поэзии / Сост. Н. Л. Бродский. — М., 1911.
11. Кавелин К. Д. Крестьянский вопрос / К. Д. Кавелин. — СПб., 1882.
12. Мельников Н. А. 19 лет на земской службе (автобиографический очерк и воспоминания) / Н. А. Мельников. — Йошкар-Ола, 2008.
13. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи: в 2-х т. / Б. Н. Миронов. — СПб., 2003. — Т. 1.
14. Наше купечество с серьезной и карикатурной стороны. — М., 1865. — Вып. 1.
15. Островский А. Н. Праздничный сон — до обеда / А. Н. Островский. — М., 1987.
16. Повалишин А. Рязанские помещики и их крепостные. Очерки истории крепостного права в Рязанской губернии / А. Повалишин. — Рязань, 1903.
17. Попов П. А., Фирсов Б. А. Старый Воронеж. Из истории городского быта XVIII — начала XX века / П. А. Попов, Б. А. Фирсов. — Воронеж, 2009.
18. Проскурякова Н. А. Россия в XIX веке: государство, общество, экономика / Н. А. Проскурякова. — М., 2010.
19. Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. (Русско-народная философия) / Сост. отшельник Мери-Хови. — СПб., 1882.
20. Свод законов Российской империи. — СПб., 1899. — Т. 9.
21. Семенов Н. П. Наше дворянство / Н. П. Семенов. — СПб., 1899.
22. Трансформация провинциальной повседневности в условиях модернизационного развития России во второй половине XIX — начале XX вв. / Ред. В. А. Шаповалов, И. Т. Шатохин. — Белгород, 2011.

23. Ушаков А. С. Из купеческого быта. Повести и очерки / А. С. Ушаков. — М., 1862.
24. Шаповалов В. А. Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период. — М.; Белгород, 2002.
25. Шаповалов В. А. Трансформация представлений русского крестьянства о помещичьей добродетели в 50-90-е гг. XIX века / В. А. Шаповалов, С. П. Шаповалова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. — Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. — № 13. (108). — 2011. — Вып. 19.
26. Шатохин И. Т. Кризисные явления в местном управлении Российской империи на рубеже XIX вв. / И. Т. Шатохин // Проблемы Отечественной истории: источники, историография, исследования. — СПб.; Киев; Минск, 2008.
27. Шнейдер В. П. Памяти Ольги Петровны Семеновой / В. П. Шнейдер. — СПб., 1908.

УДК 35. 08 (=161.1) : 325.45 (470+571 : 475. 5) «1867/1915»

**Толкование понятия «русское происхождение»
и его применение в процессе русификации
люблинского губернского управления
(1867–1915)**

Горак А.

Gorak A. The Interpretation of the Concept of «Russian Origin» and Its Application in the Process of Russification Lublin Guberniya's Office (1867–1915). One of the most important and dynamic processes taking place in the Kingdom of Poland after the January Uprising was Russification in general and especially in the administration. Article focuses on one aspect

of the collapse of the idea universal empire and turning it into a nationalist state, namely the use of the concept of «Russian origin» defining administratively, to change national structure one of the provincial administrations.

Keywords: Russian empire, officialdom, Russification, Lublin guberniya's office.

Горак А. Толкование понятия «русское происхождение» и его применение в процессе русификации люблинского губернского управления (1867–1915). Одним из важных и динамических процессов, который происходил в Царстве Польском после Январского восстания (восстания 1863 года), можно назвать русификацию (как в целом, так и администрации в частности). Статья посвящена одному из вопросов, касающихся краха идеи универсалистской империи и превращения России в XIX веке в националистическое государство, а именно использованию понятия «русское происхождение» применительно к изменению национальной структуры администрации одной из провинций Империи.

Ключевые слова: Российская империя, чиновничество, Люблинское Губернское Правление.

Горак А. Тлумачення поняття «російське походження» та його застосування в процесі русифікації люблінського губернського управління (1867–1915). Одним з важливих та динамічних процесів, які відбувалися у Царстві Польському після Січневого повстання (повстання 1863 року), можна назвати русифікацію (як в цілому, так й адміністрації зокрема). Стаття присвячена одному з питань, яке стосується краху ідеї універсалистської імперії та перетворення Росії в XIX ст. у націоналістичну державу, а саме застосуванню поняття «російське походження» до перетворення національної структури адміністрації однієї з провінцій Імперії.

Ключові слова: Російська імперія, чиновництво, Люблінське Губернське Правління

Одним из важных и динамических процессов, который происходил в Царстве Польском после Январского восстания (восстания 1863 года), можно назвать русификацию (как в целом, так и администрации в частности) [см., например: 22; 26; 30; 32, s. 239-264]. В поиске генезиса этого процесса исследователи традиционно обращали внимание на отношение местных чиновников к Январскому восстанию, и в связи с этим потерю доверия к ним со стороны петербургских властей. Еще совсем недавно всякие инициативы Петербурга, направленные против развития бывшей Речи Посполитой (идентичности, религии (по отношению католическому и греко-католическому (униатскому) вероисповеданию, культуре и т.п.), объяснялись как оправданное наказание за «мятежи». Конечно, подобные объяснения не случайно преобладали до недавнего времени, но реальность, как правило, является более сложной и многоплановой. Например, необходимо учитывать и общеимперские тенденции. А среди них – рост значения национальности среди критериев оценки чиновников, конечно за счет таких ценностей как рационализм, лояльность, опыт и воспитание [31, s. 134]. Национальность, понимаемая как сообщество, объединенное происхождением, исповеданием и, что не менее важно, – политическими связями [29, s. 39]. Это является доказательством крушения идеи универсальной империи и превращения ее в националистическое государство, которое идентифицировало как врага все национальные и даже народные культуры [23, s. 134; и др.].

Эта статья будет посвящена одному из аспектов этой политики, а именно использованию понятия «русское происхождение» [1, с. 21-40] в проведении изменений национальной структуры чиновников одного из губернских управлений (Канцелярии Люблинского Губернатора и Люблинского Губернского Правления) [см.: 25 (главы 7-8)]. Исследование опирается на анализ личных дел всех чиновников этих учреждений (710 человек) за полвека их существования.

Преобразования администрации Царства Польского после Январского восстания можно разделить на несколько связанных между собой процессов: 1) введение нового административного законодательства (путем применения общеимперского права или создания новых указов, адаптирующих это право к законодательству Царства Польского, поскольку законодательство Царства значительно отличалось от российского); 2) учреждение временных органов власти с целью ликвидации автономии Царства; 3) сношение органов центрального управления Царства и передачу их полномочий петербургским министерствам или местной администрации; 4) преобразование местной администрации по общеимперскому образцу; 5) отстранение от должности местных чиновников и замещение их лицами, которых присылали из внутренних губерний империи.

Итак, 1 февраля 1867 г. были обнародованы ряд указов [24], на основании которых проводилось преобразование местной администрации Царства, унифицировались ее структуры и пономочия в соответствии с общеимперской моделью [о преобразовании местной администрации и ее отличиях от общеимперской см.: 25; 27, s. 323-388]. В этом же году в одном из учреждений, созданном в соответствии с вышеуказанным вторым пунктом, – в Учредительном Комитете Царства Польского, обсуждалось распоряжение «О расходах по вызову чиновников русского происхождения на гражданскую службу в Царстве». Распоряжение содержалось в письме бывшего министра-госсекретаря Царства от 2/14 марта 1866 г. (госсекретарь Царства Польского был одновременно одним из министров). На его основании было решено приступить к приглашению и подготовке российских чиновников к должностям в гражданском управлении Царства (в губернских и уездных управлениях). Акция касалась не только должностей начальников (губернатора, вице-губернатора и начальника уезда), но и второстепенных, чиновничьих и канцелярских (делопроизводителей, чиновников по особенным поручениям, помощников начальников уездов и др.).

Летом 1867 г. проблема преимуществ чиновников русского происхождения была решена на законодательном уровне. Закон был подписан 21 авг./3 сент. 1867 г., проект разработан в Собственной ЕИВ Канцелярии по делам Царства Польского по докладу Комитета по делам Царства Польского [15]. Обязанность хотя бы двухгодичной службы стала предметом разъяснений, данных люблинскому губернатору в 1870 г. [см.: 3, к. 46]. Особое внимание обращают денежные прибавки к жалованию. Подобные прибавки бывали и прежде, но никогда ранее преимущества не были поставлены в зависимость от национальности. С точки зрения эффективности администрирования это превращало их в орудие нерациональное. При этом закон не определил понятие «русское происхождение». Единственным точно определенным условием было прибытие этих особ на службу в Царство из Империи после 1 января 1864 г. [15 (ст. 22)]. Нужно сказать, что в законах Царства различалось местопребывание, законное местожительство и избранное местожительство. Переведение на службу в Царство не равнялось автоматической натурализации [18, с. 7-9]. Новые правила были до такой степени неясны, что постоянно требовались разъяснения. При этом был определен круг лиц, которым было отказано в получении этих прав: 1) прибывшим на службу в Царство до 1 января 1864 г. (даже если потом они оставляли и были снова приняты на службу); 2) чиновникам, которые перешли из католического исповедания в лютеранское [4, к. 79]. В 1870 году названные преимущества были предоставлены женщинам [16], в 1871 г. «галичанам» — униатам из Австро-Венгерской Галиции при принятии российского подданства [34, с. 243].

В это же время получило резонанс дело чиновников «русского происхождения» из восточных территорий бывшей Речи Посполитой («Отобранные Земли», в имперской терминологии — Западный и Юго-Западный край. Не следует смешивать с Царством Польским, которое было частью Варшавского Герцогства, созданного после «прусского» и «австрийского» разделов). Определено, что чиновники, которые прибыли

на службу в Царство из девяти западных губерний Империи (Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской, Волынской, Подольской и Киевской) и не служили прежде в Империи, должны принадлежать к Пенсионному Капиталу Царства на общих правилах (это было для них менее выгодным). Это положение носило характер подчеркнутой дискредитации, поскольку могло быть применено к людям, «служащим беспорочно и отличающихся особенным талантом и усердием», и также потому, что одновременно им могло воспользоваться не более одной трети чиновников ведомства [4, к. 94]. Оговорка была основана на мнениях Комитета по делам Царства Польского от 5 июня 1868 г. и 6 августа 1871 г., в которых отмечалось, что к преимуществам, дарованным чиновникам «русского происхождения», служащим в Царстве, можно допускать уроженцев Западного Края католического исповедания, которые при переходе в Царство приняли православие [5, к. 54], Генерал губернатор варшавский к люблинскому губернатору, [9 авг. 1874 г.]. Все эти ограничения привели к тому, что в люблинской губернии в 1876 г. в преимущества получили шесть человек [6, к. 20], а в 1880 г. — четверо (одним из них был губернатор В. Ф. Тхоржевский, но он получил эти преимущества за службу в Крестьянской Комиссии) [7, к. 17].

В 1886 г. по инициативе министерства финансов произошли значительные изменения. Общее собрание Государственного Совета рассмотрело представление этого министерства «Об особых преимуществах гражданской службы в некоторых местностях империи» и высказало мнение, которое было утверждено 13/25 июня 1886 г., а обнародовано 1/13 июля 1886 г. Историки интерпретируют этот шаг как ограничение привилегий «русских чиновников» [23, с. 103]. Законодатель уже во введении определил, что право на прибавки к содержанию имеют все чиновники «русского происхождения», которые начали выслугу следующего пятилетнего срока со дня обнародования закона [20, с. 39]. Это был ясный сигнал, что преимущества были ориентированы на чиновников новопределенных на службу

в Царстве, а не на улучшение положения привислинских «старожилов». Новое положение касалось трех видов территорий: 1) отдаленных мест, служба в которых была связана с тяжелыми условиями; 2) западных губерний; 3) губерний Царства Польского. В двух последних случаях решались чисто политические задачи. Лицам «русского происхождения», принимаемым на службу в администрации Царства, принадлежали преимущества, названные в статьях 44-57, но при сохранении условий, определенных в статье 2 – «если они будут вызваны или переведены [...] на службу из губерний или областей, не смежных с ними и, притом таких, которые не признаются отдаленными» [19]. Таким образом, решающим критерием было место службы или проживания в момент призыва на службу. Пресловутая статья 47 обещала лицам «русского происхождения» за усердную службу в Царстве 15% прибавку к жалованию за первое и второе пятилетие. Третья прибавка ликвидировалась. Но самая большая проблема толкования положения возникла в связи с ключевым понятием «русское происхождение». Само слово «русское» совсем не отвечало нуждам власти, поскольку со времени Петра I опорой государства были сановники и военные нерусского происхождения. Главным образом речь шла о остзейских немцах, финских шведах и других чиновниках западноевропейского происхождения. Прецедент создал министр народного просвещения, который признал преимущества некоего Шмидта – учителя V класса гимназии в Варшаве (протестантского исповедания). Интересно обоснование этого решения, в котором подчеркнуто, что еще до издания положения 1886 г. было неоднократно признано, что преимуществами в равной степени пользуются чиновники, приходящие на службу в прислиных губерниях без различия принадлежности к православному или протестантскому исповеданию. Тоже самое касалось и права приобретения забранных имений у помещиков западного края, на основании закона от 10 декабря 1865 г. Проблема не была новой.

Государственный Совет сделал попытку «обнять» путем законодательного постановления все разряды лиц, которых Правительство считает особо способными к ведению русского дела на западной окраине», но безуспешно. В конце концов было признано, что «развитие и разъяснение соединенного с выражением «лица русского происхождения» понятия должно происходить в порядке административном». То есть, решение должно было приниматься в каждом случае отдельно, что открывало широкие возможности для манипуляций. Самое главное, что Совет не нашел законов, запрещающих Шмидту пользоваться привилегиями чиновника русского происхождения, и заявил, что на преимущества имеют право и протестанты «если они, как в настоящем случае, удовлетворяют прочим необходимым для сего условиям» [8].

Российский исследователь Л. Е. Горизонтов пишет, что и С. Ю. Витте противился тотальному непризнанию благонадежности протестантов, а варшавский генерал-губернатор А. К. Имеретинский предлагал разрешить проблему «происхождения» путем консультации генерал-губернатора с министром внутренних дел. По мнению Д. С. Сипягина доверия заслуживали только те лица, которые с рождения были подданными царя, православные и неженатые на католичках. Горизонтов отмечает, что в административной практике XIX в. тоже применяли это правило [2, с. 182]. Сильное влияние на это мнение имели изменения в международной политике Империи, прежде всего рост антигерманских настроений перед войной.

Уже спустя четыре года после издания этого положения петербургские власти лишили прав на преимущества, связанные с «русским происхождением», чиновников с Западного края. Жертвой новых правил стал чиновник Люблинского Губернского Управления Яворский [10], а ранее Домонтович. Жалоба Домонтовича на отказ МВД в выплате ему прогонов, привела к изданию указа Сената от 22 мая 1890 г. [33]. Принятие этого указа лишило права на эти преимущества всех поступающих или переходящих на службу в Царство из Западного края.

Сенат признал весь Западный край смежным с Царством Польским. Это касалось даже таких губерний как Витебская [14] или Могилевская, которые не принадлежали ни к Киевскому, ни к Виленскому генерал-губернаторству, но с этого времени (после более ста лет существования российской власти) их население признано политически подозрительным и не совсем благонадежным.

На вопрос «смежности» Западного края еще раз было обращено внимание по инициативе министра юстиции Н. В. Муравьева, который в январе 1895 г., в представлении, направленном к обер-прокурору, обжаловал указ от 1890 г. [17]. После долгих обсуждений 15 декабря 1898 г. Государственный Совет принял толкование министра, что необходимо признавать только смежность губерний, а не целых регионов. 22 января 1899 г. Сенат издал соответствующий закон, но количество чиновников Люблинского Губернагого Управления, получающих добавки, значительно не увеличилось [9], при постоянном возрастании процента чиновников православного исповедания.

Имперские чиновники и их родственники, если не семейно, то экономически и общественно ассимилировались в Царстве Польском, в конце века чаще называемым Привислинским краем. Они получали имения, отобранные у местных жителей, или покупали их на льготных условиях, записывали в дворянские родословные книги и были принимаемы в городские общества [11]. Возрастало количество «россиян», определяемых названием «уроженец Царства Польского», что удовлетворяло власть в решении долгосрочных целей русификации администрации. Однако уроженцы Царства Польского «русского происхождения» были в худшем положении, чем те особы, которые вновь прибыли (например, Н. И. Егоров, сын смоленского крестьянина был записан в мещанское общество города Люблина [12]. Вскоре обнаружилось, что речь идет о призвании в Царство возможно большого количества благонадежных лиц, а не о поддержке местного русского общества.

В бытность варшавского генерал-губернатора И. В. Гурко, которого считают самым жестоким обрусителем, было решено улучшить положение местных «россиян», так называемых «уроженцев». Он добился того, что Государственный Совет изменил права, принятые в 1886 г. Теперь единственным условием для получения привилегии был переход на службу в Царство из провинции, которая находилась достаточно далеко от него [17]. В итоге много местных православных уезжали в отдаленные губернии, чтобы там начать службу, а затем перевестись в Царство, к своим близким [23, s. 105]. Такая практика подвергалась критике в прессе, отмечалось, что это вознаграждает нечестные способы обхождения истины закона [22, s. 69]. В то же время лица, которые не прибегали к таким махинациям и прямо заявляли о желании получить привилегии, получали отказ (как, например сын земского стражника Логинов В 1915 г. Сенат отказал ему в признании пособия на воспитание детей под предлогом рождения в Царстве а не в Империи [13]).

Финансовая мотивировка (в 1910 были созданы даже «добавки к добавкам» — дополнительные прибавки к жалованью [23, s. 105]) службы в Царстве вызвала приток лиц православного исповедания. Казалось бы, власть добилась цели. Однако приверженность этих людей к идее самодержавия или исключительно к российской национальной культуре была очень сомнительной, а их профессиональные качества тем более. Не случайно в 1897 г. варшавский генерал-губернатор А. К. Имеретинский выразил мнение, что в Царство приезжали такие русские, для которых, в связи с их низким уровнем воспитания и нравственных ценностей, не было места во внутренних частях Империи [2, с. 180] (при этом они получали гораздо большее жалованье, чем их коллеги в России) [23, s. 103; 28, s. 37].

В итоге следует обратить внимание на то, что эффективное управление многонациональным государством (империей), требовало акцента на терпимости, больше усилий, направленных на просветительскую и экономическую политику, нежели на

силовую (которая вела к расходованию ресурсов государства на борьбу с собственным населением вместо сосредоточения на всестороннем развитии страны, а особенно экономическом и культурном). Рост значения национализма является в XIX веке фактом объективным, но до сих пор он приписывался только народам, которые боролись за свою независимость. В данном случае речь идет о национализме государственном, который не был лишь ответом на тот первый, а развивался самостоятельно, хотя, безусловно, эти два проявления национализма влияли друг на друга и взаимно провоцировались.

Примечания

1. Горак А. Привилегии чиновников русского происхождения в администрации Царства Польского после восстания 1863 г. / А. Горак // Поляки в России: эпохи и судьбы, IV Международная научная конференция, Краснодар, 8 ноября 2009 г. — Краснодар, 2010.
2. Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики. Поляки в России и русские в Польше: (XIX – начало XX в.) / Л. Е. Горизонтов. — М., 1999.
3. Государственный Архив в Люблине, Люблинское Губернское Правление [далее: ГАЛ ЛГП]. — № А I 1870:3.
4. ГАЛ ЛГП. — № А I 1873:25.
5. ГАЛ ЛГП. — № А I 1874:30.
6. ГАЛ ЛГП. — № А I 1876:22.
7. ГАЛ ЛГП. — № А I 1880:1.
8. ГАЛ ЛГП. — № А I 1898:7 (копия с извлечения с протокола заседания Комитета Министров от 7 и 21 окт. 1897 г.).
9. ГАЛ ЛГП. — № А I 1912:68.
10. ГАЛ ЛГП. — № os. 608.
11. ГАЛ ЛГП. — № os. 615.
12. ГАЛ ЛГП. — № os. 653.
13. ГАЛ ЛГП. — № os. 1048 (приговор Сената от 13 мая 1915 г.).
14. ГАЛ ЛГП. — № os. 1225.
15. Полное Собрание Законов Российской Империи (далее: ПСЗ РИ). — Собр. II. — Т. 42. — № 44887, Правила о преимуществах чиновников русского происхождения служащих в губерниях Царства Польского, утв. 30 июля / 11 авг. 1867 г., ст. 1.

16. ПСЗ РИ. — Собр. II. — Т. 45. — № 48284, постановление Комитета по делам Царства Польского утв. 24 апр. 1870 г.
17. ПСЗ РИ. — Собр. III. — Т. 19. — № 16217а, утв. 15 дек. 1898 г. — Ч. 1.: Мнение соединенных департаментов Государственного Совета по делу преимуществ службы в губерниях Царства Польского чиновников, призванных либо определенных в эти губернии из губерний западных.
18. Рейнке Н. Каким гражданским законам подведомы русские уроженцы, пребывающие в Царстве Польском? / Н. Рейнке. — Варшава, 1892.
19. Свод Законов Российской Империи. — СПб. — Т. 3. — 1899.
20. Свод Узаконений и Распоряжений Правительства. — 1886. — № 76, п. 730 (Положение об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях и губерниях Царства Польского от 13/25 июня 1886 г.).
21. Свод уставов о службе гражданской. — Wrocław, 1999. — Кн. 3: «Положение об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях Западных и Царства Польского». — ст. 43.
22. Chimiak Ł., Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim 1863–1915. Szkic do portretu zbiorowego / Ł. Chimiak. — Wrocław, 1999.
23. Chwalba A. Polacy w Służbie Moskali / A. Chwalba — Warszawa; Kraków, 1999.
24. Dziennik Praw Królestwa Polskiego, Т. 66, Выс. утв. положение о губернском и уездном управлениях, от 19/31 дек. 1866 г.; Выс. утв. росписание деления губерний на уезды, от 19/31 дек. 1866 г.; Выс. утв. положение о земской страже, от 19/31 дек. 1866 г.; Выс. утв. положение об управлении делами страхования, от 19/31 дек. 1866 г.; Выс. указ и временное положение о казначействах Мин. Фин. в губерниях Царства Польского, от 19/31 дек. 1866 г.
25. Górak A. Kancelaria Gubernatora i Rząd Gubernialny Lubelski (1867–1918). Studium administracyjne i prozopograficzne / A. Górak. — Lublin, 2006.
26. Górak A. Kryterium narodowościowe polityki kadrowej władz Zarządu Gubernialnego Lubelskiego (1867–1918) / A. Górak // Studia Archiwalne. — Т. 1 (2004).
27. Górak A. Organizacja i kancelaria zarządów powiatowych w Królestwie Polskim (1867–1918) / A. Górak // Urzędy władzy, organy samorządowe i kościelne oraz ich kancelarie na polsko-ruskim pograniczu etnicznym i kulturowym do roku 1914. — Lublin, 2010.

28. Jaśkiewicz L. Carat i kwestia polska na początku XX wieku / L. Jaśkiewicz // Przegląd Historyczny. — 1995. — T. 86.
29. Karaś J. Naród i państwo w myśli politycznej ZLN / J. Karaś. — Kraków, 1995.
30. Korobowicz A. Sądownictwo Królestwa Polskiego 1876—1915 / A. Korobowicz. — Lublin, 1995.
31. Rodkiewicz W. Russian nationality policy in the Western Provinces of the Empire (1863—1905) / W. Rodkiewicz. — Lublin, 1998.
32. Smyk G. Rusyfikacja obsady personalnej organów zarządu gubernialnego Królestwa Polskiego w latach 1867—1915 / G. Smyk // Czasopismo Prawno-Historyczne. — T. 51 (1999).
33. Свод Узаконений и Распоряжений Правительства. — 1890. — № 107 (п. 1052).
34. Zbiór Praw. — T. 1. O zastosowaniu przepisów najwyżej zatwierdzonych dnia 30 VII 1867 r. do Galicyan greko-unickiego wyznania, от 3 июля 1871 г.

УДК 94:338(470)

**Социально-экономическая деятельность земств
как фактор формирования гражданского общества
в Российской империи
конца XIX — нач. XX вв.**

Бакуменко Е. А.

Bakumenko E. A. Socio-economic Activity of the Zemstvo's Selfgovernment as the Factor of Foundation of the Civil Society in the Russian Empire at the End of XIX — Beginning of XX centuries. The article deals with the problem of social and economic activity of the zemstvo's self-government, as structure elements of the system of Civil Society. The essence and meaning

of the main ways of the zemstvo's activity in the processes of foundation of the Civil Society in the Russian Empire at the end of XIX — beginning of XX centuries were analyzed. The conclusion about the influences of zemstvo's self-government on the development of public activity was made.

Keywords: zemstvo, zemstvo's self-government, civil society, socio- economic activity, public activity.

Бакуменко О. О. Соціально-економічна діяльність земств як фактор формування громадянського суспільства в Російській імперії кінця XIX — поч. XX ст. Стаття присвячена аналізу загального значення соціально-економічної діяльності земств для формування елементів громадянського суспільства і громадянської самоідентифікації населення Російської імперії кінця XIX — початку XX ст. Зроблено висновки щодо впливу основних напрямків соціально-економічної діяльності на утвердження принципів громадянського суспільства в російському соціумі того часу.

Ключові слова: Земство, земське самоврядування, громадянське суспільство, соціально-економічна діяльність.

Бакуменко Е. А. Социально-экономическая деятельность земств как фактор формирования гражданского общества в Российской империи конца XIX — нач. XX вв. Статья посвящена анализу общего значения социально-экономической деятельности земств для формирования элементов гражданского общества и гражданской самоидентификации населения Российской империи конца XIX — начала XX вв. Сделаны выводы о влиянии основных направлений социально-экономической деятельности земств на утверждение принципов гражданского общества в российском социуме того времени.

Ключевые слова: Земство, земское самоуправление, гражданское общество, социально-экономическая деятельность.

Истории создания и функционирования земских учреждений Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. посвящено огромное количество научных, научно-популярных и публицистических работ, что говорит о значительном следе, оставленном ими в отечественной истории. В последнее время, все больше внимания уделяется малоизученным или спорным вопросам земской истории. К таким относится и проблема вклада земств в процессы зарождения и формирования гражданского общества в Российском государстве той эпохи.

Специальных исследований, посвященных данной проблеме, на данный момент крайне мало. В основном оценка данного вопроса происходит в рамках общих работ по истории социально-экономической деятельности земств или проблем гражданского общества в целом. Следует отметить материалы сборника «Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX в.», авторы которого сделали попытку всесторонне рассмотреть различные аспекты развития и функционирования гражданского общества в России рубежа XIX – XX вв., в том числе и роль земств в этих процессах [8]. Среди общих исторических работ выделяется двухтомное исследование Б. Н. Миронова, посвященное социальной истории России и затрагивавшее генезис гражданского общества в этой стране [11]. Тем не менее, ни в одной из этих работ не сделано попытки выделить конкретный вклад основных направлений земской социально-экономической деятельности в утверждение принципов гражданского общества в российском социуме.

Целью данной статьи является анализ основных направлений социально-экономической деятельности земств (а именно медицины, народного образования, статистических исследований и экономической помощи населению) с точки зрения их вклада в формирование институтов, элементов и принципов гражданского общества в российском государстве конца XIX – XX вв.

Прежде чем перейти собственно к рассмотрению нашей темы, считаем необходимым определить, что именно мы понимаем под категорией «гражданское общество», поскольку определение

его весьма вариативно. На наш взгляд, если исходить не из идеальных представлений о гражданском обществе, а из исторических особенностей развития России и Украины в том числе, при определении категории «гражданское общество» необходимо сосредоточить внимание на таких его аспектах как общественность, коммуникативность, самоуправление, благотворительность, дух солидарности и гражданская ответственность. Иными словами, гражданское общество это система взаимодействия структур и институтов, являющихся результатом самостоятельности индивидов, с помощью которой они ведут дела между собой и с государством, особая сфера гуманизации социальных отношений, способная создать условия для свободного развития индивида. Особенностью русской действительности было то, что институты самоуправления были созданы «сверху», т.е. по инициативе власти, а не социума, однако это не помешало данным учреждениям перешагнуть далеко за рамки отведенные им властью. Основными сферами земской деятельности, где удалось достичь наибольшего общественного резонанса, стали народное образование, медицинское обслуживание, статистические исследования и экономическая помощь населению. Рассмотрим в общих чертах каждую из этих отраслей.

Народное образование стало одним из основных и наиболее известных направлений земской деятельности. До введения земств начальное народное образование было в плачевном положении. В дореформенный период школ в деревнях, как таковых, практически не существовало. Между тем, образование играет огромную роль в формировании гражданской идентичности человека, делает доступным для него средства массовой информации, позволяет рационально формировать собственное мнение. Человек становится гражданином тогда, когда начинает осознавать свои гражданские права и обязанности. Либеральная часть земцев это прекрасно осознавала. В преамбуле к проекту Устава общеобразовательных учебных заведений отмечалось: «Чтобы пользоваться правами человеческими, необходимо

развить в массах сознание этих прав, возбудить любовь к труду разумному и поселить в каждом уважение к самому себе и к человеку вообще» [6, с. 69]. Мы ни в коей мере не собираемся чрезмерно идеализировать земство. Как писал Б. Б. Веселовский: «первые земские деятели приступили к работе не какими-то сказочными героями, а теми же помещиками еще не забывшими традиции крепостного права» [4, т. 1, с. 460]. Изначально в земских кругах существовало мнение, что школа не чисто земское дело, и максимум того, что можно делать для школ – это оказывать им посильную материальную помощь, при этом всячески пытаясь сэкономить. Такое отношение к народному образованию соответствовало общему духу правительства, которое стремилось ограничить общественную деятельность и сферу компетенции земств [14, с. 2]. Но со временем ситуация меняется. Становление индустриального общества в России определяло необходимость в грамотных людях способных стать основой для формирования профессиональных слоев квалифицированных рабочих, солдат и крестьян. Необходимость преодоления экономической отсталости влекла за собой и изжитие «социокультурного дефицита». Вот почему расширение народного образования превращалось в одну из острых и неотложных проблем, решением которой занималось в том числе и земство. Не вдаваясь в историю земского народного образования (которой посвящена масса работ), отметим, что земства использовали самые разнообразные формы образовательной работы. Это начальные школы, народные библиотеки, библиотеки-читальни, народные чтения с диапозитивами, кинематографические сеансы, музеи, воскресные и вечерние курсы для взрослых, народные дома, передвижные выставки и проч. Эти формы работы были нацелены на просвещение не только представителей младшего поколения российской деревни, но и старшего. К основополагающим принципам земской образовательной программы можно отнести самодеятельность населения, общедоступность и бесплатность всех

образовательных мероприятий, их систематичность и планомерность. Впервые в России земства создали начальные сельские школы, деятельность которых обеспечивалась представителями «третьего элемента» учителями и учительницами, среди которых была не одна сотня настоящих подвижников. Огромное количество курсов, съездов учителей, организуемых земством, зачастую вопреки желанию властей, привело к тому, что происходило уменьшение числа педагогов с домашним, начальным и неполным средним образованием, одновременно возрастало число учителей с дипломами об окончании педагогических учебных заведений. Эти специалисты владели новейшими дидактическими разработками в области начального образования. Все это наносило удар по государственно-церковной монополии в сфере образования, давало возможность интеллигенции познакомиться с реальной жизнью народа и попытаться влиять на его мироощущение. Это позволило, хоть и далеко не полностью приблизиться к воспитанию человека сознательного – гражданина, освобождению вчерашнего крепостного от предрассудков, несамостоятельности, косности. Безусловно, эта работа происходила далеко не всегда гладко, внутри самого земства, зачастую, не было единогласия в вопросе о финансировании просветительных мероприятий, школы как открывались так и закрывались, классовые предрассудки гласных мешали принимать справедливые решения, но с каждым годом число грамотного (а значит более сознательного) населения империи возрастало. К 1913 г. в 34 земских губерниях действовало свыше 40 тыс. земских школ [9, с. 52-54]. Земства сделали немало в борьбе за подготовку всеобщего начального обучения, что предусматривало такие принципы свойственные гражданскому обществу как гендерное равенство, равенство социальных возможностей, инициативность и т.д.

Деятельность земств в области обеспечения народного здравоохранения тоже во многом носила просветительский

характер. Демографические ресурсы любого государства — одна из основных его ценностей. Физически здоровое население, позитивный уровень прироста населения одна из задач деятельности любого стабильного общества. Земства при своем возникновении столкнулись с проблемой антисанитарии, высокой детской смертности, эпидемий заразных заболеваний. Отношение населения к собственному здоровью по принципу «Бог дал — Бог взял», во многом было следствием общего бескультурья. Медицинское обслуживание простого населения в дореформенный период было в зачаточном состоянии. По сути земства первыми поставили это дело на систематическую основу. Главной целью земской медицины было служение общественному делу, народу, прежде всего крестьянству. «Под служением ему, — вспоминал земский врач А. М. Белый, — мы понимаем облегчение всяческих нужд.... Поэтому мы считали, что все заботы интеллигенции должны быть направлены на просвещение народа, поднятие его личности, облегчение его материальных нужд, лечение физических недугов и пр.» [2, с. 96]. Если вначале масштабы работы на медицинском поприще были более чем скромны, то уже в 1879 г. на земской службе состоял 631 врач. В волостях и селах земства начали создавать небольшие больницы. Создание земствами сети больниц, фельдшерских пунктов, распространение просветительских брошюр, информации о заболеваниях, проведение вакцинаций — не только приучало население к заботе о своем здоровье, но и повышало образовательный уровень населения, формировало новый стереотип восприятия действительности, в котором человеческая жизнь — есть ценность. Особенно ярко выразилось это на рубеже 1890-х—1900-х гг. Земские врачи выступают как корпоративная профессиональная группа, которая может даже противостоять власти. 10 июля 1893 г. появился лечебный Устав, с помощью которого правительство хотело подчинить земских врачей администрации. Однако земства встретили устав решительным противодействием и путем открытых протестов и обструкции практически сорвали его [1, с. 44]. К 1910 г. в

земских больницах работало 3802 врача, работающих в 2 тыс. больницах, рассчитанных на 42,5 тыс. больничных коек [5, с. 20]. Результаты, достигнутые земской медициной за короткий 30-летний промежуток времени характеризовались следующими цифрами. По отчету медицинского общества за 1890 г. врачебной помощью в 50 губерниях Европейской России воспользовалось в течение года в больницах и вне больниц 21133947 человек. Из этого числа на долю 34 земских губерний приходится 18208524 больных. В неземских губерниях врачи сосредотачивались прежде всего в городах, и деятельность их строилась, главным образом, по типу личных услуг, тогда как в земских губерниях врачи действовали преимущественно в деревнях, выполняя обязанности общественной службы [3, с. 482]. Земские врачи проявляли в своей работе исключительное мужество и самопожертвование. В начале 1890-х гг. во время эпидемий холеры и тифа погибло, заразившись от больных, значительное количество земских врачей [13, с. 121].

Следует обратить особое внимание на профессиональные съезды земских врачей. Группообразование и отстаивание групповых интересов есть неотъемлемая составляющая гражданского общества. Вопросы о развитии фельдшерской системы, об оспопрививании и борьбе с эпидемиями и т.д. обсуждались на этих съездах всесторонне и с учетом местных особенностей каждой губернии. Пусть, как отмечал Б. Б. Веселовский, влияния на ход земской медицины эти съезды добились не сразу и не везде, смычка между административным и наемным элементом происходила сложно, тем не менее, с 1872 г. эти съезды входят в обиход земской жизни. А это значит, что вслух обсуждаются животрепещущие проблемы жизни населения, публикуются статистические сведения, развивается гласность. По данным Б. Б. Веселовского за период с 1872 по 1905 г. произошло 298 съездов [4, т. 1, с. 301]. Врачебным съездам в это же время удается провести мысль об организации планомерной системы санитарной медицины. Борьба с эпидемиями была провозглашена одним из основных направлений деятельности. Эти меры

приучали население к мысли о том, что человек — это индивид, забота о здоровье которого есть не роскошь, а закономерность.

Хотелось бы также отметить, что земская медицина наравне с земским народным образованием стало той сферой, где активное участие в общественной работе приняли женщины-специалисты. Женщины приглашались в качестве врачей в земские больницы, но преимущественно на должности заведующих женскими отделениями или на акушерские должности. К 1890 г. на должности земского врача работало 93 женщины, из общего числа врачей, которое составляло 1813 чел. Так трудно и противоречиво прививался в профессиональной среде принцип гендерного равенства.

На рубеже XIX—XX вв. в земских сметах на первом месте стояли расходы на медицину и общественное призрение — 28,5 %, на втором на образование — 15,2% [4, т. 2, с. 28]. Все большее их выдвижение на первое место, бесспорно свидетельствовало об утверждении принципа гражданского интереса в деятельности земств, заботы о широких народных массах, их просвещении, развитии гражданского самосознания.

Еще более важным в гражданском плане, стала деятельность земств в области статистических исследований. Приступив к работе, земства столкнулись с тем, что невозможно проводить сколько нибудь серьезные мероприятия (прежде всего налогообложение), не имея информации о положении дел на местах. Так появляется земская статистика. Уже за два первых десятилетия статистиками было описано 3,5 млн. крестьянских дворов и 38 млн. десятин земли [10]. Со временем сама власть осознала необходимость статистических исследований, проводимых земствами, и, попытавшись поставить их под контроль после реформы 1890 г., одновременно стала выдавать субсидии на проведение исследований. К концу 1890-х гг. количество статистиков в земстве исчислялось сотнями человек, а вместе с вспомогательным персоналом — более тысячи [12, с. 169]. Сведения, собранные статистиками были

использованы не только для определения земского налога, но и имели огромное социально-политическое значение. Их данные помогали вскрыть причины и последствия крестьянского малоземелья, голода, низкого уровня просвещения. По сути эта информация вскрывала социально-хозяйственную изнанку империи, показывая ее зачастую в неприглядном виде. Естественно, что материалы земской статистики активно использовали в своих целях оппозиционные правительству силы, что в свою очередь зачастую влекло нападки на земство со стороны власти и обвинения в крамоле. Обязательное требование земской статистики получать необходимые сведения из первых рук, непосредственно от крестьян, в местах их жительства открывало для радикально настроенной интеллигенции большие возможности для проведения антиправительственной пропаганды. Опираясь на сведения, полученные в ходе статистических исследований, земства возбуждали разнообразные ходатайства к власти — тем самым выполняя одну из основных функций гражданского общества — создание информационного пространства, защиту групповых интересов, упорядочение требований и стремлений индивидов. Статистика становилась знанием об обществе и общественном мнении.

В 1908—1914 гг. довольно быстро стал развиваться новый вид деятельности земских учреждений — экономическая помощь сельскому населению. В этой сфере земства предпринимали самые разнообразные меры это и агрономическая помощь, и распространение сортовых посевных материалов, породистого скота, борьба с вредителями сельского хозяйства, с неурожаями и т.д. Подобной деятельностью земства занимались почти с начала своего существования, но окончательно данное направление оформилось к началу XX в. В немалой степени поспособствовала этому политика П. А. Столыпина. Его реформы предусматривали государственную, финансовую и материально-техническую помощь земским программам, усиливая при этом административное влияние на земство особенно в условиях предстоящей аграрной реформы. Ускоренный процесс

обуржуазивания помещиков и возрастания слоя зажиточных крестьянских хозяйств, увеличил спрос на агрономов, сложную сельскохозяйственную технику, удобрения и т.д. П. А. Столыпин лично выступил с обращением к земствам, подчеркивая что особо важной является агрономическая помощь крестьянам вышедшим из общины. Большинство земств высказались за помощь правительству и лишь 5 уездных земств были против [7].

Земства приняли активное участие в переселенческой деятельности в рамках столыпинской аграрной реформы. Ими была создана целая сеть агентуры по сопровождению, благоустройству переселенцев, изучению областей для переселения с целью чего была создана Южно-русская областная земская переселенческая организация, издающая постоянный орган прессы «Известия Южно-Русской областной земской переселенческой организации». Участие земств в проведении аграрной реформы способствовало ускорению выделения крестьянина из общины, формирования самостоятельного хозяина, личности, гражданина. Однако земства активно воспротивились тому, чтобы ограничить свою помощь крестьянству лишь районами столыпинского землеустройства, требуя предоставления помощи и общинному крестьянству, а не только хуторским отрубным хозяйствам.

Земства во многом инициировали кооперативное движение на селе. Кооперативы — сами по себе институты гражданского общества — поскольку являются способом самовыражения индивидов, их самоорганизации и самостоятельной реализации ими собственных неполитических интересов. Развитие капитализма расширяло емкость внутреннего рынка, что вело к оживлению товарооборота между городом и деревней и создавало благоприятные условия для возникновения и деятельности крестьянской кооперации [15]. В начале XX века оживляется интерес земств в кредитно-денежной форме кооперации. По закону 1 июня 1895 г. земства имели право участвовать в организации мелких кредитных товариществ, но до начала XX в. активность в этой области была невелика. Но уже к 1913 г. насчитывалось

148 земских касс мелкого кредита с общим балансом 44,9 млн. руб. а в 1915 — 239 с балансом в 100,8 млн. руб. [5, с. 23]. Создание кооперативов в российском селе было фактором формирования гражданских инициатив, побуждало к развитию самостоятельности индивидов, социальной интеграции.

В Российской империи где политическая ситуация всегда характеризовалась высокой степенью централизации власти, как и в других странах с доминирующим бюрократическим компонентом местное самоуправление стало ведущим фактором формирования гражданского общества и гражданской идентичности. По сути, местное самоуправление стало особой сферой социума, где люди могли осуществлять свои гражданские права в не правовом государстве через самостоятельные ассоциации. Шел процесс формирования гражданской идентичности групп граждан объединенных общей позитивной деятельностью. Принципы всеобщности, самостоятельности, группообразования, толерантности во многом реализовались именно на уровне земского самоуправления, которое решало значительную часть общественно-важных проблем, связанных с обеспечением соответствующего уровня жизни граждан, социокультурного развития регионов. Начинает формироваться механизм передачи общественного мнения властным структурам. Но данный процесс так и не был завершен.

Примечания

1. Белокопский И. П. Земское движение / И. П. Белокопский. — СПб., 1914.
2. Белый А. М. Из недавней старины. Воспоминания земского врача 70-х гг. / А. М. Белый. — Новгород, 1907.
3. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — СПб., 1894. — Т. 12.
4. Веселовский Б. Б. История земств за 40 лет: В 4-х т. / Б. Б. Веселовский. — СПб., 1911.
5. Веселовский Б. Б. Земство и земская реформа / Б. Б. Веселовский. — Пг., 1918.
6. Вопросы народного образования в Московской губернии / Сост. Б. В. Петров. — М., 1897. — Вып. 1.

7. *Голос Москвы*. — 1910. — 7 ноября.
8. *Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX — начало XX в.* / Б. Пиетров-Эннкер. — М., 2007.
9. *Звягинцев Е. А.* Полвека земской деятельности по народному образованию / Е. А. Звягинцев. — М., 1915.
10. *Львов Г. Е., Полнер Т. И.* Наше земство и 50 лет его работы / Г. Е. Львов, Т. И. Полнер. — М., 1916.
11. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начала XX в.) : Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2-х т. / Б. Н. Миронов. — СПб., 1999.
12. *Пешехонов А. В.* Кризис в земской статистике / А. В. Пешехонов // *Русское богатство*. — 1901. — № 12.
13. *Пирумова Н. М.* Земское либеральное движение: социальные корни и эволюция до начала XX в. / Н. М. Пирумова. — М., 1977.
14. *Положение об уездных и губернских земских учреждениях* // Полное собрание законов Российской империи. — 2-е собр. — Т. 39. — Отд. 1. — Ст. 40457.
15. *Хижняков В. В.* Земство и кооперация / В. В. Хижняков. — М., 1918.

УДК 355.48(470+571:44)«1812»:355.415.8(=162.1:477.54/.62)
«1812/1814»

Пленные поляки в Слободско-Украинской губернии в 1812–1814 гг.

Ёлкин А. И.

Yolkin A. I. Polish Prisoners in Sloboda Ukrainian Province in 1812–1814. The article describes the conditions of captivity, in which there were Poles, former soldiers of Napoleon's army. Over 200 captured Polish officers in 1812–1814. lived in the city

© Ёлкин А. И., 2013

and district of Kharkiv province. Local authorities to provide prisoners with housing, organized their health care, regularly paid salaries, providing food, clothing and footwear. They returned home after anamnesty in 1814

Keywords: Napoleon I, Poles, prisoners, police supervision, salary.

Ёлкин А. И. Пленные поляки в Слободско-Украинской губернии в 1812–1814 гг. В статье рассмотрены условия плена, в котором оказались поляки, бывшие военнослужащие наполеоновской армии. Свыше 200 пленных польских офицеров в 1812–1814 гг. проживало на территории Харькова и уездных городков губернии. Местные власти обеспечивали пленных жильем, организовывали их медицинское обслуживание, систематически выплачивали жалование, снабжали продовольствием, одеждой и обувью. Домой они вернулись после амнистии 1814 г.

Ключевые слова: Наполеон I, поляки, пленные, надзор полиции, жалование.

Йолкін А. І. Полонені поляки у Слобідсько-Українській губернії у 1812–1814 рр. У статті розглянуті умови полону, до якого потрапили поляки, колишні військовослужбовці наполеонівської армії. Понад 200 полонених польських офіцерів у 1812–1814 рр. мешкали на території Харкова та повітових містечок губернії. Місцева влада забезпечувала полонених житлом та організовувала їх медичне обслуговування, систематично виплачувала кошти, забезпечувала харчуванням, одягом та взуттям. Після амністії 1814 року вони повернулися додому.

Ключові слова: Наполеон I, поляки, полонені, нагляд поліції, кошти.

Поражение многонациональной наполеоновской в России в 1812 году и военных действий в Европе привели к появлению большого количества военнопленных, в том числе и поляков, на территории Российской империи. Различные аспекты пребывания польских военнопленных на территории России нашли свое освещение в

работах российских и зарубежных авторов [23, 27], однако вопрос о правовом положении пленных, медицинском обслуживании, бытовых условиях и их финансовом обеспечении на территории Слободско-Украинской губернии остается недостаточно исследованным. Поэтому в данной статье предпринимается попытка на материалах Харьковского областного государственного архива рассмотреть положение поляков-военнопленных, оказавшихся на территории Слободско-Украинской губернии [3-22]. *

После трёх разделов Речи Посполитой (1772, 1793 и 1795 гг.) между Австрией, Пруссией и Россией, она прекратила свое существование как независимое государство. Разгром восстания под предводительством Т. Костюшко (1794 г.) привел к тому, что наиболее активные сторонники восстановления независимого польского государства эмигрировали во Францию, воевавшую в это время с Австрией и Пруссией. Наполеон Бонапарт, сражавшийся с австрийцами в Италии, дал согласие польским эмигрантам на формирование легионов из их соотечественников. Это была первая попытка создания вооруженных сил, которые, используя начавшуюся европейскую войну, могли бы освободить Польшу. В этот момент полякам казалось естественным обращение к Франции, которая пусть и не проявляла особого интереса к Польше, но все же вела войну с ее поработителями. Через легионы прошло 25 тыс. человек (большинство из них погибли на чужбине в Италии на острове Санто-Доминго) [27, с. 299].

После разгрома Пруссии осенью 1806 г. французский император провозгласил «польскую кампанию». Подписывая Тильзитский мир (июль 1807 г.) с Россией, Наполеон решил совершить передел польских земель. На захваченных ранее Пруссией польских территориях, создавалось Варшавское княжество (Великое герцогство), выросшее за счет земель,

* Слободско-Украинская губерния была образована в соответствии с указом Сената от 12. 12. 1796 года «О новом разделении государства на губернии из Харьковского наместничества».

отошедших от Австрии после ее поражения в 1809 году. Естественно, что все свои планы и надежды на дальнейшее расширение княжества и восстановление польского государства (в границах 1772 г.) шляхта связывала с наполеоновской Францией. На территории княжества создали польскую армию, насчитывавшую в своих рядах около 90 тыс. человек. Однако, Наполеон выступил против объединения их в единое польское воинское формирование. Только под командованием Понятовского имелся 30-тысячный корпус, а остальные воинские части включили во французские воинские формирования [24, с. 404]. В день вторжения наполеоновской армии в Россию (24 июня 1812 г.), Наполеон объявил эту войну «второй польской войной». В составе 600-тысячной наполеоновской армии находилось 83,5 тыс. поляков-наемников [25, с. 579]. Современные польские авторы считают, что в кампании 1812 г. участвовало около 100 тыс. польских военнослужащих [27, с. 301]. Временная администрация польских земель, созданная в Варшаве, прежде всего, содействовала формированию вооруженных сил и обеспечивала регулярное снабжение французской «Великой армии». Таким образом, императору французов оказалась нужна не независимость Польши, а поляки, проливавшие за него свою кровь. В 1812 г. он заявил Нарбону: «Я хочу в Польше лагерь, а не форум. Я равно не позволю ни в Варшаве, ни в Москве открыть клуб для демагогов» [2, с. 30].

Первые пленные поляки появились на Слобожанщине в конце 1812 года. Так, на жительство в Харьков был направлен захваченный в плен русскими войсками в княжестве Варшавском в местечке Рубешов подпрефект Франц Свежинский со слугой Михаилом [3, л. 17]. В это же время на территории губернии появляются военнопленные поляки, которые партиями направляются в город Георгиевск на Кавказе. Пленные следовали из Минской, Витебской, Смоленской, Лифляндской, Новгородской, Курской и Орловской губерний. Их конвоирование до Георгиевска (900 верст от Харькова) осуществлялось Харьковским гарнизонным батальоном. Его командиром являлся

подполковник Н. Шарапов (4, л. 42). Все офицеры батальона (26 чел.) участвовали в конвоировании военнопленных в Георгиевск. В связи с тем, что их оказалось недостаточно, губернатор обязал Дворянское собрание выделить дворян для участия в конвоировании. Однако в связи с дальней дорогой не все дворяне соглашались участвовать в этом мероприятии. Так, помещик Богодуховского уезда И. Васильев, ссылаясь на тяжелое материальное положение (долги), просил губернатора освободить его от участия в сопровождении пленных. Аналогичное прошение в мае 1813 года подал губернатору и помещик того же уезда Мамцов [5, л. 54, 56]. Всем больным полякам из партий, следовавших через Харьков, оказывалась необходимая медицинская помощь. Слободско-Украинскому врачебному управлению и уездным врачам предписывалось приказом губернатора от 10. 04. 1813 г. оказывать помощь больным и раненым пленным. Только в харьковской больнице находилось на излечении по 10-12 человек из каждой партии [6, л. 32]. Кроме того, выяснилось, что у большинства военнопленных одежда и обувь находилась в жалком состоянии, а также в связи с зимними условиями в декабре 1812 г. в Харькове было поручено предписание из Санкт-Петербурга, что военнопленные, следующие через губернию, должны экипироваться соответственным образом [7, л. 5]. Например, для партии пленных численностью 226 чел., прибывшей из Чернигова в Харьков в ноябре 1813 г., выделили: шинелей 184, полушубков – 4, панталонов суконных – 170, рубаш – 144, шапок – 138, сапог – 67 пар, башмаков – 33, оберток суконных – 164. Общая их стоимость составляла 2250 рублей [8, л. 90]. Правда, иногда имели место случаи продажи поляками своей одежды, чтобы заполучить новую [9, л. 6]. Кроме того, пленные получали суточные: офицеры 50 копеек, а солдаты 10 копеек. Во время этапирования пленных к месту назначения им выделялись прогонные деньги. Только за период с 1.09.1813 г. до 1.10.1813 г. их сумма составила

8 590 руб. 52 коп. [10, л. 36-38]. Всего же на содержание пленных поляков Харьковская казенная палата с начала войны 1812 г. и до сентября 1813 г. истратила на жалованье, покупку одежды и обуви, прогонные, питание и конвоирование в Георгиевск 34 тыс. 778 руб. 7 коп. Всего проследовало через губернию около 4 тыс. чел. [11, л. 74]. Общее количество военнопленных поляков в 1812 г. на Кавказе насчитывалось около 10 тыс. чел., с учетом Сибири – 11,4 тыс. чел. [23, с. 85]. Таким образом, Слободжанщина являлась важнейшей транзитной губернией. В Слободско-Украинскую губернию направлялись пленные поляки, главным образом, офицеры, на поселение под полицейский надзор. Первых поляков сюда привезли из Чернигова весной 1813 г. Среди них находился бригадный генерал Доминик Дзевальский, кавалер Военного Креста и член Почетного легиона. С ним находился так же полковник М. Сури и 6 штабных офицеров [12, л. 18-20]. Поляков, прибывших в губернию, оставляли на проживание не только в Харькове, но и распределяли в основном в уездные города. Об этом свидетельствуют данные таблицы № 1.

Таблица № 1 Список поляков, находившихся в Харькове и Слободско-Украинской губернии (1813 г.)

Харьков	Генералов	1 чел.
	Штабных офицеров	3 чел.
	Обер-офицеров	3 чел.
	Лекарей	2 чел.
	Аптекарей	2 чел.
Валки	Офицеров	25 чел.
Богодухов	Обер-офицеров	14 чел.
Ахтырка	Офицеров	25 чел.
Лебедин	Офицеров	22 чел.
Сумы	Офицеров	29 чел.
Змиёв	Офицеров	14 чел.
Изюм	Офицеров	17 чел.
Купянск	Офицеров	14 чел.
Волчанск	Офицеров	14 чел.
Всего:		185 чел.

Поскольку сведения о военнопленных часто являлись неточными, а фамилии искажались, возникла необходимость осуществить унификацию системы их учета. 13 июля 1813 г. Главнокомандующий из Санкт-Петербурга прислал губернатору И. И. Бахтину депешу, в которой предписывалось генералам и офицерам, находящимся на вверенной ему территории, собственноручно против имени на русском языке написать на родном языке свое имя, национальность и в каком полку служили [14, л. 2].

В 1814 г. количество пленных поляков-офицеров в Слободско-Украинской губернии составило 209 чел. [15, л. 67-68]. Все военнопленные получали жалование за счет губернского казначейства: генерал – 4 рубля в сутки, полковник – 1 руб. 50 коп., офицеры – по 50 коп. Поскольку основная масса офицеров имела летнюю одежду, то они осенью 1812 г. обратились к соответствующим властям с просьбой о выделении средств на приобретение полушубков. Их прошение удовлетворили, и каждый получил правительственное пособие в сумме 100 руб. [16, л. 1-64]. Поскольку польские офицеры являлись выходцами из шляхты и привыкли к услугам деньщиков и слуг, то они обратились (12 чел.) с прошением к губернатору И. И. Бахтину, ссылаясь на раны и неважное здоровье, о выделении из пленных солдат, отправленных на восток, деньщиков. Губернатор их просьбу не удовлетворил, ибо ее решение от него не зависело [17, л. 91]. Выход из создавшейся ситуации нашли за счет найма прислуги. Так, в 1814 г. в Сумах на 41 офицера приходилось 10 чел. прислуги, а в Ахтырке на 17 офицеров – 6 слуг [18, л. 31, 41]. Кроме того, 29 августа 1813 г. последовало дополнительное распоряжение правительства, которым разрешалось выплачивать женам военнопленных те же суммы, какие были назначены их мужьям. В особо тяжелом финансовом положении оказались те польские офицеры, вместе с которыми находились их жены. В сентябре 1813 г. к ахтырскому городничему с просьбой обратился подпоручик М. Стрелецкий выплачивать жалованье жене (50 коп.) в день ибо она ничего не получала и ей не

хватает средств на питание. Ей вскоре выделили средства за счет ахтырской казны [19, л. 95-96]. С аналогичной просьбой обратился к властям поручик Дюваль. Ибо его жена Юзефина сказала настолько бедна, что за неимением женской одежды носила мужскую [20, л. 66]. Что касается организации досуга военнопленных, то, к сожалению, в сохранившихся документах этот вопрос практически не освещен. Например, в рапорте ахтырского городничего содержатся сведения о том, что 5 августа 1813 г. состоялся поединок на саблях между капитаном Стодовнеличем и подпоручиком Немтинским из-за ссоры в трактире. После этого над ними усилили полицейский надзор [21, л. 13]. Оказавшись в плену, некоторые польские офицеры выражали желание принять гражданство и поступить на российскую военную службу. К началу XIX века в России сохранились основные правила, касающиеся принятия на службу офицеров иностранных армий и сложившихся при Екатерине II. Прием этих офицеров осуществлялся с понижением на один чин, и исключения делались не иначе как каждый раз по особым Высочайшим повелениям [1, с. 87]. Так, в августе 1813 г. в Богодухове пленный Я. Ульяновский выразил желание получить подданство России и продолжить службу в российской армии. Император Александр I принял решение о приеме его на российскую службу. Ему выдали погонные деньги до Варшавы и направили в резервную армию генерала Лобанова-Ростовского в Эстляндский пехотный полк в должности прапорщика, т. е. в понижении в чине на один пункт [3, л. 26-28].

Находившихся в плену поляков, естественно, волновал в первую очередь вопрос о том, когда они смогут вернуться домой. Уже в императорском Манифесте от 12. 12. 1812 г. относительно военнопленных говорилось, что «пленные, взятые с оружием в руках, хотя не изъеются из всего всеобщего прощения, но без нарушения справедливости не можем мы последовать движениям нашего сердца, доколе плен их разрешится окончанием настоящей войны» [26, с. 121]. Высочайшим повелением от 6 апреля 1814 г. все пленные поляки получили дозволение вернуться

домой «на прежнее их отечество». В пути они обеспечивались медицинским обслуживанием, подводами, прогонными деньгами, продовольствием, одеждой и обувью [25, с. 138].

Таким образом, Отечественная война 1812 г. закончилась поражением французской «великой армии» и кризисом империи. Самое активное участие в наполеоновской эпопее принимали поляки, связывавшие с Наполеоном I свои надежды на возрождение собственного государства. Большинство из них погибло, прикрывая отступление наполеоновской армии из России. Более 11 тыс. поляков оказалось в русском плену. Свыше 200 польских офицеров в 1812–1813 гг. проживало на территории г. Харькова и уездных городов губернии. Местные власти создали им хорошие условия для проживания. После объявления амнистии в апреле 1814 г. бывшие военнопленные вернулись на родину.

Примечания

1. Волков С. В. Русский офицерский корпус / С. В. Волков. — М., 2003.
2. Герцен А. И. Былое и думы / А. И. Герцен. — К., 1986. — Ч. 5-8.
3. Государственный архив Харьковской области (ГАХО). — Ф. 3. — Оп. 19. — Д. 10.
4. ГАХО. — Ф. 3. — Оп. 19. — Д. 16.
5. ГАХО. — Ф. 3. — Оп. 19. — Д. 16.
6. ГАХО. — Ф. 3. — Оп. 20. — Д. 20.
7. ГАХО. — Ф. 3. — Оп. 19. — Д. 16.
8. ГАХО. — Ф. 3. — Оп. 19. — Д. 12.
9. ГАХО. — Ф. 3. — Оп. 21. — Д. 197.
10. ГАХО. — Ф. 3. — Оп. 20. — Д. 20.
11. ГАХО. — Ф. 3. — Оп. 20. — Д. 20.
12. ГАХО. — Ф. 3. — Оп. 20. — Д. 98.
13. ГАХО. — Ф. 3. — Оп. 19. — Д. 12.
14. ГАХО. — Ф. 3. — Оп. 20. — Д. 99.
15. ГАХО. — Ф. 3. — Оп. 19. — Д. 12.
16. ГАХО. — Ф. 3. — Оп. 20. — Д. 101.
17. ГАХО. — Ф. 3. — Оп. 19. — Д. 13.
18. ГАХО. — Ф. 3. — Оп. 19. — Д. 17.
19. ГАХО. — Ф. 3. — Оп. 19. — Д. 14.
20. ГАХО. — Ф. 3. — Оп. 20. — Д. 98.

21. ГАХО. — Ф. 3. — Оп. 20. — Д. 32.
22. ГАХО. — Ф. 3. — Оп. 20. — Д. 86.
23. Круглов А. И. Военнопленные поляки армии Наполеона на Северном Кавказе (1812–1814 гг.) / А. И. Круглов, М. В. Нечитайлов // Российско-польский исторический альманах. — Вып. 1. — Ставрополь-Волгоград, 2006.
24. Манусевич А. И. Очерки по истории Польши / А. И. Манусевич. — М., 1952.
25. Отечественная война 1812 г.: Энциклопедия. — М., 2004.
26. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). — Собр. 1-е. — СПб., № 25289. — Т. 32.
27. Тышевский М. История Польши / М. Тышевский, Я. Коневич, Е. Хольцер. — М., 2004.

УДК 355.48(470+571:44)«1812»:355.212.5(477.54/.62)

Рекрутские присутствия Слободско-Украинской губернии в 1812 г. (по материалам Государственного архива Харьковской области)

Желтобородов А. Н.

Zheltoborodov A. Rekrut authority of the Slobodsko-Ukrainian province in 1812 (on materials of the archive of the Kharkov region). In the article on the basis of documents of the archive of the Kharkov area activity of state institutions of the Slobodsko-Ukrainian province is analyzed on completing of the Russian army a personnel in 1812. In the article also the regional features of organization and leadthrough of rekrut call-up open up in this period.

Keywords: rekrut, rekrut call-up, rekrut authority, Slobodsko-Ukrainian province.

Желтобородов А. Н. Рекрутские присутствия Слободско-Украинской губернии в 1812 г. (по материалам Государственного архива Харьковской области). В статье на основе документов Государственного архива Харьковской области анализируется деятельность государственных учреждений Слободско-Украинской губернии по комплектованию Российской армии личным составом в 1812 г. Также раскрываются региональные особенности организации и проведения рекрутских наборов в этот период.

Ключевые слова: рекрут, рекрутский набор, рекрутское присутствие, Слободско-Украинская губерния.

Желтобородов О. М. Рекрутські присутності Словідсько-Української губернії в 1812 р. (за документами Державного архіву Харківської області). У статті на основі документів Державного архіву Харківської області аналізується діяльність державних установ Словідсько-Української губернії з комплектування Російської армії особовим складом в 1812 р. Також розкриваються регіональні особливості організації та проведення рекрутських наборів в цей період.

Ключові слова: рекрут, рекрутський набор, рекрутське присутність, Словідсько-Українська губернія.

Одними из важнейших государственных задач, которые решали власти в губерниях Российской империи накануне и в ходе Отечественной войны 1812 г., были подготовка и проведение рекрутских наборов, обеспечивавших комплектование армии личным составом. Рекрутчина в тоже время являлась тяжелейшей повинностью для населения страны, особенно в военное время, когда армия требовала постоянного пополнения людьми.

Несмотря на наличие обобщающих работ по истории комплектования вооруженных сил, деятельность рекрутских

присутствий в 1812 г., региональные особенности подготовки и проведения рекрутских наборов остаются малоизученной темой, и являются полем для исследовательской работы. В Государственном архиве Харьковской области хранится целый ряд документов эпохи Отечественной войны 1812 года, раскрывающих различные стороны жизни Слободско-Украинской губернии в этот период. Документы по рекрутским присутствиям начала XIX века находятся в фондах канцелярии Харьковского губернатора (ф. 4), Харьковского губернского рекрутского присутствия (ф. 280), уездных рекрутских присутствий (ф. 270, ф. 271, ф. 272, ф. 274, ф. 279).

Рекрутские присутствия представляли собой временные комиссии, отвечавшие за набор людей в рекруты в губерниях и уездах Российской империи. В силу этого в архивных фондах рекрутских присутствий Слободско-Украинской губернии комплексные дела о рекрутских наборах не формировались. Содержащиеся в них документы представляют собой разрозненные циркуляры губернских правлений, жеребьевые и очередные списки, «объявления» отдатчиков о доставке рекрут, формулярные списки рекрут, прошения помещиков, однодворцев и обывателей и не дают полной картины подготовки и проведения рекрутских наборов, т.к. информация в них представлена довольно-таки фрагментарно. Тем не менее, они позволяют получить объективную характеристику деятельности органов государственной власти Слободско-Украинской губернии по комплектованию вооруженных сил в 1812 г. Материалы и документы, демонстрирующие взаимоотношения населения и властей (прошения, служебная переписка по ним и ответы чиновников) во многом добавляют новые краски и оттенки истории рекрутчины на Слобожанщине.

Накануне и в ходе Отечественной войны 1812 г. в Слободско-Украинской губернии рекрутскими присутствиями проводилась работа по организации и проведению четырех рекрутских наборов: 81-го, 82-го, 83-го и 84-го. 81-й набор был объявлен манифестом от 16 сентября 1811 г. о наборе рекрут с 500 душ

по 4 человека [2, с. 840]. В указе сенату, последовавшим вслед за манифестом были даны подробные распоряжения о порядке проведения рекрутского набора, в частности был увеличен старший предельный возраст рекрут по сравнению с предыдущими наборами с 35 до 37 лет, младший предельный возраст остался прежним — 18 лет. Также был уменьшен на один вершок (ок. 4,5 см) и минимальный рост рекрут с двух аршин четырех вершков до двух аршин трех вершков (ок. 1 м 56 см). Это было связано с увеличением количества набираемых рекрут и в некоторой степени должно было упростить процесс отбора годных к воинской службе людей [2, с. 840-842]. Сроки проведения 81-го рекрутского набора были определены с 1 ноября 1811 г. по 1 января 1812 г., однако в указанный срок все рекруты собраны не были, и в губернии проводилась работа по ликвидации недоимок по 81-му набору.

Отражение этой работы находим в документах фонда Харьковского губернского рекрутского присутствия. Гражданский губернатор и кавалер действительный статский советник Иван Иванович Бахтин издал циркулярное предписание об ужесточении мер по ликвидации недоимки рекрут и о письменных докладах в губернское рекрутское присутствие каждые две недели к первому и шестнадцатому числу месяца о количестве недоимочных рекрут, которое было отпечатано и отправлено в уездные рекрутские присутствия [1, д. 1, л. 3]. На начало января 1812 г. в недоимке по Слободско-Украинской губернии числилось 93 рекрута о чем была составлена специальная ведомость в которой указывались помещики, которые должны были поставить недостающих [1, д. 1, л. 46]. В этой же ведомости сделаны пометки о принятии рекрут в январе — феврале 1812 г., и к середине февраля в недоимке числилось 27 рекрут. Затем было издано циркулярное предписание гражданского губернатора о взыскании недостающих рекрут через суд [1, д. 1, л. 50]. В нем были указаны поименно помещики которые не поставили рекрут в указанный срок, предписывалось провести освидетельствование крестьян на пригодность к воинской службе тех помещиков,

которые в своих прошениях констатировали отсутствие годных к воинской службе людей. Также было определено: «Харьковскому, Валковскому, Богодуховскому, Ахтырскому, Сумскому, Лебединскому, Змиевскому, Купенскому, Изюмскому нижним земским судам да Сумскому городничему подтвердить указами, что бы они всех вышеозначенных недоимочных по прошедшему 81 набору рекрут каждый в своем ведомстве взыскав экзекуцией с подставными и со всем по закону следующим отослали в отделенное при здешней казенной палате рекрутского набора присутствие в самоскорейшем времени, если же произойдет от кого либо хотя малейшая без причин медленность, то виновные в том подвергнутся строгому по законам взысканию...» [1, д. 1, л. 50 об.].

Среди документов фонда губернского рекрутского присутствия встречаются бумаги по добровольной замене одного рекрута другим. Так однодворцы деревни Торской Купянского уезда во главе с атаманом составили бумагу подтверждающую добровольную замену одного рекрута другим, причем остававшийся в деревне обязывался до будущей ревизии платить за ушедшего в рекруты государственные подати. Этот документ был заверен волостным головой и скреплен печатью [1, д. 1, л. 321 об.]. Кроме этого документа в дело вшиты три официальные записки, подтверждающие прием рекрута. Эти записки помогают уточнить порядок и процедуру приема в рекруты в 1812 г. После освидетельствования годности к военной службе в уездном рекрутском присутствии и внесении его в соответствующие списки, где указывались имя и фамилия рекрута и его особые приметы, рекрута с личными вещами, материей для пошива формы отправляли с отдатчиком в губернский город или в указанное место для сбора рекрут. Отдатчик должен был везти с собой сдаточные деньги на которые рекрута должны были содержать, кормить и пошить форму. На каждого рекрута сдатчик получал три официальные записки:

— губернскому казначею, на которой ставилась отметка казначеем о получении сдаточных денег на рекрута (согласно

ведомостям о сдаточных деньгах в начале 1812 года на каждого рекрута в Слободско-Украинской губернии сдавали по 4 рубля);

– в Харьковский внутренний полубатальон, на которой ставилась отметка о получении от отдатчика вещей на каждого рекрута: 2 комплекта нижнего белья (рубаша и портки), пару рукавиц, пару сапог из твердой кожи и суконный кафтан, «спитый на подобие шинели» (выдавался рекруту взамен тулупа согласно указа сенату от 16 сентября 1811 г. о порядке проведения 81 набора);

– Харьковскому полицмейстеру, на которой делалась отметка о получении сукна с подкладкой для шитья мундира и денег на пошив мундира.

Затем эти записки с отметками сдавались в губернское рекрутское присутствие, которое выдавало сдатчику квитанцию о приеме рекрута. Сдатчик таким образом считался выполнившим условия рекрутского набора и в недоимочные списки не попадал.

Однако, по ряду причин не все помещики направляли рекрут в установленные сроки. В таком случае начиналась переписка, которая благодаря архиву сохранилась до настоящего времени. В делах фонда Губернского рекрутского присутствия хранятся документы связанные с одной тяжбой по поводу набора рекрут. Помещик Лебединского уезда, губернский регистратор Тимофей Иванович Даценко обратился с прошением к императору Александру I о замене взыскания с его крестьян рекрута денежным взносом, потому что, крепостных на которых распространялась рекрутская повинность у него было только 32 человека. Но денежный взнос Т. Даценко предлагал внести вместо положенных за рекрута 500 р. серебром или 2000 р. ассигнациями — всего лишь 128 р, из расчета по 4 рубля складочных денег за каждую ревизскую душу [1, д. 1, л. 169. об.].

Тем не менее, решение вышестоящих инстанций было не в пользу помещика. В деле находится рапорт из Лебединского земского суда в губернское рекрутское присутствие о взятии экзекуцией (силой) рекрута с крестьян Т. Даценко и еще двух

подставных крестьян, и об отправке этих рекрут в Харьков с бумагами в которых указаны их особые приметы [1, д. 1, д. 172].

23 марта 1812 года был объявлен манифест о проведении внеочередного 82-го рекрутского набора по 2 человека с 500 душ, связанного с обострившейся обстановкой на западных границах империи и необходимостью увеличения вооруженных сил. Он должен был начаться через две недели после получения в губерниях текста манифеста. Рекрут принимали по правилам, объявленным 16 сентября 1811 года в прошедший 81-й рекрутский набор, однако штаб-офицеры из действующей армии для приема рекрут в губернские города не направлялись, их функции в рекрутских присутствиях возлагались на командование гарнизонных батальонов. Принятых рекрут было приказано в запасные рекрутские депо не направлять, а содержать при гарнизонных батальонах до особого распоряжения. С рекрутами должны были проводиться занятия по военной подготовке [3, с. 241].

В Слободско-Украинской губернии, согласно расписанию к 82-му рекрутскому набору, составленному 5 апреля 1812 года, числилось 470 628 человек на которых была возложена рекрутская повинность и рекрут планировали набрать 1882 человека. В том числе с мещан и цеховых людей — 28 рекрут, с казенных поселян — 1087 рекрут, с крепостных крестьян — 761 рекрут, и с удельных крестьян — 6 рекрут. В этом расписании также указано количество гильдейских купцов, освобожденных от рекрутской повинности. Таких в Слободско-Украинской губернии оказалось 798 человек [1, д. 6, л. 2].

В фондах Харьковского архива хранятся также подробные расписания по каждой категории людей несших рекрутскую повинность с указанием количества рекрут и складочных денег по уездам губернии. Уездные предводители дворянства докладывали рапортами в губернское рекрутское присутствие о проведенных собраниях помещиков по раскладке рекрут и складочных денег, к рапортам приложены расписания раскладки рекрут с указанием фамилий уездных помещиков, количества крестьян

несших рекрутскую повинность и количества поставляемых рекрут [1, д. 6; д. 8].

Сохранился также один из формулярных списков по 82-му набору, выделенный в отдельное дело. Этот список представляет собой таблицу, в которой указаны имена, отчества и «прозвания» рекрут, их возраст, рост в аршинах и вершках, особые приметы: цвет лица, волос, глаз, размер носа, видимые увечья. Кроме того, в списке указывалось «из какого звания принят в службу», дата принятия в службу, семейное положение, грамотность рекрут, а также количество складочных денег, выделенных на рекрута. Из 26 человек, указанных в списке, было: 19-ти лет — 4 человека; от 20 до 30 лет — 15 человек; от 30 до 34 лет — 7 человек; из городских обывателей — 4 человека; из сельских обывателей — 16 человек; из однодворцев — 3 человека; из крепостных крестьян — 3 человека; женатых — 12 человек; холостых — 12 человек; вдовцов — 2 человека.

Из всего списка грамотным оказался лишь один рекрут — Василий Пантелеймонов Иванченко женатый обыватель города Богодухова тридцати трех лет от роду [1, д. 7, л. 2].

Самым тяжелым рекрутским набором 1812 года был 83-й, объявленный высочайшим манифестом от 4 августа 1812 г. Набору подвергалось по 2 человека со ста душ. Согласно указу Военного министерства в Слободско-Украинской губернии на 1812 год насчитывалось 470 600 человек обязанных поставкой рекрут. Из них в 83-й рекрутский набор предстояло набрать 9 412 рекрут и отправить их в Киев [4, с. 36]. Однако, по уточненным данным губернского рекрутского присутствия количество мужского населения губернии обязанных поставить рекрут в 83-й набор насчитывалось 470 916 человек, и рекрут планировали набрать 9 418 человек [1, д. 5, л. 8].

Казенная палата Слободско-Украинской губернии 8 октября 1812 г. в «6/2 часов пополудни» получила с нарочным пакет из Военного министерства, в котором находилось Наставление рекрутским присутствиям и командирам гарнизонных батальонов на прием рекрут определенных высочайшим манифестом от

4 августа 1812 г. В этом наставлении были указаны правила, которые расширяли круг лиц подлежащих рекрутской повинности. Так, например, был увеличен возраст рекрут до 40 лет вместо 37 лет, однако минимальный возраст рекрут уменьшен не был, он остался прежним — 18 лет. На 1 вершок был уменьшен рост принимаемых в рекруты. Набору подвергались мужчины ростом 2 аршина и 2 вершка (ок. 150 см), также под рекрутский набор попадали мужчины с увечьями головы и конечностей, которые не мешали маршировать, носить амуницию и выполнять приемы с оружием. В наставлении были указаны болезни и физические недостатки, которые освобождали от рекрутской повинности. Но обращалось внимание приемщиков на внимательность проведения осмотра, чтобы выявить здоровых рекрут симулирующих болезни.

Наставление по приему рекрут регламентировало порядок определения годности рекрута к службе большинством голосов членов рекрутского присутствия, однако командир гарнизонного батальона имел право письменно обосновать свое мнение в журнале заседаний рекрутского присутствия, если он был против принятия рекрута на службу. Если забракованный командиром гарнизонного батальона рекрут все же принимался на службу, то в формулярных списках ставилась соответствующая отметка, что данный рекрут был забракован, но был принят большинством голосов рекрутского присутствия. Офицеры — начальники партий отправляемых в войска рекрут должны были знать о таких рекрутах в своей партии. Партионным офицерам вменялось в обязанность выявлять рекрут неспособных совершить марш, что бы командир гарнизонного батальона в формулярных списках напротив фамилии такого рекрута сделал отметку с указанием причины принятия рекрута на службу, если таковой в списках не было. Сведения об этих рекрутах также должны были сообщаться в инспекторский департамент Военного министерства.

Рекрутские присутствия должны были следить, что бы «каждый рекрут имел на себе полную обмундировку и такого покроя, который бы сходствовал или не слишком много

различествовал от разосланных для того образцов, и что бы вся одежда была построена из сукна моченого и сколько можно добротного. Что принадлежит до цвета сукна, то он может быть серый, белый, смуровой, а в случае недостатка даже и черный» [1, д. 8, л. 103].

В наставлении дается довольно подробный перечень обмундирования для рекрута: «1. Кафтан солдатского покрова с оловянными пуговицами и стоячим воротником; 2. Суконный галстук с манишкой; 3. Панталоны суконные на холостяной подкладке; 4. Суконный ранец для поклажи рекрутского багажа; 5. Фуражка; 6. Одна пара новых сапог твердой кожи личных или дегтем смазанных с отворотами летними и зимними; 7. Одни рукавицы; 8. Две рубахи и двое портков; 9. Шинель такого же сукна, как и кафтан» [1, д. 8, л. 103. об.].

Командирам гарнизонных батальонов вменялось в обязанность как можно скорее принимать рекрут в свое командование, и как можно скорее отправлять их в назначенные сборные пункты к войскам. Количество рекрут в отправляемой партии должно быть от 300 до 500 человек. Для конвоирования партии рекрут в 300 человек назначалась команда состоявшая из офицера, двух унтер-офицеров и 20 солдат. Для больших партий количество конвойной команды определял командир гарнизонного батальона, но так, что бы на каждые 15 рекрут приходилось по 1 рядовому. При недостатке офицеров и нижних чинов для конвоирования рекрут по «Высочайшему соизволению» разрешалось начальниками партий отправляемых рекрут назначать чиновников гражданского ведомства. А вместо солдат конвоя разрешалось использовать гражданское население, но в партию должны были назначаться хотя бы несколько человек рядовых из гарнизонного батальона. Гражданский конвой должен был сопровождать партию рекрут от одного населенного пункта до другого или от уезда до уезда под надзором «земских или дворянских чиновников».

О каждой отправленной партии рекрут командир гарнизонного батальона должен был «рапортовать

инспекторскому департаменту и уведомлять местных начальников в распоряжении коих отправляемые рекруты назначены с показанием времени ее выступления, числа рекрут оную составляющих, имени партионного офицера и числа конвойной команды при нем отправляемой» [1, д. 8, л. 106].

Дополняют картину проведения рекрутских наборов в Слободско-Украинской губернии дела по освидетельствованию годности к воинской службе бродяг, беглых и наказанных за нетяжкие преступления. Осужденных, признанных годными к воинской службе, уже в качестве рекрут отправляли в армию.

Так крепостной крестьянин Змиевского уезда хутора Глубокого Терентий Кононченко за кражу более 20 рублей был осужден Змиевским уездным судом в 1811 г. к битию плетью, после чего его отправили в Херсон военнорабочим. Его помещица коллежская советница Наталья Добачевская обратилась к императору с прошением зачесть наказанного крестьянина в счет будущих рекрутских наборов. И по указу от 4 февраля 1810 г. «О платеже за представленные в казну рекрутские квитанции... 500 р.» получила причитавшиеся деньги [2, с. 64]. Об этом свидетельствует письмо из Слободско-Украинской казенной палаты в губернское рекрутское присутствие, хранящееся в специальном деле, посвященном этому случаю [1, д. 2, л. 6].

С января по октябрь 1812 года Слободско-Украинское губернское рекрутское присутствие освидетельствовало на годность к воинской службе 26 человек бродяг, беглых и осужденных за нетяжкие преступления, годными к воинской службе было признано 15 человек. В основном это были бродяги, некоторые из них даже «прозвания своего не помнящие». Основным критерием приема в рекруты был рост и возраст направленных на освидетельствование. Не принимались в рекруты те, чей рост был ниже установленной нормы, старые и с явными увечьями конечностей и головы. Среди бумаг дела, посвященного освидетельствованию бродяг и преступников, выделяются документы посвященные отправке в рекруты исключенных из церковного звания священнослужителей. Так, из Слободско-

Украинского губернского правления в рекрутское присутствие 4 января 1812 г. было направлено письмо по поводу исключенного из церковного звания дьячка Харьковской городской Николаевской церкви Александра Тимченко за кражу у церковного сторожа денег 1 р. 70 коп. и сапог его стоимостью 2 р. 50 коп. и драку с тем же сторожем «с тасканием за волосы», а так же за самовольную отлучку из церкви в слободу Великую Даниловку и «упражнении в пьянстве» с указанием освидетельствовать на годность к воинской службе. Однако определить был ли этот горький пьяница принят в воинскую службу в тот момент затруднительно, т.к. специальных отметок о его годности к воинской службе на этом документе нет [1, д. 4, л. 1 об.].

7 октября 1812 года губернное рекрутское присутствие получило письмо с указанием освидетельствовать на пригодность к воинской службе исключенных из церковного звания двух дьячков из Ахтырки братьев Коржевских: Алексея, служившего в Успенской церкви, и Федора, служившего в Архангельской церкви. Алексея исключили из церковного звания за воровство вещей и коровы, поджоге дома подполковника Радионова и прочие проступки, а Федора за «кормчество». Они оказались годными к воинской службе, т.к. на документе указан их рост в 2 аршина и семь с половиной вершков (ок. 1 м 75 см) [1, д. 4., л. 33].

Комплектование русской армии в 1812 году не закончилось 83-м рекрутским набором. После обсуждения и принятия решения о походе русской армии в Европу на высочайшем уровне, манифестом от 30 ноября 1812 года был объявлен новый 84-й рекрутский набор по 8 человек с 500 душ [3, с. 466]. Особенностью этого рекрутского набора стали постепенный сбор рекрут и отправка их в действующую армию: собирали четыре раза по два человека с 500 душ. Сбор второй и последующих частей рекрутского набора происходил постепенно, после отправки в войска предыдущих частей рекрут.

В Харьковском архиве хранятся рапорта предводителей дворянства уездов губернии о проведении дворянских собраний

по раскладке рекрут в 84-й рекрутский набор с приложенными расписаниями по рекрутскому набору. В расписаниях по набору указывались фамилии помещиков, количество ревизских душ, количество собираемых рекрут в каждую из четырех частей набора и количество собираемых складочных денег с каждого помещика. Так, например в Богодуховском уезде предводитель дворянства Лесницкий докладывал о проведении дворянского собрания по раскладке рекрут в 84-й набор, которое состоялось 21 декабря 1812 года. Всего в уезде насчитывалось 16 038 ревизских душ из которых планировали набрать 257 рекрут, складочных денег планировалось собрать 9 616 рублей [1, д. 10, л. 54].

В Слободско-Украинской губернии всего должны были собрать 7 536 рекрут в 84-й рекрутский набор. Первые две четверти набора в количестве 3 768 человек были по распоряжению Военного министерства отправлены в Бобруйск, где шло формирование новых батальонов для действующей армии под руководством генерал-лейтенанта Эссена (третьего) [4, с. 67].

Таким образом, в 1812 году в Слободско-Украинской губернии была развернута серьезная работа по комплектованию русской армии личным составом. Организацией и проведением рекрутских наборов занимались губернное и уездные рекрутские присутствия, которые были подчинены казенной палате губернии и гражданскому губернатору. В своей работе рекрутские присутствия руководствовались не только манифестами о наборе, указами сенату с правилами набора и специальными наставлениями, но и рядом законов, которые действовали с XVIII века. Однако, особенности деятельности рекрутских присутствий Слободско-Украинской губернии по организации и проведению рекрутских наборов складывались не одно десятилетие, претерпевали определенные изменения с течением времени, и поэтому, требуют дальнейших исследований.

Примечания

1. *Государственный архив Харьковской области.* — Ф. 280. — Оп. 1.
2. *Полный свод законов Российской империи.* — Т. 31.
3. *Полный свод законов Российской империи.* — Т. 32.
4. *Столетие Военного министерства. 1802—1902* / Главный штаб: Ист. очерк. — СПб., 1902. — Ч. 1. — Кн. 1. — Отд. 2: Комплектование войск в царствование Императора Александра I / Сост. штабс-капитан В. В. Щепетильников.
5. *Отечественная война и русское общество.* — М., 1912. — Т. 5.
6. *Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 г.* / Л. Г. Бескровный. — М., 1962.
7. *Редигер А. Ф. Комплектование и устройство вооруженной силы* / А. Ф. Редигер. — СПб., 1900.

УДК 94(477.54):355.48(470+571.44)«1812»

**Харьков и губерния в годину
Отечественной войны 1812 г.**

Потрашков С. В.

Potrashkov S. V. Kharkov and Its Province During the Patriotic War of 1812. The response in Slobodskaya province to the Napoleon's invasion in 1812 are examine in this article. Special attention was payed to the attempts of the provincial government and local nobility to form the militia force. The leading role of the nobility in realizing of government's defensive measures are

note. The patriotic initiatives of different groups of provincial society are citing as an example.

Keywords: the Patriotic war of 1812, Slobodsko-Ukrainskaya province, militia, nobility, nobility assemblies.

Потрашков С. В. Харьков и губерния в годину Отечественной войны 1812 г. В статье рассматриваются отклики в Слободской губернии на нашествие Наполеона в 1812 г. Особое внимание уделено попыткам губернских властей и местного дворянства сформировать здесь ополчение. Отмечается ведущая роль дворянства в реализации намеченных правительством оборонительных мер. Приведены примеры других патриотических инициатив со стороны разных слоев провинциального общества.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., Слободско-Украинская губерния, ополчение, дворянство, дворянские собрания.

Потрашков С. В. Харків та губернія під час Вітчизняної війни 1812 р. У статті розглядаються відгуки у Слобідській губернії на нашествя Наполеона у 1812 р. Особливу увагу приділено спробам губернської влади та місцевого дворянства сформувати тут ополчення. Відмічається провідна роль дворянства у реалізації намічених урядом оборонних заходів. Наведено приклади інших патріотичних ініціатив з боку різних верств провінційного суспільства.

Ключові слова: Вітчизняна війна 1812 р., Слобідсько-Українська губернія, ополчення, дворянство, дворянські збори.

В обширной историографии Отечественной войны 1812 года проблемы участия территорий удаленных от театра военных действий все еще остаются слабо исследованными. Между тем, их изучение представляет значительный интерес в плане выяснения отношений к войне различных групп провинциального общества, а также методов деятельности местной администрации и органов сословного

представительства по реализации патриотических починов. Цель настоящей работы – осветить события 1812 года в Слободско-Украинской (Харьковской) губернии.

Вскоре после вторжения «Великой армии» в пределы России император Александр I подписал манифест о всеобщем ополчении: «Неприятель вступил в пределы наши... собранные им разнородные силы велики... сего ради... полагаем мы за необходимо нужное собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой, и в защиту домов, жен и детей каждого и всех. Называем ко всем нашим верно-подданным, ко всем сословиям и состояниям... приглашая их... единодушным и общим возманием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений». Инициатива в деле создания ополчений отводилась дворянству. Ему предоставлялось право «сводить поставляемых... для защиты Отечества людей, избирая из среды самих себя начальника над оными...».

В указанное время в Харькове губернским предводителем дворянства был Андрей Федорович Квитка – родной брат известного украинского писателя Григория Квитки-Основьяненко. В истории Харьковского ополчения 1812 года ему суждено было сыграть одну из главных ролей. И друзья и недруги одинаково признавали выдающиеся качества Андрея Федоровича. Один из последних отозвался о нем так: «Бог сделал форму губернского предводителя дворянства – отлил Квитку и разбил ее».

Другим главным действующим лицом был Харьковский губернатор Иван Иванович Бахтин. Свой пост он занимал с 1803 по 1814 годы. Современник характеризовал его, как весьма деятельного и умного начальника, «какого уже не было после него в Харьковской губернии». Историк Д. М. Багалея называет его «типичным представителем идеи просвещенного абсолютизма, уверенного, что благожелательное и просвещенное начальство лучше знает, что нужно для блага общества, чем само общество...» и потому испытывавшего большее расположение к

полиции, чем к городскому самоуправлению [2, с. 186].

Получив манифест об ополчении А. Ф. Квитка, по согласованию с губернатором, назначил созыв дворянского собрания на 27 июля «к уяснению распоряжения и постановления относительно вышеизъясненного, наиважнейшего, по теперешним, государства, обстоятельствам предмета». Купечеству, через Городскую Думу, было предложено также «точно определить количество и образ своего пожертвования и способствования составлению губернского ополчения...». Общее собрание губернского дворянства собралось 28 июля и продолжалось четыре дня [9, с. 8-10]. Сюда же «во избежание переписки и промедления» пригласили городского голову и депутатов от купцов. В первый день было решено «выставить для внутренней защиты временное ополчение», для чего всем сословиям губернии следовало снарядить на службу по одному человеку от 50 душ. Из этих людей сформировать конный полк, численностью 1350 казаков, остальные – определить в пешие стрелки и пешие казаки. На все издержки по содержанию ополчению 29 июля дворяне договорились внести по одному рублю с души от всех сословий.

На следующий день было определено, чтобы в ополчение принимались казаки от 18 до 45 лет «способные к поднятию оружия». Лошадей для них позволено было брать «лишь бы были здоровы и для казачьей службы способны и не дикие, без всякого наблюдения и разбора статей их». Собрание рассмотрело и утвердило все подробности экипировки будущих ополченцев. Проблема заключалась в снабжении предполагаемого ополчения оружием. Его запасов в губернии не было. Правда кое-что осталось от милиции 1807 г., но оно нуждалось большей частью в серьезной починке, а то и вовсе было непригодным к использованию. Посему дворяне решили послать за оружием в действующую армию.

Наконец, 31 июля, для руководства всеми делами по формированию ополчения, был избран комитет в составе губернатора, вице-губернатора, губернского предводителя

дворянства, судьи и предводителя дворян Харьковского уезда. Тогда же были избраны и командиры: губернским начальником генерал-майор Захарий Иванович Бекарюков, начальником в конный полк — полковник Михаил Матвеевич Куликовский, в пешие — подполковники Владимир Яковлевич Донец-Захаржевский, Александр Миронович Еремеев, Алексей Михайлович Двигубский. Избрали также батальонных и сотенных начальников и офицеров в полки — всего 217 дворян [9, с. 24].

Городская Дума призвала горожан к пожертвованиям на ополчение и сама приняла в них участие. Но по поводу размеров собранной суммы случился конфуз, потребовавший объяснения Харьковского городского головы перед Бахтиным. Дворяне в Собрании задали приглашенным туда представителям купечества вопрос: много ли оно жертвует «в пособие составляемому губернскому ополчению от всех состояний: а как на сей вопрос ответствовано было, что Харьковское купечество на содержание губернского ополчения жертвует от себя двадцать три тысячи триста шестнадцать рублей, то дворянское сословие почитая сие пожертвование малым отрынуло оное...». Опасаясь, вероятно, упреков в «непатриотичности», городской голова сетовал на то, что дворяне действовали «не войдя в познание купеческих капиталов» и заверил губернатора, «что вторая гильдия должна взнестъ по триста пятьдесят рублей, а третья по сто сорок рублей, и сим пожертвованием не ограничивается; но по любви к отечеству и по усердию своему содействовать общей пользе готовы и впредь жертвовать по мере возможности...» [5, с. 80]. Этот эпизод, характеризующий отношения между дворянством и купечеством, служит наглядной иллюстрацией вывода историков о том, что «дворянство выступает в этой войне как более или менее организованное целое...», в то время как купечество «выражает патриотические чувства, глухо волнуется, но при этом... стоит темною массою статистов на заднем плане исторических событий» [3, с. 116].

Посреди, по выражению современника, «повсеместного вооружения населения», страну застал манифест от 18 июля,

ограничивавший район формирования ополчения 16-ю губерниями центральной России и Поволжья. Харьковская губерния оказалась за пределами этой зоны и все хлопоты вокруг ополчения улеглись.

Снова вопрос о созыве ополчения возник в конце сентября, в связи с вестью о вступлении Наполеона в Москву. Как вспоминал А. Ф. Квитка, «известие о занятии Москвы поразило всех умы, большая часть дворянства...готовилась вооружаться, и... от меня стали требовать того официально. Многолюднейший дворянством и населением своим Изюмский уезд прислал... депутатов, прося позволения на вооружение себя и людей своих, а дворянство Купянского, Змиевского и Лебединского уездов чрез предводителей своих официально изъявляло таковую же готовность. 24 сентября на собрании уездных предводителей, коих присутствовало 9 из 11 решено «составить ополчение для собственной защиты...». То, что столь ответственное решение принято было не на общем собрании, а в присутствии лишь узкого круга выборных представителей, губернский предводитель оправдывал тем, что «краткость времени не позволяет составить общее дворянское собрание, а положение обстоятельств требует решительных мер, ... которые бы дали, ... способы к ограждению нашего края, чести и безопасности губернии» [6, с. 597].

26 сентября уездные предводители выработали определение из 10 пунктов, намечавшее конкретные меры по созданию ополчения. Формировать его предполагалось на тех же основаниях, какие были утверждены еще в июле. К участию предполагалось привлечь многочисленных в губернии казенных крестьян, мотивируя это тем, что «мы все подданные одного государя, все сыны того же отечества, которое, к сожалению нашему, неприятели теперь разоряют!... А потому и вооружение должно быть совокупное». Дворяне, представители других сословий призывались жертвовать «на защиту отечества» оружие, деньги, порох, свинец, хлеб и т.п. О своем решении предводители донесли губернатору, чтобы тот информировал Петербург и получил на него официальное позволение. На том же собрании

26 сентября, «для точного и верного сведения о положении дел», определено отправить депутата от Изюмского уезда капитана Сергея Алексеевича Левшина в действующую армию к Кутузову, чтобы вручить ему письмо губернского предводителя дворянства и «получить на оное словестный или письменный ответ». «Сие уведомление и предписание его светлости будет служить руководством в действиях дворянских; а потому, до получения оного назначенного ополчения не выставлять» [6, с. 577-581, 596, 597].

28 сентября А. Ф. Квитка пишет письмо князю Кутузову следующего содержания:

«Светлейший князь милостивый государь!

Слободско-Украинское дворянство, по получении высочайшего манифеста, призывающего все состояния на оборону отечества, определило составить значительное ополчение; но в самое то время, когда оное выставлялось последовало высочайшее повеление, отменяющее сие ополчение, место которого заступил рекрутский набор. Победы вашей светлости подают несомнительную надежду, что враг, знаменитыми подвигами вашими, будет наконец истреблен, или изгнан из пределов России; но по преданности Слободско-Украинского дворянства к августейшему престолу и любви к отечеству, оно, желая способствовать общему делу всеми возможными ему способами, в лице моем осмеливается просить вашу светлость, не оставить его извещением о том, что если военные действия, будут приближаться к пределам губернии нашей, то в таком разе, изволите ли вы, светлейший князь, полагать, что ополчение сей губернии из дворянских и казенных крестьян составленное, должно быть нами приготовлено и выставлено. Благоволите светлейший князь, руководствовать нас в сем разе повелениями вашими» [9, с. 13, 14].

Обращение к Кутузову не было простой формальностью. Дело в том, что действия губернского и уездных предводителей, принявших решение относительно ополчения без учета

мнения остальных дворян, подверглось со стороны многих из них серьезной критике. Собрание дворян Харьковского уезда 30 сентября 1812 года постановило: «Как на то нет высочайшей воли, ниже и никакого от правительства повеления да и о настоящей опасности от врагов России извещения здешняя губерния не имеет, то и на таковое самопроизвольное ополчение мы согласиться не смеем...». Помещик того же уезда генерал-лейтенант Иосиф Хорват, сообщая местному предводителю, что в «своевольном и может быть излишнем предположении» губернского предводителя «ополчить Украину против врага всей России» он участвовать не намерен, предложил направить на собственный счет к Кутузову посланца «с донесением о несправедливом, его, господина губернского предводителя постановлении...» [6, с. 585].

Дворяне Ахтырского уезда заявили на своих собраниях 25 и 28 октября, что «без высочайшей монаршей воли и без предписания вышнего правительства не смеют сами собой произвести ополчения в действо». Мотивы у критиков А. Ф. Квитки были различными. Если одних, подобных Хорвату, оскорбляло пренебрежение, проявленное к их личности и мнению, то другими двигали экономические соображения. Изюмский помещик Р. Шидловский, полагая намечаемые меры «непомерными», прямо вопрошал: «После всего сего кого оставляем... возделывать поля, прокормить старых и малолетних, чем будем в силах содержать предполагаемое войско..., где оружие, порох и прочее, чего и сколько надо, на сколько времени и что придется собирать с душ же, обременяемых при всяких постановлениях собственных? Собираемый народ никакой пользы нам сделать не удобен и разоряя оной поборами., не подвергнем ли себя же законному осуждению и ответу богу?» [6, с. 586].

Между тем, 18 октября вернулся капитан Левшин и привез ответ Кутузова: «С сердечною признательностию читал я отношение вашего превосходительства от лица всего слободско-украинского сословия, приписывающего успех оружия моему

усердию. Я с своей стороны справедливо должен сказать, что отечество будет признательно слободско-украинскому дворянству за усерднейшее напряжение его к защите онаго. Между тем, собранным ополчением должно распорядиться таким образом, чтобы оные, ограждая пределы губернии своей, с той стороны, которая ближе, или может быть ближе к театру войны, приобучалось к порядку; когда же оному подобно будет действовать, то не премину снабдить его моими повелениями» [7, с. 51].

30 октября созваны были в Харьков уездные предводители и депутаты от дворянства на очередное собрание. Здесь явно обнаружилась оппозиция ополчению, ссылавшаяся на отсутствие по этому поводу распоряжений свыше. В отношении А. Ф. Квитки и уездных, подписавших постановления 24 и 26 сентября, высказывание ряда депутатов от валковских и волчанских дворян носили явно угрожающий тон. Они требовали копий этих постановлений, равно и письма к Кутузову, и грозили представить все это «куда следует», т.к. документы были составлены «без воли, сведения и согласия всего дворянства». Однако таких оказалось меньшинство. Большинство же постановило: в связи с ослаблением военной опасности, а также отсутствием сведений о реакции петербургских властей, «действительное составление предположенного земского ополчения на сей раз приостановить». «Но, дабы ни в коем случае не понести на себе укоризны безопасности, не свойственной сынам отечества, борющегося еще с врагами своими; дабы соответствовать прежним нашим началам, которые были изложены от лица дворянства губернии нашей пред его светлостью... Михайлом Ларионовичем Голенищевым-Кутузовым, и заслужить его благосклоннейшее одобрение...», собрание рекомендовало помещикам назначить из каждых 50 душ по одному казаку, и «вооружа и снабдив их пристойным образом, приучать к военному порядку, отнюдь не отделяя их однако от жилищ и обыкновенных их упражнений...». В уездах следовало «приступить немедленно к назначению способных и достойных чиновников по числу казаков», а также открыть

«подписки для беспоместных дворян и разночинцев, желающих занимать места в земском ополчении». Организационные структуры предполагалось сохранить те же, что были у милиции 1807 года. В заключение постановления подчеркивалось, что «будет иметь место назначения только и домашнее приуготовление, а не действительное составление нашего ополчения, что совершенно согласно и с волей его светлости ... господина фельдмаршала» [6, с. 582-583]. Таким образом, в октябре, как и раньше – в июле и сентябре – Харьковское ополчение так и не было создано, а все принятые на сей счет решения остались лишь на бумаге.

Упоминание же о Харьковском ополчении как реально существовавшем, хотя вскоре расформированном, встречающееся в широко известных работах Б. Ф. Ливчака и В. И. Бабкина не соответствует действительности [1, с. 88; 8, с. 104, 105].

В ноябре подоспел ответ на губернаторский запрос из Петербурга от Комитета по внутреннему ополчению. Рассмотрев предложение о формировании ополчения, Комитет «рассудил, что мера сия, свидетельствующая усердие благородного харьковского дворянства, не признается однако теперь нужною по изменившимся обстоятельствам...» [4]. Решение Комитета было доложено императору Александру. Он согласился с ним и «высочайше повелеть изволил объявить помянутому дворянству монаршее благоволение, а между тем генерал-лейтенанту Хорвату поставить на вид, что при делании ополчения противу отчужденного врага...небольшое число оставшихся к тому неприклонным, не может быть принято правительством с выгодным заключением на счет последних; и что ожидание высочайшего на составление ополчения повеления, чем отзывался генерал-лейтенант Хорват, ... не может служить ему извинением...» [4, л. 115]. Для гордого самолюбивого Хорвата это был большой удар. Но он не смирился: в марте 1813 года написал на имя царя, обвиняя губернатора в клевете «за то, что я не захотел участвовать в дар, ему собранный до пятидесяти

тысяч рублей,... по желанию губернского предводителя Квитки с некоторыми единомышленниками устроенный». И обоих в том, что в случае с ополчением они действовали «по известным лишь им видам». Бахтин и Квитка вынуждены были давать объяснения, отрицающие обоснованность обвинений Хорвата [4, оп. 20, д. 408, л. 1]. В конце-концов некрасивая эта история закончилась не в пользу последнего, ибо и губернатор и губернский предводитель оставались на своих местах.

Не следует, однако, думать что все участие Харьковской губернии в событиях 1812 года ограничилось бесплодными, в итоге, заседаниями местных представительных органов, да дразгой между губернским начальством и отдельными дворянами. Усилиями всех обитателей, Харьковщина сделала свой взнос в достижение победы над Наполеоном. В губернии проведены 2 рекрутских набора, давшие армии более 16 тысяч человек, для ее нужд поставлено более 3 тыс. лошадей [9, с. 17-21]. Были сделаны большие пожертвования на военные нужды и в пользу людей «которые, вышед из мест, занятых неприятелями, не имеют пристанища...» Жертвовало дворянство, жертвовало купечество, жертвовала церковь. Епископ Слободско-Украинский и Харьковский Христофор сообщал губернатору Бахтину о пожертвовании золотых и серебрянных вещей, «которые находились в церковных ризницах без всякого употребления». Собрано было золота — 14 1/4 золотника, серебра — 2 пуда 11 фунтов и 47 золотников. Духовенство также пожертвовало более 6 тыс. рублей ассигнациями и 237 аршин холста. Учащиеся Харьковского коллегиума объявили желание поступить в ополчение. Среди них пятнадцатилетний Дмитрий Корендович, шестнадцатилетние Петр Рыбчинский и Павел Ключников, семнадцатилетний Иван Петрусенко, Иван Склобинский — восемнадцати лет [4, оп. 20, д. 196, л. 1, 9]. Кроме того, губерния обеспечивала всем необходимым проходившие с Дона на театр военных действий войска, и содержала несколько сот военнопленных французов и поляков.

При всем том, одновременно с пожертвованием на

ополчение, Харьковские дворяне собрали по подписке 7 тыс. рублей на основание в городе Института благородных девиц, который и был торжественно открыт 10 сентября 1812 года.

Подводя итог всему содеянному в том памятном году, А. Ф. Квитка имел все основания утверждать, что «кроме весьма малого числа особ, предпочитавших сохранение своего имущества общей пользе и приискивавших разные предлоги... отклонить и малейшие от себя расходы, все прочие, как истинные сыны отечества, готовы были на всякие жертвы и почитали обязанностью предупреждать в том желание правительства» [6, с. 598].

Примечания

1. *Бабкин В. И.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года / В. И. Бабкин. — М., 1962.
2. *Багалеи Д. И., Миллер Д. П.* История города Харькова за 250 лет его существования / Д. И. Багалеи, Д. П. Миллер. — Харьков, 1912. — Т. 2.
3. *Берлин П. А.* Русское купечество и война 1812 года / П. А. Берлин // Отечественная война и русское общество. — Спб., 1912. — Т. 5.
4. *Государственный архив Харьковской области.* — Ф. 3. — Оп. 19. — Д. 233.
5. *Илляшевич Л. В.* Краткий очерк истории Харьковского дворянства / Л. В. Илляшевич. — Харьков, 1885.
6. *К истории харьковского земского ополчения в 1812 году / Русская старина (По семейному архиву рода Хорватов).* — 1905. — Кн. 3.
7. *М. И. Кутузов.* Сборник документов / М. И. Кутузов — М., 1955. — Т. 4. — Ч. 2.
8. *Ливчак Б. Ф.* Народное ополчение в вооруженных силах России 1806—1856 гг. / Б. Ф. Ливчак // Ученые труды Свердловского юридического института. — Свердловск, 1961. — Т. 4.
9. *Участие Харьковского дворянства в Отечественной войне 1812 года, по архивным сведениям из дел канцелярии Харьковского дворянского депутатского собрания.* — Спб., 1912.

УДК 355.48(470+571:44) «1812»:323.26(470.40/.48)

**Социальные конфликты в Среднем Поволжье
в «эпоху войны 1812 года»***Белоусов С. В.*

Belousov S. V. Social Conflicts in the Middle Volga Region During the Epoch of the War of 1812». The article is devoted to the analyses of the social straggle of peasants in the Middle Volgs region during the Petriotic war of 1812. The Author mentioned the growth of ptasants in number and changing of their's traditional methads of stauggle. Different methods of the socia protests are analysed.

Keywords: social conflicts, Patriotic war of 1812, Middle Volga region, peasants movement.

Белоусов С. В. Социальные конфликты, в Среднем Поволжья в «эпоху войны 1812 года». Рассмотрены формы социальной борьбы крестьян Среднего Поволжья в период Отечественной войны 1812 г. Автор отмечает количественный рост крестьянских выступлений и изменение традиционных методов борьбы. Проанализированы методы социальных протестов крестьян. Ключевые слова: социальные конфликты, Отечественная война 1812 г., Среднее Поволжье, крестьянское движение.

Білоусов С. В. Соціальні конфлікти у Середньому Поволжжі в «епоху війни 1812 року». Розглянуто форми соціальної боротьби селян Середнього Поволжя під час Вітчизняної війни 1812 р. Автор відмічає зростання селянських виступів та зміну традиційних методів боротьби. Аналізуються методи соціальних протестів селян. Ключові слова: соціальні конфлікти, Вітчизняна війна 1812 р., Середнє Поволжжя, селянський рух.

В своих работах представители официально-патриотического направления досоветской историографии обходили молчалим вопрос о существовании во время Отечественной войны 1812 г. каких-либо социальных или классовых противоречий, способных привести к серьезным конфликтам. Именно они явились основоположниками концепции единения всех сословий в 1812 г. «вокруг алтаря и престола» и руководящей роли дворянства в борьбе против Наполеона. Наиболее полное и законченное выражение эта концепция получила в работах А. И. Михайловского-Данилевского [14, с. 167, 321, 371].

Историки критического направления досоветской историографии обоснованно опровергли эту концепцию. На основе привлечения архивных и мемуарных источников они сумели показать наличие социальной и классовой борьбы в «эпоху войны 1812 года». В этом отношении показательна статья В. И. Семева о волнениях крестьян в 1812 г., опубликованная в известном коллективном многотомном труде «Отечественная война и русское общество» [21, с. 74-113].

Представители историографии советского периода, основываясь на теории марксизма, уже в 20-30-е гг. XX в. уделяли большое внимание характеристике крестьянских выступлений в период Отечественной войны 1812 г. [4, 5, 9]. Они попытались увязать проблему классовой борьбы с проблемой патриотизма, делая вывод о том, что крестьянство во время войны одновременно боролось как с помещиками, так и с иноземными захватчиками. Вместе с тем, следует заметить, что практически все исследования этого периода имели один общий существенный недостаток. Авторы замыкались на анализе лишь тех крестьянских выступлений, которые происходили на территории, занятой неприятелем. Так, например, Л. Н. Бычков высказал мнение о том, что «в губерниях, оккупированных наполеоновской армией, не наблюдалось обострения классовой борьбы», так как крестьянство было вынуждено бороться, прежде всего, против «чуженационального гнета» [5, с. 76, 97].

Эта точка зрения получила дальнейшее развитие в работах Е. В. Тарле, который полагал, что «наличие неприятельской армии в стране являлось не усиливающим, а, напротив, ослабляющим элементом антипомещичьего движения», а «восстания крестьян в 1812 г. были буквально каплей в море сравнительно с гигантским подъемом чувства гнева к иноплеменному хищнику» [22, с. 176, 178].

В 60-е гг. XX в. проблема соотношения в крестьянском движении патриотической и антифеодальной линий получила дальнейшее развитие. Так, С. Б. Окунь полагал, что «выступления против помещиков не ослабили борьбу с наполеоновским нашествием. Они шли параллельным потоком, усиливая друг друга» [16, с. 52-65]. В свою очередь, на тесное переплетение стремления народных масс защитить свою Родину и борьбы за личную свободу указывал и Б. С. Абаляхин [1, с. 141].

И. И. Игнатович также рассматривала крестьянское движение «эпохи войны 1812 года» в неразрывной связи с борьбой против Наполеона. В частности, она сделала весьма спорный вывод о том, что «чем дальше отстояла губерния от мест занятых французами, тем меньше зарегистрировано в ней крестьянских волнений» [10, с. 89].

По мнению П. Г. Андреева, отношение различных слоев населения к войне с Наполеоном следует искать не в «единении всех сословий вокруг алтаря и трона», а в классовой борьбе [2, с. 67, 77, 93, 104].

Наконец, в 60-е гг. XX в. в исследовании А. И. Бычкова нашла свое продолжение и точка зрения Е. В. Тарле. А. И. Бычков отмечал, что продвижение армии Наполеона в глубь России существенно не отразилось на борьбе крестьянства. Крестьянские выступления в 1812 г. стали логическим продолжением многовековой борьбы крестьян против помещиков. Причины этих выступлений следует искать не в нашествии Наполеона, а в усилении крепостного гнета [6, с. 43-58].

Тема классовой борьбы крестьянства в 1812 г. была затронута и в монографии Н. А. Троицкого [23, с. 216-219].

В 2000 г. А. И. Попов подверг сомнению «однаправленность действия» антикрепостнической и патриотической тенденций в крестьянском движении. Он считает, что Отечественная война 1812 г. привела к обострению классовой борьбы крестьянства и, как следствие, «правительству и местным властям приходилось уделять этой проблеме большее, чем обычно, внимание, отвлекая часть вооруженных сил на подавление восстаний» [18, с. 16].

До настоящего времени малоизученным, и потому весьма перспективным, остается изучение проблемы классовой борьбы крестьян в «эпоху войны 1812 года» на материалах т. н. «тыловых губерний». Остановимся на рассмотрении крестьянских выступлений в Среднем Поволжье.

Подготовка и проведение военных кампаний 1812–1815 гг. потребовали от России увеличения военных расходов, основная тяжесть которых легла на податные сословия. Заключение Тильзитского мира пагубно отразилось на состоянии российской экономики и финансов. Присоединение России к континентальной блокаде привело к сокращению экспорта (прежде всего, пеньки и льна) и, как следствие, к резкому уменьшению экспортной выручки.

В этих условиях правительство попыталось найти иные источники увеличения государственных доходов. Важнейшее значение оно придавало усилению сборов с податных сословий. По утверждению М. М. Сперанского, при чрезвычайных обстоятельствах необходимо в первую очередь повышать подати и налоги на основе действующей податной системы [15, с. 29, 30]. Не случайно, по Манифесту 2 февраля 1810 г. подушная подать была значительно увеличена. Для крестьян она возросла с 1 руб. 55 коп. до 2 руб., для мещан и цеховых — с 2 руб. 55 коп. до 5 руб. Процент, взимаемый с купеческого капитала, был повышен с 1,25 до 1,75 [13, с. 75].

Значительно возросли и натуральные повинности. Постоянные рекрутские наборы, формирование ополчения, выполнение подводной, дорожной и квартирной повинностей

ухудшали и без того тяжелое положение податных сословий. Так, по подсчетам И. С. Максимова, крепостные крестьяне Нижегородской губернии с 1 ноября 1811 по 1 ноября 1812 г. поставили в рекруты, ополчение и погонщики по 26,5 человек с каждых 500 ревизских душ. Если рекрутские наборы навсегда вырывали из крестьянских хозяйств необходимую рабочую силу, то подводная повинность лишала их тягловой силы [13, с. 91].

Кроме того, в условиях военного времени податные сословия обязывались поставлять для действующей армии продовольствие и фураж, на них лежала обязанность снаряжения и обмундирования вновь формируемых полков, закупка верховых и подъемных лошадей для ополчения. По мнению И. С. Максимова, натуральные повинности крепостных крестьян Нижегородской губернии, связанные с войной, в денежном эквиваленте составили более 20 руб. с ревизской души [13, с. 92].

Следовательно, наполеоновские войны привели к усилению эксплуатации крестьянства и других податных сословий и вызвали ухудшение их положения, что, естественно, послужило источником роста недовольства народных масс и активизации их борьбы, о чем свидетельствуют многочисленные архивные материалы. В декабре 1812 г. советник Елагин доносил из Пензенской губернии, что «в здешнем народе есть искра склонности к бунту и возмущению по прежнему случаю, как в прошлом 1774 году во время возмущения Пугачева: ...сословие дворянства Пензенской губернии находится в великом страхе, а многие из деревень своих уехали в другие губернии, спасая жизнь свою» [20]. В Симбирской губернии также поговаривали о «всеобщем бунте», что «и принудило некоторых из дворян бросить свои поместья и разъехаться в разные стороны» [20, д. 113, л. 18].

В 1812 г. среди помещичьих крестьян средневожских губерний получили широкое распространение слухи о даровании им свободы.

Слухи об освобождении крестьян, распространявшиеся в Поволжье, были тесно связаны с именем М. М. Сперанского и

его ссылкой в Нижний Новгород. Граф Ф. В. Ростопчин писал императору, что Сперанский снискал расположение жителей этого города и сумел уверить их, что пострадал из-за своей любви к народу, которому «хотел доставить свободу», и что государь «принес его в жертву министрам и дворянам». В Пензенской губернии многие помещичьи крестьяне даже заказывали молебны за его здоровье и ставили свечи [21, с. 77, 78].

В 1812 г. ходили слухи и о том, что свободу крепостным должен дать Наполеон. В сентябре граф Ф. В. Ростопчин сообщал Александру I, что среди солдат распространился опасный слух, «будто бы наш государь для того дал возможность Бонапарту проникнуть в Россию, чтобы французский император именем его (Александра) провозгласил свободу» [21, с. 79, 80]. Безусловно, слухи о даровании вольности распространялись под влиянием французской пропаганды. В сентябре 1812 г. О. А. Поздеев писал из Вологды С. С. Ланскому, что «французы распространяются всюду и проповедуют о вольности крестьян, то и ожидай всеобщего (восстания)».

Очевидно, предпринимая попытки распространения среди крепостных крестьян идей свободы, Наполеон действовал через своих шпионов. Известно, что еще в мае 1812 г. он предписывал министру иностранных дел Г.-Б. Маре «заложить очаги восстания» внутри России усилиями специальных агентов [23, с. 220]. В январе 1813 г. нижегородский губернатор сообщал князю Г.С.Голицыну, что в Макарьевском уезде был пойман французский шпион, крестьянин Витебской губернии Степан Рычков. Из его показаний выяснилось, что он «и еще два поляка и два француза отправлены из Смоленска, где была квартира Наполеона, в низовые губернии, а именно: он до Перми, а прочие четыре человека до Казани, для разглашения крестьянам, что будет дана им свобода и чтоб потому отложились от повиновения и предались французам» [7].

Вопрос о том, почему Наполеон не отменил крепостное право в России, неоднократно поднимался в

отечественной исторической науке [24, с. 78, 79; 10, с. 80, 81; 23, с. 219-221; 19, с. 38, 39]. Сам Наполеон в речи к сенату 20 декабря 1812 г. так комментировал свою позицию: «Я мог бы поднять против нее [России. – С. Б.] большую часть ее собственного населения, провозгласив освобождение рабов... Но когда я узнал грубость нравов этого многочисленного класса русского народа, я отказался от этой меры, которая обрекла бы множество семейств на смерть, разграбление и самые страшные муки» [23, с. 220].

Н. А. Троицкий, соглашаясь с Е. В. Тарле, отмечал, что «Наполеон не захотел разнуждать стихию народного бунта, после чего «не с кем» было бы заключить мирный договор. Ради сохранения возможности договориться с императором Александром император Наполеон после некоторых колебаний отказался от того, на что, не колеблясь, пошел бы генерал Бонапарт» [23, с. 220].

Для крестьянского движения в Среднем Поволжье в «эпоху войны 1812 года» были характерны различные методы борьбы, проявлявшиеся как в пассивной, так и активной формах. Крестьяне применяли все те виды социального протеста, которые традиционно использовались ими и ранее.

К пассивным методам борьбы относились подача прошений о вольности, побеги, отказ от выполнения работ. Крестьяне могли доказывать свое право на свободу судебным порядком. Чаще всего они искали судебную защиту, основываясь на своем происхождении. Так, крестьяне д. Игнатовой Поляны Нижнеломовского уезда подали прошение в Пензенскую палату уголовного суда, в котором искали вольность от своего помещика Загорского на том основании, что их прадеды были вольными людьми и в ревизских сказках до 1782 г. писались «из поляков». По 5-й ревизии в 1795 г. они были записаны крепостными, хотя помещик не имел на них никаких крепостных актов [7, ф. 23, оп. 1, д. 170, л. 103-105]. В 1815 г. князь П. А. Волконский подал жалобу в Сенат на саратовское

губернское начальство, которое, по его мнению, не принимало должные меры к приведению в повиновение его крестьян в с. Перевесенки Балашовского уезда. Часть этих крестьян являлись потомками украинцев, ранее поселившихся здесь на свободных землях и считавших себя неправильно закрепощенными, о чем ими и был подан судебный иск о воле [10, с. 270].

Зачастую неповиновение крестьян возникало при передаче их другому владельцу. Этот факт они использовали как повод для выхода из крепостной зависимости. Например, подобное выступление крестьян произошло в с. Кутле Мокшанского уезда. Их борьба с целью выхода из крепостной зависимости продолжалась с перерывами с 1813 по 1818 гг. Дважды, в декабре 1817 и феврале 1818 гг., в село вводилась воинская команда, состоявшая из солдат Пензенского гарнизонного батальона. Лишь после ареста всех руководителей выступления крестьяне прекратили борьбу [12, с. 393-401].

Другой формой борьбы крепостных крестьян являлись побеги. В материалах уездных судов довольно часто встречаются объявления и жалобы помещиков о розыске беглых крестьян. В «эпоху войны 1812 года» наблюдалось увеличение числа побегов, что можно связать как с усилением эксплуатации крестьян, так и постоянными рекрутскими наборами и сбором ополчения. Например, если с 1789 по 1811 гг. из Усольской вотчины графа В. Г. Орлова бежало 65 крепостных (в среднем 2,8 человека за год), то в 1812–1814 гг. – 22 (в среднем 7,3 человека за год). На основе изучения «Журналов» заседаний Краснослободского уездного суда можно сделать вывод о том, что в 1812 г. по сравнению с предыдущими годами количество побегов возросло более чем в 2 раза [13, с. 142].

Некоторые беглые, скрываясь в лесах, составляли разбойничьи шайки. Сохранившаяся в фонде Усольского вотчинного правления переписка детально характеризует обстановку вокруг вотчины в 1812–1815 гг. Так, в 1812 г. управитель В. Фомин требовал

от старост «не накапливать у себя суммы, а сколько наберется, тотчас представлять в контору, которая охраняется крестьянским караулом», по причине того, что «открылась опасность от разбойников». Осенью 1812 г. форшмейстер Ширяев писал, что «на Волге ниже Ставрополя открыта шайка более 20 человек, вооруженных ружьями и пушками», и советовал снаряжать «для охраны конторы в караул молодых людей с ружьями или цепями». Если ранее шайки разбойников «в здешних местах» появлялись только летом, то с 1812 г. в близлежащих лесах и Жигулевских горах они замечались круглый год. Например, в 1814—1815 гг. на территории вотчины прозимовали 7 разбойников [8].

Протест крепостных крестьян мог выражаться в отказе от выполнения различных повинностей, который нередко перерастал в сопротивление действиям местных властей. Так, в феврале 1814 г. начались волнения крестьян в с. Чекашевы Полянки Инсарского уезда. Поводом к выступлению послужило то, что крестьяне, ранее принадлежавшие графине Безбородко, посчитали, будто бы они были не куплены новым господином, сенатором Обресковым, а «завладены силою». Крестьяне отказались выходить на господские работы, мотивируя свои действия тем, что из-за недостатка кормов их лошади сильно отощали. Они жаловались на отсутствие хлеба и малоземелье, требуя уравнивания их в земле с крестьянами соседнего села [20, ф. 1281, оп. 11, д. 98, л. 29].

Следующей формой социального протеста крестьян была самовольная запашка помещичьих земель, косьба трав и порубка леса, а также самовольный вывоз с полей помещичьего хлеба и сена. Так, в ходе генерального межевания на помещиков были отписаны почти все сенокосные угодья в пойме р. Мокши, которыми ранее владели крестьяне с. Пурдошки Краснослободского уезда. На протяжении многих лет крестьяне пытались легально отстаивать свои права на пойменные луга, но безуспешно. Не видя иного выхода, летом 1813 г.

более 500 человек самовольно вышли на свои бывшие сенокосные владения на сенокос. Земский исправник, прибывший в село, потребовал от них прекратить работу, а скошенное сено свезти к помещичьим усадьбам. Крестьяне ответили отказом и заявили, что пусть «государь что хочет, то и делает, а они не перестанут косить». Около двух лет крестьяне с. Пурдошки продолжали борьбу за пойменные луга и прекратили ее только после прихода воинской команды [13, с. 148].

К этой форме социального протеста близко примыкает и порча крестьянами господского сельскохозяйственного и иного инвентаря. Интересно, что в этот период к поломке фабричных и заводских машин начинали прибегать и рабочие. В августе 1812 г. владелец Инсарского чугуноплавильного завода Никонов сообщал уездному предводителю Машкову, что мастеровые «делают ему ослушание», не исполняют всех при заводе работ, приходят не с рассветом, а перед обедом, и «сверх же сего нарочито ломают при домне те инструменты, от которых останавливается действием чугуноплавильная домна, которая в этом году задута была уже в третий раз» [7, д. 402, л. 2].

В «эпоху войны 1812 года» заметно увеличилось число поджогов поместий, избиений, попыток убийств и убийств помещиков, членов их семей и представителей администрации. Так, в ноябре 1812 г. в Мокшанском уезде произошло покушение на жизнь дочери ассессора Дмитриева. Ночью к ней в комнату пробрались дворовые девки и попытались ее задушить. Они рассчитывали на то, что это преступление не будет раскрыто, а «оставшая госпожа Евгения Дмитриевна [вторая дочь ассессора Дмитриева. — С. Б.] одна не будет иметь при себе излишек девок и по совершенному возрасту их отдаст в замужество, и они будут жить своими домами» [7, д. 423, л. 12]. В 1814 г. был раскрыт заговор с целью убийства управителя, который организовали «ружейники», охранявшие контору Усольской вотчины. Преступления не произошло, так как один из участников заговора выдал своих товарищей. Заговорщики

отделались достаточно легким наказанием: они были отданы на принудительные работы в самой вотчине сроком на 1 год, и лишь крестьянин Бочкарев был определен на поташный завод «на всю жизнь» [10, с. 448].

С другой стороны, следует отметить, что гораздо большее место в борьбе крестьян стали занимать те методы, которые прямо вытекали из реалий военного времени. Прежде всего, речь идет о побегах и неповиновении властям с целью избежания рекрутства или отдачи в ополчение.

Так, в 1812 г. при проведении 82-го набора чембарский земский исправник Щетинин доносил пензенскому губернатору князю Г. С. Голицыну, что он был в казенных селениях с. Маче и дд. Куликовке и Кукарке для объявления их жителям высочайшего манифеста. «И оных деревень соцкие с лучшими людьми, — писал он, — показали, что состоящие у них на рекрутской очереди обыватели все почти побегом скрылись, и просят для удержания на будущее время от подобных побегов представить их к отдаче после явки в зачет будущих наборов, а отцов или сродственников, которые непосредственно знают о настоящем их укрывательстве, но не объясняют и делают тем всякое пособие на уклонение от государственной повинности, а миру отягощение не отдачею в срок и убытки через платеж штрафов на излишние проезды, предавать суду» [7, д. 425, л. 24]. Пензенский губернатор распорядился, что если «состоящие на очереди в казенных селениях семейства разбежались, то по сей необходимости высылать годных на службу из семейств, под очередью состоящих, а бежавших, когда явятся в селении, предоставить обществам представлять в зачет будущих наборов неукоснительно, дабы не было поводу другим делать подобные побег» [7, д. 425, л. 25].

В начале ХІХ в. массовый характер приобрело и членовредительство, к которому прибегали рекруты с целью избавления от тяжелой солдатской службы.

В делах Городищенского уездного суда за 1804—1812 гг. удалось обнаружить сведения о 19 случаях членовредительства среди ясашных и помещичьих крестьян, проживавших на

территории уезда [7, ф. 30, оп. 1, д. 32, л. 2; д. 46, л. 1, 37; д. 49, л. 1; д. 64, л. 2-3; д. 69, л. 1; д. 70, л. 1; д. 72, л. 4; д. 82, л. 1; д. 93, л. 5; д. 155, л. 1; д. 179, л. 1; д. 185, л. 1; д. 196, л. 3, 4]. Случаи членовредительства рекруты и члены их семей обычно пытались представить как случайность и заручиться показаниями свидетелей. Так, ясашный крестьянин д. Годяйкиной Василий Дмитриев «недели за две перед Рождеством Христовым при обделывании в избе деревянных лопат без всякого умысла, не для убежания рекрутской очереди, а единственно от нечаянности, отсек у себя левой руки указательного пальца первой сустав, причем были пришедшие в тот день поутру оной же деревни крестьяне Степан Иванов и Григорий Антипов» [7, ф. 30, оп. 1, д. 72, л. 4]. Иногда дело доходило до смешного. Так, крестьянин дочерей покойного генерал-лейтенанта И. В. Левашова, девиц Татьяны, Екатерины и Анастасии с. Лопуховки Игнатий Анисимов, говоря о поврежденном большом пальце левой руки, заявил, что его откусила лошадь, когда он показывал кукиш [7, ф. 30, оп. 1, д. 197, л. 1].

Однако, безусловно, эта форма протеста против рекрутчины была более распространенной. В. Н. Бочкарев отмечает, что в Старорусском уезде Новгородской губернии во время наборов 1812 г. были обнаружены случаи массового членовредительства: из 252 представленных рекрутов 41 человек оказались «с отрезанными пальцами и с растравленными ранами на руках и ногах».

Иногда отдельные крестьяне или даже мирское общество в целом по тем или иным причинам отказывались выполнять рекрутскую повинность, что особенно проявилось в 1812—1813 гг., когда податное население было буквально задавлено рекрутскими наборами и сбором ополчения. Свои опасения по этому поводу неоднократно высказывал в своих письмах из Вологды О. А. Поздеев: «рекрутами крайне мужики отягощены, а нынешний год третий раз рекрутство», «при этакое частом и строгом рекрутстве и наборах ожидай всеобщего

бунта против Государя, и дворян и приказчиков, кои власть Государя подкрепляют» [17, с. 102, 106]. Так, ямщик Чинской Слободы Краснослободского уезда Матвей Николаев оказал сопротивление обывателям во время его отдачи в рекруты, «причем у одного из них рассек топором одежду, а у другого спину» [7, ф. 6, оп. 1, д. 345, л. 853]. Дворовый человек саранского помещика Скребнева Филипп Иванов при отдаче его в ополчение заявил, что «ежели отдадут ево в ратники, то он первый их [своих господ. – С. Б.] перевешает [7, ф. 6, оп. 1, д. 348, л. 474].

Мастеровые Инсарского чугуноплавильного завода Никонова не выставили рекрутов по 79-му, 81-му и 82-му наборам и отказались поставлять ратников во внутреннее ополчение на том основании, что «считали себя не владельческими крестьянами, а приписанными к заводу мастеровыми, с которых по высочайшему указу 9 ноября 1800 г. рекрутов брать не велено». В сентябре 1812 г. казенные крестьяне Болдовской волости Инсарского уезда отказались выставить рекрутов по 83-му набору, мотивируя это тем, что «у них... как рекрут, так и положенной на них одежды еще нет, да и приготовления по оному еще не начато» [7, ф. 6, оп. 1, д. 347, л. 135, 150, 151].

Особое место среди социальных конфликтов, происходивших в Среднем Поволжье, занимают волнения ратников Пензенского ополчения в декабре 1812 г. Эти волнения, на наш взгляд, не имели сколько-нибудь заметной антикрепостнической направленности. Скорее они явились следствием негативного восприятия крестьянами формирования земской милиции 1806–1807 гг. и роспуска ополчения в соседней Тамбовской губернии [3, с. 107-125]. Антикрепостнические настроения среди ратников в полной мере могли распространиться в ходе заграничных походов русской армии 1813–1815 гг. как под влиянием существовавших в их среде иллюзий об освобождении из крепостной зависимости всех крестьян, участвовавших в ополчении, так и в результате знакомства с жизнью тех народов, у которых давно не существовало крепостного права. Возвращение ратников домой после окончания заграничных

походов порождало еще одну форму крестьянского протеста – отказ от повиновения помещикам крестьян-ратников. Декабрист А. А. Бестужев не без оснований писал: «Еще война длилась, когда ратники, возвратясь в дом, первые разнесли ропот в низшем классе народа. Мы проливали кровь, говорили они, а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили Родину от тирана, а нас вновь тиранят господа. Войска от генералов до солдат, пришедши назад, только и толковали, как хорошо в чужих землях. Сравнение со своими естественно произвело вопрос, почему же не так, как у нас... Злоупотребления исправников стали заметнее обедневшим крестьянам, а угнетения дворян – чувствительнее, потому что они стали понимать права людей» [11, с. 35, 36]. Поэтому далеко не случайно, что помещики практиковали сдачу ратников ополчения в рекруты. Так, в Симбирской вотчине графа В. Г. Орлова из 56 возвратившихся в 1815 г. домой ополченцев 16 человек были отданы в том же году в рекруты «за слабое поведение», «распутство», «грубость и непослушание». В Городецкой вотчине графа В. Г. Орлова из 30 человек в рекруты было отдано 24. Сдачу бывших ратников ополчения в рекруты поощряло и центральное правительство. По предписанию, изданному в 1815 г., «воинов, которые, возвратившись из ополчения, окажутся непослушными или беспокойными, было разрешено принимать в рекруты с теми изъятиями, которые были допущены по 83-му, 84-му и 85-му рекрутским наборам». Тем самым, помещики получили возможность легально избавляться от крестьян-ратников, вносивших беспокойство и смуту в их имения [13, с. 148, 150].

Таким образом, следует отметить, что в «эпоху войны 1812 года» крестьянское движение в Среднем Поволжье получило свое дальнейшее развитие. Наблюдался не только количественный рост крестьянских выступлений, но и изменение традиционных методов борьбы. Причины роста крестьянских выступлений необходимо искать, прежде всего, в усилении эксплуатации податных сословий, происходившей под влиянием наполеоновских войн.

Для крестьянского движения в этот период были характерны различные методы борьбы, проявлявшиеся как в пассивной, так и активной форме. Крестьяне применяли все те виды социального протеста, которые использовались ими и ранее: подача прошений о вольности, побеги, отказ от выполнения помещичьих работ, самовольная запашка помещичьих земель, порубка леса, самовольный вывоз с полей помещичьего хлеба и сена, порча господского сельскохозяйственного и иного инвентаря, поджоги поместий, избиение и убийство помещиков, членов их семей и представителей помещичьей администрации.

Целый ряд выступлений связан с попыткой крестьян освободиться от крепостной зависимости. Это явилось следствием как монархических иллюзий в крестьянской среде, связанных с тем, что после победы над Наполеоном им будет дарована свобода, так и распространившихся в Среднем Поволжье слухов о том, что свободу крестьянам должен предоставить сам Наполеон. Идеи свободы среди крестьянского населения особенно усилились после окончания заграничных походов и возвращения домой ратников ополчения.

Нередко выступления крестьян, начавшись легально, в частности, с подачи прошений о вольности, затем перерастали в отказ от выполнения различных повинностей в пользу помещиков и даже в неповиновение местным властям.

Вместе с тем, гораздо большее место в крестьянском движении стали занимать методы борьбы, вытекавшие из реалий военного времени. Прежде всего, побеги и неповиновение властям с целью избежания рекрутства или отдачи в ополчение.

Губернские власти вынуждены были держать наготове значительные воинские отряды [21, с. 78], которые можно было бы направить на подавление крестьянских выступлений, что, без сомнения, отвлекало необходимые вооруженные силы для борьбы с наполеоновской армией.

Примечания

1. Абалихин Б. С. Особенности классовой борьбы в России в 1812 г. / Б. С. Абалихин // Из истории классовой борьбы в дореволюционной и советской России. — Волгоград, 1967.
2. Андреев П. Г. Смоленская губерния в Отечественной войне 1812 года / П. Г. Андреев. — Смоленск, 1959.
3. Белоусов С. В. Волнения ратников Пензенского ополчения в декабре 1812 года / С. В. Белоусов // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIV Всероссийской научной конференции. Бородино, 4-6 сентября 2006 г. — М., 2007.
4. Брюллова-Шаскольская Н. В. Крестьянские волнения в годы наполеоновских войн / Н. В. Брюллова-Шаскольская. — М., 1931.
5. Бычков Л. Война 1812 г. и крестьянство России / А. И. Бычков // Русский народ и война 1812 г. — Сталинград, 1938.
6. Бычков А. И. О классовой борьбе в России во время Отечественной войны 1812 г. / А. И. Бычков // Вопросы истории. — 1962. — № 8.
7. Государственный архив Пензенской области. — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 468.
8. Государственный архив Ульяновской области. — Ф. 147. — Оп. 14. — Д. 3, 18, 24; Оп. 18. — Д. 29.
9. Гуковские З. и Г. Крестьяне в 1812 году / З. и Г. Гуковские. — М., 1932.
10. Игнатович И. И. Крестьянское движение в России в первой четверти XIX в. / И. И. Игнатович. — М., 1963.
11. Из писем и показаний декабристов / Под ред. А. К. Бороздина. — Спб., 1906.
12. Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг. / Сборник док-тов / Под ред. С. Н. Валка. — М., 1961.
13. Максимов И. С. Повинности населения России в связи с военными кампаниями 1812—1814 гг. / И. С. Максимов // Исторические и политические науки в контексте с современной культурной традицией: Мат-лы IV Сафаргалиев. науч. чтений. — Саранск, 1999.

14. Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 г. / А. И. Михайловский-Данилевский. — Спб., 1839. — Т. 4.
15. Неупокоев В. И. Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII — начале XIX в. / В. И. Неупокоев. — М., 1987.
16. Окунь С. Б. Русский народ и Отечественная война 1812 г. / С. Б. Окунь // История СССР. — 1962. — № 4.
17. Письма из эпохи 1812—1815 годов // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников. — М., 2001.
18. Попов А. И. О классовой борьбе крестьянства в 1812 г. / А. И. Попов // Самарский исторический ежегодник. 1999. — Самара, 2000.
19. Попов А. И. Белорусский эксперимент Бонапартия / А. И. Попов // Родина. — 2002. — № 8.
20. Российский государственный исторический архив. — Ф. 1286. — Оп. 2. — Д. 289.
21. Семевский В. И. Волнения крестьян в 1812 г. и связанные с Отечественной войной / В. И. Семевский // Отечественная война и русское общество. — М., 1912. — Т. 5.
22. Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год / Е. В. Тарле. — М., 1938.
23. Троицкий Н. А. 1812. Великий год России / Н. А. Троицкий. — М., 1988.

УДК 94(47).08

Роль протекции в карьере российского чиновника середины XIX — начала XX вв.*

Шатохин И. Т.

Shatokhin I. T. The Role of Protection in a Career of a Russian Official in mid. XIX — early XX cent. On the basis of the sources of personal origin the author considers the officials' attitude towards different kinds of carrier protection and gives their characteristics as well.

Keywords: officialdom, social psychology, protection.

Шатохин И. Т. Роль протекции в карьере российского чиновника середины XIX — начала XX вв. В статье на основе анализа источников личного происхождения рассматривается отношение чиновников к различным видам служебной протекции и дается их характеристика.

Ключевые слова: чиновничество, социальная психология, протекция.

Шатохин І. Т. Роль протекції в кар'єрі російських чиновників середини ХІХ — початку ХХ ст. В статті на основі аналізу джерел особового походження розглядається ставлення чиновників до різних видів протекцій та надається їхня характеристика.

Ключові слова: чиновництво, соціальна психологія, протекція.

* Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 годы», Государственный контракт № 16.740.11.0545 от 23.05.2011 г.

Построение карьеры российскими чиновниками в рассматриваемый период редко обходилось без использования чьего-либо покровительства. Однако авторы многочисленных трудов, обращавшихся к изучению проблем теории и практики государственной службы в Российской империи, не занимались специально рассмотрением вопросов места, роли и способов служебной протекции в карьерном росте российского чиновничества. Обычно исследователи либо рассматривали протекцию как составляющую всего комплекса негативных проявлений в деятельности чиновничества [19], либо как констатация того, что это проявление бюрократизма имело место и было непрямым, широко распространенным способом в продвижении государевых слуг по чинам и должностям [10; 11; 12; 13; 15]. Протекцию, как важную составляющую подбора достойных кандидатов на должности губернаторов в первой половине ХІХ века, рассмотрела А. Н. Бикташева в контексте кадровой политики Александра І и Николая І, а также их министров внутренних дел [3, с. 80-106].

К 1860-м годам протекция настолько глубоко проникла во все поры государственного механизма на всем пространстве империи, что стала обычным и обыденным явлением. Так, в 1861 году 75-летний помещик Фатежского уезда Курской губернии Ф. А. Бухвостов был безоговорочно уверен, что «у нас в провинции не честь служит повышением чиновника, а протекция». Поэтому он и предлагает оказавшему ему услуги и симпатичному становому приставу Н. Давыдову протекцию у самого императора Александра ІІ, считая полицейского чиновника вполне достойным служебного продвижения или награды, так как в помещичьей среде уезда за становым закрепилось мнение — «честный бессеребряник» [7, с. 429]. Датчанин Андрей Кофод, долго живший и служивший в России, без стеснения пишет, что в конце ХІХ — начале ХХ века жизнь его «проходила если не слишком однообразно, то все

же довольно буднично. Должности, которые я занимал до сих пор, я получал по знакомству, это еще называется протекцией. Когда же меня выгоняли, я, как правило, был сам, прямо или косвенно виноват в этом» [1, с. 172].

Протекция, как широко распространенное явление, нашла отражение в таком важном источнике, зафиксировавшем смысловые оценки обществом всех существенных жизненных реалий эпохи, каким является словарь В. И. Даля. Он закрепил бытовавшее в обществе значение глагола «протектировать» как «покровительствовать, заступничать, заставлять, держать любимцем, давать ход не по заслугам» [8, с. 1354]. Как видим, отношение российского общества к протекции в среде чиновничества в рассматриваемый период было снисходительным, хотя подразумевалось, что само явление имеет явно негативный оттенок. Поэтому гораздо чаще чиновники о том, что их протектировали при устройстве на службу, предпочитали по разным причинам не упоминать в своих мемуарах или же делать это полунамеками. Например, М. Ф. Громницкий так начинал свои воспоминания: «Весной 1864 года я был назначен на должность губернского по уголовным делам стряпчего в Воронеж. Перед тем и, конечно, по поводу этого назначения я прожил три месяца в Петербурге» [6, № 2, с. 49].

Когда же речь заходила о протектировании других, то тот же автор, не стесняясь, не раз писал об этом. Вот, например, наиболее яркий эпизод из его воспоминаний, иллюстрирующий саму процедуру протектирования. М. Ф. Громницкий рассказал, как он решал вопрос о назначении своего знакомого на желанную для него должность: «...подавленный тяжестью полученных зараз наград и повышений (сенатор, старший председатель одесской судебной палаты, тайный советник и кавалер ордена Станислава 1-й степени), Шахматов осенью 1868 г. по дороге из Петербурга в Одессу остановился на несколько дней в Москве; ему любезно уступлена была прежняя

его квартира в казенном доме (ныне Континенталь); здесь он принимал ежедневно массу просителей, стремившихся на юг. Один мой знакомый, желавший также получить место товарища прокурора окружного суда на юге и зная мои прежние отношения к Шахматову, просил меня замолвить за него слово. Откровенно признаюсь, я обрадовался случаю увидеть его в величии и славе. На другой день часов в 12 я вошел в обширную залу в нижнем этаже, где застал солидную толпу просителей, стоявшую среди комнаты: прием еще не начался. Я просил доложить о себе и тотчас же был введен в маленький соседний кабинет. Шахматов сидел за столом в форменном фраке со звездой. «Как я рад вас видеть! – обратился он ко мне с веселою улыбкой, переходя на другое кресло возле маленького столика и предлагая мне курить, – неужели я могу что-нибудь сделать и для вас?» Я объяснил ему причину моего визита. «Жаль, что вы просите не о себе, с какою бы охотою я сделал все для вас, что в моих силах; можете сказать вашему знакомому, что он получит место». (Он его и получил). ... Узнавши от меня, что с переводом Д. А. Ровинского в председатели судебной палаты и моя служба стала далеко не безоблачна, он мне тотчас же предложил ехать в Одессу на место товарища прокурора судебной палаты, ручаясь головою, что в следующем судебном округе (Казанском – 1870 года) я получу место прокурора судебной палаты. Я поблагодарил, но отказался» [6, № 3, с. 71].

Этот рассказ дает нам представление о том, насколько просто порой можно было по протекции получить приличную должность в провинции, если знать к кому обратиться за поддержкой. С другой стороны, автор не называет своего знакомого ни по имени, ни инициалами, даже никак не намекает читателю, кто это мог быть. Таким намеком могли быть обстоятельства предыдущей или последующей службы, характер и детали служебных или личных взаимоотношений с автором и т. п. Тем самым, как нам представляется, автор подчеркивает обыденность и привычность протекции, а также

не желает привлекать внимание к способу продвижения по службе своего, вероятно, еще живущего на момент написания текста воспоминаний хорошего давнего знакомого. Последнее допущение может служить косвенным подтверждением негативного отношения автора и его референтного круга к протекции на государственной службе.

Так как протекция была распространенным явлением в многочисленных канцеляриях, присутствиях, департаментах, во всех столичных и провинциальных коронных учреждениях, то её ищут, предлагают и принимают, констатируют и высмеивают. А потому протекция нашла свое отражение в многочисленных источниках. О ней писали мемуаристы, публицисты, писатели. Она становилась очень удачной мишенью для критики и сатиры в популярных журналах. Так, молодой А. П. Чехов публикует в 1883 году в юмористическом журнале «Осколки» короткий рассказ «Репка». В вольном «переводе с детского» народной сказки автор иронизирует над усилиями родственников вывести Сержа с длинными ушами и репкой вместо головы в люди. Только благодаря купцу с его сторублевками дед с бабой, теткой-княгиней и кумом-генералом «вытянули голову-репку в люди. И Серж стал статским советником» [17, с. 64]. В целом в произведениях А. П. Чехова слово «протекция» в связи с чиновниками разного калибра упоминается не менее 14 раз.

Отправной точкой в социально-психологической мотивации протекции является потребность чиновника в карьерном росте, что заложено самой природой и законодательством о гражданской службе. При этом в практике службы могло и не быть объективных оснований для использования чиновником протекционных схем: не было у него конфликта с непосредственным начальством, никто не сомневался в его профессиональных качествах и не чинил препятствий в карьерном продвижении. Однако желание с помощью протекции ускорить или гарантировать получение очередного или внеочередного повышения в классном чине, перемещения на

более доходную должность, в более благоприятную местность, поощрение орденом толкали служилый люд на поиск и использование самых разных способов протекции. В этом случае объективным основанием для возникновения такого желания у честно служившего чиновника могли стать обида и зависть, рожденные карьерными успехами сослуживцев, знакомых, друзей, которые добивались их не упорной и добросовестной службой, а протекцией. А так как это не было секретом в относительно небольшой чиновничьей среде, особенно в провинции, ведь порой сами протезируемые при всяком удобном случае в образах и красочных картинах рисовали саму процедуру достижения ими успеха, то чиновники, не планировавшие ранее прибегать к такого рода способам для своего карьерного роста, загорались идеей пойти теперь тем же путем.

Попытаемся определить, какие же конкретные способы протекции могли использовать российские чиновники в провинции в рассматриваемый период. Исходя из социально-психологической мотивации людей, оказывавших протекцию, нами ранее была предложена и проиллюстрирована следующая классификация протекции: 1) коррупционная протекция; 2) альтруистическая протекция; 3) протекция родственников; 4) дружеская протекция; 5) корпоративная протекция [18]. Дальнейшее исследование этой проблемы выявили неполноту и ограниченность выше приведенной классификации. Поэтому она должна быть дополнена, по крайней мере, следующими составляющими: 6) «амурная» протекция; 7) протекция себя; 8) контрпротекция; 9) комбинированный вариант протекции.

Если смотреть на особенности протекции с позиции протезируемого, то можно выстроить следующую иерархию видов протекции по принципу усложнения их морально-материальной затратности и доступности.

На первое место, по нашему мнению, следует поставить корпоративную протекцию, поскольку она является результатом, прежде всего, качества службы протезируемого,

свидетельство его профессионализма и личных деловых качеств (дисциплинированность, порядочность, высокая работоспособность, обучаемость, ответственность, оперативность и т. п.). При этом, следует такую протекцию отделять от рутинных служебных перемещений, построенных на механическом, бюрократическом движении служащих по чинам и должностям в соответствии с предписанными нормами правил, положений и инструкций. При корпоративной протекции, в отличие от банального служебного перемещения, протезирующий имеет личный интерес и прилагает дополнительные усилия по продвижению своего кандидата. Это могло выражаться в более лестной и качественной характеристике протезируемого (при необходимости пода сведения о нескольких кандидатах). Это могло сопровождаться личным неофициальным или полуофициальным письмом с четко прописанным пожеланием выгодного автору письма решения кадрового вопроса; либо протезирующий лично во время визита обращался к должностному лицу, в компетенции которого находился вопрос о назначении и перемещении протезируемого лица. При корпоративной протекции протезируемый, как правило, не прилагал каких либо усилий со своей стороны для этого, а иногда он и не знал о намерении своего непосредственного начальника дать ход его карьере. Так, в 1887 году, 13 лет спустя, чиновник особых поручений при курском губернаторе И. Т. Плетнев случайно узнал, что его прежний начальник – товарищ прокурора Курского окружного суда А. А. Мартынов – «души в нем не чаял», «высоко ценил его работу», желал его «во что бы то ни стало провести в судебные следователи». И это, вероятно бы, удалось, потому что А. А. Мартынов имел поддержку в этом опросе своего начальника – прокурора К. Д. Анциферова. А И. Т. Плетнев считал А. А. Мартынова «черствым, эгоистичным человеком» [16, с. 865].

Следующий по важности и значимости для протезируемых, вероятно, могла быть дружеская протекция, так как друзья, как правило, знали не только личные, но и профессионально-

деловые качества друг друга. Хотя зачастую друзья не критично относились к оценке профессионализма товарищей, а потому продвигали их, опираясь, прежде всего, на личные симпатии и привязанность. На такую негативную для интересов дела сторону дружеской протекции обращал внимание в своих мемуарах С. Ю. Витте. Начиная свою службу после университета в железнодорожном ведомстве, он столкнулся с системным проявлением дружеской протекции такого рода среди выпускников Института инженеров путей сообщений: «...они держатся кагального устройства: все, кто не принадлежит к числу инженеров путей сообщений, никуда не годны; а если это инженер путей сообщений, их товарищ, то, как бы он плох ни был, его всюду совали» [4, с. 256]. В этом суждении сквозит вполне объяснимая неприязнь С. Ю. Витте к корпоративности инженеров путей сообщений. Это ответная реакция амбициозного человека на то, как враждебно принимала его — не инженера — эта закрытая среда в начале карьеры. Следует отметить, что очень часто дружеская протекция строилась, опираясь на корпоративный дух, специально культивируемый в учебных заведениях, а также формирующийся в служебной деятельности любого ведомства. Поэтому симбиозная корпоративно-дружеская протекция, возникающая в этих условиях, может быть отнесена как одна из разновидностей к протекции комбинированного вида.

Третью позицию, на наш взгляд, должна занимать самопротекция, потому что она также не была связана для протектировавшегося с издержками материального плана, хотя и сопровождалась некоторым моральным напряжением. Далеко не каждый чиновник или претендовавший на чиновничье место имел достаточно смелости и решимости добиваться для себя должности или служебного повышения. Почти, анекдотический случай, связанный с самопротекцией, рассказал в своих воспоминаниях М. Ф. Громницкий. В 1860 году в приемную пензенского губернатора Е. П. Толстого пришли «два молодых семинариста. «Вам что угодно?» — спрашивает

губернатор. «Насчет местечка», — отвечают те. Он указывает им на стулья. «Садитесь», — говорит он, а сам продолжает обходить других посетителей. Обошел и переговорил со всеми, а потом удивленно, останавливаясь перед сидевшими семинаристами, восклицает: «Чего же вам еще нужно?». «Да мы насчет местечка», — снова отозвались те. «Но ведь я вам дал местечко, каждому по стулу, чего же еще? Больше ничего не могу, идите». При дружном хохоте не разошедшейся еще публики сконфуженные семинаристы удалились прочь» [6, № 12, с. 54-55]. Конечно, далеко не все соискатели служебных мест и карьерного продвижения попадали в такую неприятную ситуацию.

К самопротекции прибегали чиновники самого разного уровня, в том числе и высокопоставленные. По ряду причин самопротекция была им более доступна, так как они уже имели определенные заслуги и авторитет, лучше осознавали свои способности и соизмеряли свои амбиции с возможностью занять ту или иную вакантную должность. Например, А. В. Бельгард, будучи в 1901 году членом Совета Главного управления по делам печати МВД, письменно обратился к министру внутренних дел Д. С. Сипягину с просьбой о новом назначении. Вот как он об этом вспоминал: «Хотя и по занимаемой мной должности четвертого класса, и по моей прежней службе я имел все права на то, чтобы просить о предоставлении мне должности губернатора, но мне не хотелось пользоваться родством моей жены с Сипягиным, с которым у меня были давние близкие отношения еще с того времени, когда он был курляндским губернатором, чтобы просить его если не о повышении по службе, то, во всяком случае, о назначении, которого так многие усиленно добивались. Поэтому, уезжая из Петербурга, я оставил Сипягину формальную докладную записку, в которой просил о назначении меня по возвращении из отпуска вице-губернатором. Вместе с тем, однако же, я добавил, что занимаемая мною должность четвертого класса и моя прежняя служба дают мне право рассчитывать на получение назначения в одну из

центральных губерний. Втайне я думал, что Сипягин сам поймет, что должность вице-губернатора является для меня незаслуженным понижением, так как я, таким образом, с должности четвертого класса переходил на должность пятого класса и от почти независимого положения к подначальному, да еще со значительным уменьшением жалованья. Я надеялся потому, что он сам предложит мне место губернатора. Но этого не случилось» [2, с. 69-70].

Приведенная цитата, на наш взгляд, является наиболее ярким примером самопротекции, раскрывающим не столько открытую аргументацию, но и скрытые мотивы и желания претендента. При этом, автор как о достоинстве говорит о нежелании действовать через свою жену — двоюродную сестру министра внутренних дел Д. С. Сипягина, что, по его мнению, было недостойным, хотя и вполне успешным способом достижения желанной цели. А. В. Бельгард обращается к министру лично и официально (посредством докладной записки), хотя надеется и делает ставку при этом на свои «давние близкие отношения» с министром. Возможно, автор предполагал и надеялся на то, что родственные связи сработают автоматически, или у автора были какие-то резоны не обращаться лично к министру. Как бы то ни было, но заветной должности он не получил.

Высокая ценность и значимость для чиновника самопротекции, на наш взгляд, должна была быть еще и потому, что, прибегая к ней, служащий испытывал прочность своего авторитета как профессионала в начальственной среде, силу своего личного влияния и своих связей. И если он получал просимое, то приобретал дополнительную уверенность в своих силах, которую сразу же стремился продемонстрировать сослуживцам для закрепления в их глазах своего достижения и своего нового статуса. Если же самопротекция терпела крах, то чиновник прилагал максимум усилий по сокрытию или дезавуированию самого факта обращения к начальствующим лицам за повышением по службе или поощрением.

Важную роль в развитии служебной карьеры чиновника

могли играть родители, родственники, в том числе дальние и в том числе со стороны жены, сама жена, особенно, если она имела связи и влияние в местном или столичном обществе. В этой связи интересный пример находим мы в монографии А. Н. Бикташевой. Ей удалось установить, что назначение в 1846 году генерал-адъютанта И. А. Боратынского казанским военным губернатором не обошлось без влияния его супруги, Анны Давыдовны (рожденной княгини Абемелек), которая в юности была фрейлиной Её Императорского Величества Елены Павловны, сохранила прочные связи в различных столичных кругах, в том числе среди членов императорской семьи. Своеобразным, хотя и косвенным, подтверждением того, что возможность была реализована, можно считать любопытный архивный документ. На конверте одного из писем, принадлежавших супруге губернатора ее рукой сделана пометка: «назначен Казанским военным губернатором в Москве самим императором, помимо министра Перовского Его Императорским Величеством без всяких ходатайств и просьб». Можно согласиться и с комментарием исследовательницы этого факта: «Подчеркнутое отсутствие протекции должно было свидетельствовать в пользу личных достоинств кандидата. Думается, именно это хотела донести до потомков супруга И. А. Боратынского» [3, с. 99]. Одновременно это указывает и на то, что жена И. А. Боратынского жила его жизнью, гордилась его успехами и им самим, а потому все делала для того, чтобы и потомки гордились исключительно заслугами и достижениями одного из своих предков.

Порой существенное содействие в карьерном росте чиновника могли оказать амурные связи его самого или его жены. О том, что подобные способы протекции имели место свидетельствуют сатирические рассказы писателей XIX века. Герой чеховского рассказа «На гвозде» (1883 г.) Стручков вел своих приятелей — коллегских регистраторов и губернских секретарей — домой на свои именины. Однако несколько раз был свою компанию уже из прихожей в трактир, так как дома жена Стручкова потчевала

пирогам и жареным гусем начальника мужа — Прокотилова. «Прокотилов — сила! — начала компания утешать Стручкова. — Час с твоей посидит, да зато тебе...десять лет блаженства. Фортуна, брат! Зачем же огорчаться? Огорчаться не надо» [17, с. 41-42]. Так, мелкий чиновник, ради сомнительных предпочтений по службе, соглашается терпеть ухаживание начальника за своей женой и пересуды сослуживцев за своей спиной.

Завершает характеристику видов протекции, бескорыстных со стороны протежирующих и материально не затратных для протежируемых, протекция альтруистическая. Она, как правило, предлагалась людьми, не относящимися к категории родственников, друзей или приятелей — сослуживцев. В качестве патронов здесь выступали либо отставные или не прямые начальники, либо авторитетные представители местной элиты — предводители дворянства, крупные родовитые помещики, отставные военные, зажиточные купцы и т.п. Альтруистическая протекция была мотивирована служебно-деловыми или гуманитарно-благотворительными факторами. В интересах дела лицо, обладавшее определенными полномочиями или лоббистскими возможностями, продвигало по службе перспективных и честных чиновников, которым без чьей-либо поддержки следующая служебная ступенька могла быть недоступна долгие-долгие годы. Протекция по гуманитарно-благотворительным соображениям осуществлялась как помощь порядочным чиновникам, оказавшимся в сложных жизненных обстоятельствах или пострадавшим от несправедливых или неоправданно жестких действий начальствующих лиц. Так, влиятельный, но уже давно отошедший от дел больной старик — дед мемуариста М. М. Осоргина — не раз помогал различным людям, в том числе и чиновникам. Поэтому он не мог не поддержать незаслуженно уволенного многодетного уездного исправника, устроив его на Рязанскую железную дорогу, а затем и продвинув его по службе накануне своей смерти. «Незадолго до болезни дедушки этот бывший исправник к

нему приехал просить выхлопотать ему повышение, так как только что очистилось какое-то подходящее место на той же дороге. Назначение это зависело от начальника, живущего в Рязани; и мой дед, несмотря на свою слепоту, старческие годы и немощь, не побоялся ночного путешествия с пересадками, в ту же ночь поехал в Рязань, приказав этому бывшему исправнику его дожидаться и сказав, что он этого добьется. Действительно, приехав в Рязань в шесть часов утра, он прямо отправился на квартиру начальника железной дороги и на отказ последнего выйти к нему в такой ранний час послал ему сказать, что «в передней сидит старик 85 лет, слепой князь Волконский, и не выйдет отсюда, пока его ходатайство не будет удовлетворено». Перед такой настойчивостью никакой бюрократ не мог устоять, и этот бывший исправник получил просимое назначение. Дедушка тотчас вернулся в Зарайск и со слезами радости объявил ему об этом. Никогда мой дед не раздумывал, полезно ли то, что предпринимал, умно ли это, слушался он лишь веления своего сердца, и Бог его и вознаграждал мирной кончиной» [14, с. 256].

Человек, оказавший альтруистическую протекцию, получал огромный заряд положительных эмоций, не меньший, чем выигравший от такого покровительства. Это и моральное удовлетворение православного человека, совершившего доброе дело — оказавшего поддержку ближнему, и радость от достигнутого результата, и гордость за себя и свой авторитет среди сильных мира сего.

Контрастом альтруистической протекции являлась коррупционная протекция. Она была одновременно еще и, как нам представляется, наиболее негативной в восприятии современников. Коррупционная протекция была связана с получением взятки за продвижение взяткодателя по служебной лестнице (то есть с очевидным должностным преступлением), или же с какими либо фиксированными или отложенными обязательствами патронируемого перед патроном. В силу такой характеристики коррупционная протекция редко становилась объектом внимания мемуаристов, в том числе и потому, что

истинные цели такой протекции ее участники всегда скрывали. Поэтому достоянием общественности, а значит и мемуаристов, становились лишь самые вопиющие случаи подобной протекции или же глухие подозрения и разрозненные сомнительные факты. Коррупционная протекция обычно выявлялись во время основательных проверок, которые организовывались верховной властью, в том числе и по жалобам чиновников и подданных на произвол и преступления в том или ином государственном учреждении. Подозрения на наличие коррупционной протекции изучались специально, если на нее указывали даже косвенные обстоятельства или слухи.

Например, накануне отмены крепостного права были проведены ревизии некоторых коронных учреждений провинции, которые выявили вопиющее состояние дел. В учреждениях сформировалась атмосфера открытого казнокрадства и взяточничества, которая, несомненно, не могла не включать и коррупционную протекцию, без чего не удалось бы сформировать такой преступный состав присутствий. В результате ревизовавшие вынуждены были массово изгонять со службы повязанных совместной коррупционной деятельностью чиновников, порой полностью закрывая учреждения [9, с. 826]. «Были такие палаты, в которых министр (государственных имуществ М. Н. Муравьев — Ш. И.) весь состав присутствия изгонял вон и, заперев двери присутствия и положивши ключ в свой карман, объявлял, что палата закрыта до формирования нового для нее состава» [5, с. 671].

Коррупционная протекция в губернских правлениях имела место и в начале ХХ века. В 1905 году во время сенаторской ревизии Бакинской губернии сенатор А. М. Кузьминский установил, что местное губернское правление представляет собой рассадник взяточничества, что многие назначения на должности делались за взятки [10, с. 319]. В 1906 году по фактам не принятия мер в борьбе с революционными волнениями в Орловской губернии было организовано расследование деятельности губернатора К. А. Балясного. Попутно выяснилось,

что у губернатора много других упущений по службе. В Губернском правлении сложилась «атмосфера если не явного доказанных злоупотреблений, то, во всяком случае, нездоровая». Чиновник губернской канцелярии В. П. Руткевич «сумел скоро сделаться очень нужным и близким к губернатору Балясному человеком, и как в непосредственном его ведении, между прочим, находились дела о назначении и перемещение губернской полиции, то он, на этой почве, весьма беззастенчиво построил свое материальное благополучие, облагая всякое служебное движение полицейских чинов денежными в его пользу приношениями» [13, с. 156-157].

Таким образом, коррупционная протекция имела место там и тогда, где и когда для нее возникали хотя бы минимальные благоприятные условия: а) авантюрист-взяточник на ключевой должности; б) доверие к нему и отсутствие контроля со стороны непосредственного начальствующего лица; в) использование заинтересованными лицами этого способа при своем продвижении по службе, как вполне приемлемого в моральном и финансовом плане. Последнее обстоятельство крайне важно для понимания степени морального разложения чиновничества на том или ином этапе его деятельности. Проверяющим удавалось разрушить коррупционный бизнес на протекции лишь в тех случаях, когда его открытие происходило или случайно, или по жалобам чиновников. В других случаях он мог продолжать действовать, если удовлетворял обе стороны, а особенно чиновников, заинтересованных в таком способе карьерного продвижения.

Если о коррупционной протекции информация, хотя бы в ограниченном виде, представлена в источниках, то о контрпротекции её крайне мало и вычлнить её еще сложнее, хотя она имела широкое распространение в чиновничьей среде. Оporочить в глазах начальства сослуживца, особенно, если он конкурент в служебном продвижении, было в порядке вещей. Как правило, контрпротекция осуществлялась с глазу на глаз, поэтому о подобных действиях узнавали, если узнавали,

много времени спустя или только предполагали о самом факте контрпротекции. Так, в 1868 г. прокурор московского окружного суда М. Ф. Громницкий догадался, что раздражение в его адрес со стороны прокурора московской судебной палаты Г. Н. Мотовилова вызвано тем, что «в кабинете прокурора с[удебной] палаты с некоторых пор стало известно каждое слово, сказанное в моем кабинете, так как эти неосторожные слова касались преимущественно обитателей первого кабинета, то понятным становится и раздражение, вызванное ими» [6, № 12, с. 53]. Догадался он и о том, что контрпротекцию ему таким способом осуществлял один из его подчиненных — товарищ прокурора (в воспоминаниях он его именуется «Х»), который «приобрел благорасположение прокурора судебной палаты» и которому через голову окружного прокурора «стали давать различные поручения» [6, № 12, с. 53].

Опорочить и обогатить сослуживца из-за личной неприязни, мести или зависти, с целью устранить конкурента на пути к заветной должности для беспринципных чиновников было вполне допустимо. Однако в общественном мнении, которое не могли не разделять и не учитывать и чиновники, это подвергалось осуждению, так как было противно человеческой чести и совести. Поэтому, прибегая к такому приему, чиновники понимали, что принимают на себя все моральные издержки и ставят под удар как в своей профессиональной среде, так и в целом в обществе. И если же решались на контрпротекцию, то делали это тайно, и этим никогда не хвастались публично, как это делали при всех других видах протекции.

Таким образом, протекция в служебной карьере российского чиновничества середины XIX — начала XX в. представляет собой разного характера действия заинтересованных лиц, направленные на получение каким-либо чиновником или кандидатом в чиновники служебного места, более высокой должности, чина или жалования, поощрения или награды вне или с разной степенью нарушения нормативно установленных правил (по процедуре, срокам, требованиям

к профессиональным качествам или заслугам и т. п.). В силу латентности большинства видов протекции и практически полном отсутствии ее следов в официальном делопроизводстве коронных учреждений, говорить о её масштабе в математически выраженном значении не представляется возможным. Однако, зафиксированные в источниках личного происхождения, публицистике и художественной литературе, многочисленные примеры протекции, которые можно даже выстраивать в определенную систематическую классификацию, говорят о протекции, как о широко распространенной практике в деятельности российского государственного аппарата и значимом явлении в жизни чиновничества империи рассматриваемой эпохи.

Примечания

1. *Кофод А.* 50 лет в России. 1878—1920 / А. Кофод. — СПб., 2009.
2. *Бельгард А. В.* Воспоминания / А. В. Бельгард — М., 2009.
3. *Бикташева А. Н.* Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века / А. Н. Бикташева. — М., 2012.
4. *Витте С. Ю.* Воспоминания, мемуары / С. Ю. Витте. — М.; Минск, 2002. — Т. 3.
5. *Глорианов В. И.* Потомственные дворяне канцелярского происхождения / В. И. Глорианов // Русский архив. — 1905. — Кн. 1. — № 4.
6. *Громницкий М. Ф.* Из прошлого (По личным воспоминаниям) / М. Ф. Громницкий // Русская мысль. — 1899. — № 2, № 3, № 12.
7. *Давыдов Н.* Император Александр II в Курской губернии в 1861 г. Рассказ станового пристава / Н. Давыдов // Русская старина. — 1885. — Т. 45. — № 2.
8. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — СПб.; М., 1907. — Т. 3.
9. *Казначеев А. Г.* Между строками одного формулярного списка: 1823—1881 / А. Г. Казначеев // Русская старина. — 1881. — № 12.
10. *Любичанковский С. В.* Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892—1914 гг.) / С. В. Любичанковский — Самара; Оренбург, 2007.

11. *Матханова Н. П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации / Н. П. Матханова. — Новосибирск, 2002.
12. *Милешина Н. А.* Повседневность провинциального дворянства второй половины XVIII — середины XIX вв. (на материалах центрально-европейских и средневожских губерний России). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук / Н. А. Милешина. — Казань, 2012.
13. *Минаков А. С.* Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX — начала XX вв.) / А. С. Минаков. — Орел, 2011.
14. *Осоргин М. М.* Воспоминания или Что я слышал, Что я видел и что я делал в течение моей жизни. 1861—1920 / М. М. Осоргин. — М., 2008.
15. *Писарькова Л. Ф.* Российский чиновник на службе в конце XVIII — начале XIX века / Л. Ф. Писарькова // Человек. — 1995. — № 3.
16. *Плетнев И. Т.* Воспоминания шестидесятника. В Курской губернии / И. Т. Плетнев // Наша старина. — 1915. — № 9.
17. *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / А. П. Чехов. — М., 1975. — Т. 2.
18. *Шатохин И. Т.* Протекция в среде чиновничества Российской империи во второй половине XIX — начале XX вв.: социально-психологическая классификация / И. Т. Шатохин // Научные ведомости БелГУ. — Серия : История. Политология. Экономика. Информатика. — 2012. — № 13 (132). — Вып. 23.
19. *Шепелёв Л. Е.* Чиновный мир России: XVIII — начало XX вв. / Л. Е. Шепелёв. — СПб., 2001.

УДК 94(47).083

Эволюция отношения провинциального общества к образованной женщине во второй половине XIX — начале XX вв.

Шатохина С. Б.

Shatokhina S. B. Evolution of the Provincial Society Attitude Towards Educated Woman in the Second Half of XIX — early XX Cent. The article deals with the change in attitude of the provincial population towards educated women on the example of the professional activities of female doctors, female teachers, as well as a woman who initiated a cooperative milk artel.
Keywords: educated woman, province, public opinion, periodicals, women's education, cooperation.

Шатохина С. Б. Эволюция отношения провинциального общества к образованной женщине во второй половине XIX — начале XX вв. В статье прослеживается изменение отношения населения провинции к образованным женщинам на примере профессиональной деятельности женщин-врачей, учительниц, а также конкретной женщины, инициировавшей создание кооперативной молочной артели.

Ключевые слова: образованная женщина, провинция, общественное мнение, периодическая печать, женское образование, кооперация.

Шатохина С. Б. Еволюція ставлення провінційного суспільства до освіченої жінки в другій половині XIX — початку XX ст. В статі простежуються зміни ставлення населення провінції до освічених жінок на прикладі професійної діяльності жінок-лікарів, вчительок, а також конкретної жінки, яка ініціювала створення кооперативної молочної артелі.

Ключові слова: освічена жінка, провінція, громадська думка, періодичний друк, жіноча освіта, кооперація.

Образованная женщина в российской провинции в рассматриваемый период уверенно завоевывала общественный авторитет и укрепляла свои позиции во многих профессиональных нишах, требовавших специальной образовательной подготовки. Однако процесс этот был сложным и неоднозначным, так как преодолеть сопротивление существовавших не одно столетие традиций на место и роль женщины в обществе, которые поддерживались государством и церковью, было непросто. Эволюция отношения общества к образованной женщине, как нам видится, повторила примерно тот же путь, каким женщины расширяли свое представительство в различных видах квалифицированной профессиональной деятельности. По мере того, как они вовлекались в новые виды занятий и добивались в этом определенных успехов, происходило постепенное признание их профессионализма и их права на эту профессию окружающими, а затем и клиентами, потребителями услуг, обучаемыми, пациентами и другими заинтересованными наблюдателями. Однако должно было пройти немало лет, даже смениться поколение, прежде чем общество в целом, а не только та его часть, которая непосредственно соприкасается с тем или иным профессиональным сообществом, примет нового положения дел.

Данная проблема нашла некоторое освещение в исторической литературе. [1; 9; 12]. Однако необходимо более глубокое ее исследование. Основными источниками для написания данной статьи послужили данные архива [5, 6; 7; 8], воспоминания современников [2; 3; 10; 13].

До появления земской школы главнейшим (не считая грамотных членов помещичьей семьи, там, где она была) образованным человеком в селе, источником знаний, моральным авторитетом был сельский священник, то с приходом школы на эту роль вошло и

невольны начинали претендовать учитель или учительница, и как следствие этого возникали, как минимум, натянутые отношения между ними. Наладить отношения, найти компромисс, было порой крайне сложно, особенно, если хотя бы одна из сторон ревновала другую, не проявляла мудрости в установлении и налаживании взаимовыгодного сотрудничества. Особенно трудно это было сделать учительнице. И если возникал открытый или скрытый конфликт учительницы и священника, то победителем в нем всегда оказывался последний, и учительнице приходилось покидать школу. Причиной удаления учительницы из школы порой становилась личная антипатия священника. Самым банальным основанием для осуществления операции по ее выдворению было обвинение в предосудительном поведении в отношении местных мужчин. Часто это сопровождалось распространением соответствующих слухов. А за обвинениями могли стоять неверно понятые и истолкованные слова учительницы, не понравившаяся деталь ее одежды и т. п.

Например, учитель подмосковной земской школы С. Константинов терялся в догадках, что же стало причиной перевода в другую школу его предшественницы. Местный священник обвинил учительницу Воронову в развращении детей и неподобающим поведением: «Из-за нее я взял сынишку из школы, чтобы не испортился. Любопытные дети все в щелки глядели, как учительница друзей угощала. Я порассказал бы такие сценки, что стены покраснели бы, а ты — молчать! — обратился он к матушке. — А земство ничего! Приедет инспектор, побудет с нею (хозяйева гадливо улыбнулись) и уезжает довольный. А дети любовались: регент сам был, староста, татары — коробейники — все, кто хотел... Хотел я усовестить, да боялся пойти к ней — разговоры пойдут! Матушка вздыхала, молча осуждая порочную учительницу» [10, с. 416]. Однако, начиная свой рассказ, священник, на наш взгляд, прямо назвал и отправную точку, и главную причину своей антипатии. Именно она определила и окрасила в соответствующие цвета его отношение к учительнице и ее общению с выше перечисленными лицами: «Вот приехали, Вы, хоть и поздно, а пришли ко мне — значит, признаете мой

авторитет, а вы как вижу, почище ее. Она же и знать не хотела меня: не заглянула ко мне. Хотя я и не принял бы ее — таких в дом не пускают!» [10, с. 416].

Таким образом, нежелание признавать авторитет священника, обусловленное, вероятно, внутренними убеждениями молодой учительницы, и стало причиной неприязни священника. А ее свободное общение с мужчинами не укладывалось в сельской местности в стереотипы поведения незамужней молодой женщины. При этом, вероятно, Воронова была из городской дворянской семьи, где такое поведение было нормой, и она не захотела его менять в угоду чьему-либо мнению, а наоборот — вела себя естественно, стремясь своим примером поколебать существующие традиции. Кроме того, общение со старостой, регентом, инспектором вполне укладываются в естественную сферу ее профессиональных обязанностей по заведыванию школой. Естественным для молодой женщины был интерес и к татарам — коробейникам, у которых она могла, не выезжая в город, купить необходимые галантерейные товары, узнать новости.

При анализе выше изложенного сюжета не следует забывать и о времени, когда происходил конфликт учительницы и священника — 1906 год и ранее. Поэтому его невозможно рассматривать вне контекста первой русской революции. Даже если Воронова не была сторонницей какой-либо радикальной революционной партии, то общий либеральный тренд несомненно с воодушевлением воспринимался в среде земского третьего элемента. Поэтому, возможно, она, почувствовав первые проявления гражданских прав и свобод, стремилась закрепить их в своем поведении. Хранитель патриархальных традиций, консерватор по своей сути и по должности — сельский священник не мог не выступить против веяний нового в лице земской учительницы, но делал это весьма грубо и пошло. Не внимание земства к доносам священника до лета 1906 года тоже вполне ложится в логику революционного времени. Однако, как правило, земство всегда стремилось защитить свой учительский

персонал. И в рассмотренном случае мы видим, что Воронова была не уволена, а переведена в другую школу.

В начале XX века и, особенно, после первой русской революции священники все чаще использовали «политический» повод для того, чтобы опорочить учительниц или иных неугодных им представительниц интеллигенции и таким образом добиться их выдворения со своей территории. Например, законоучитель Щигровской женской гимназии Курской губернии протоиерей Васютин обвинил 8 служащих в гимназии женщин, в том числе и начальницу гимназии, в принадлежности и радикальным и либеральным политическим партиям и политической агитации среди воспитанниц. Дело дошло до Департамента полиции Министерства внутренних дел. В ходе разбирательства выяснилось, что никто из перечисленных священником служащих гимназии «политикой не занимается и ни к каким противоправительственным партиям, союзам и обществам не принадлежат... неблагоприятные сведения о педагогическом персонале гимназии исходят от лиц, неодобрительно относящихся к этому персоналу» [8]. Справедливость восторжествовала, однако большую часть 1907—1908 учебного года начальница гимназии и 7 ее служащих находились под гнетом увольнения и даже лишения свободы.

Боясь потерять службу и жалование, большинство земских учительниц принимало правила и традиции села, строго следовало сформированному обществом образу-идеалу земской учительницы — скромной, благотельной незамужней женщины, посвятившей всю свою жизнь служению школе. Таким образом, молодая женщина фактически изолировала себя от мужчин, которые были ей близки по образовательному уровню, по общности интересов, по духовным запросам, то есть от общества деревенских интеллигентов холостяков — учителей, фельдшеров, дьячков и т.д. Естественное общение в такой среде давало определенные шансы на устройство личной жизни. А искусственные ограничения в угоду ложному образу добродетельной учительницы перечеркивало все надежды

как для женщины, так и для мужчины создать счастливую семью, объединенную помимо личной симпатии и любви, еще и общностью идейных ценностей и интересов. Примером перечеркнутых надежд служат строки из воспоминаний земского учителя С. Константинова: «одна очень милая, симпатичная учительница, беззаветно преданная школе (выделено — С. Ш.), просила меня не навещать ее, не желая подвергать серьезному риску свою репутацию. Мы очень симпатизировали друг другу, страшно интересовались школьным делом, но могли о нем говорить только при редких встречах у общих знакомых, хотя наши школы и находились только в двух верстах» [10, с. 417-418].

Вслед за земской учительницей в некоторых селах, где открывались земские участковые больничные пункты, появлялись фельдшерицы, акушерки, врачи. Многие из них, если не сразу, то постепенно завоевывали доверие и уважение села. Завоевать доверие крестьян мог не каждый врач, особенно, если им была женщина. «Русский простой народ любит лечиться, но, чтобы народ с доверием шел к врачу, нужно, чтобы этот последний, помимо опыта и знаний, проявлял и известную долю обходительности в обращении с больными; я в своей практике знал много случаев, когда отсутствие этой обходительности отпугивало больных от медицинской помощи, несмотря на то, что врач обладал всеми профессиональными качествами и, к тому же, часто бывал крайним либералом» — писал князь Б. А. Васильчиков [4, с. 49].

За такого авторитетного врача боролись и владельцы имений, желая иметь квалифицированного врача, а значит и оперативную медицинскую помощь для себя и своих близких под боком. Так, князь Б. А. Васильчиков, как только представилась возможность, пригласил в больницу своего имения Выбити в Старорусском уезде Новгородской губернии врача Ольгу Николаевну Власову, служившую в одной из участковых земских больниц соседней Псковской губернии. Ольга Николаевна «была специалисткою по глазным болезням, таковая специализация всегда была слабым местом земской больницы. Всю себя отдавая своему

делу, вкладывая в него, без всяких фраз и рисовки, всю свою душу и работая буквально не покладая рук с утра до вечера. ... Ее скромная по размерам и обстановке больничка всегда была переполнена, слава о ней, в особенности как о глазном враче, распространилась широко, и ее амбулаторные приемы в 50-60 человек в день бывали не редкостью в осеннее и зимнее время, когда полевые работы не отвлекали крестьян от лечения» [4, с. 49].

В начале XX века завоевание врачом доверия крестьян происходило уже гораздо быстрее, даже если врачом была молодая женщина. Подтверждением тому служат воспоминания С. В. Трахтенберг. В 1908 году после окончания Лозаннского университета она приехала в Курск в качестве эпидемиологического врача. В это время ей было 22 года. Эпидемия не начиналась, и она попросилась на вакантное место в земский медицинский участок Обоянского уезда. Вот как она вспоминает свой приезд и первые впечатления: «Приезд докторицы взбудоражил все население деревни. Особенно взволновались женщины. Прошло немного времени, и моя популярность среди крестьян стала расти. Этому способствовали в большей мере привезенные мною инструменты. Моих пациентов, которые никогда в жизни не видели и шприца, вид разложенных в шкафчиках за стеклом блестящих инструментов... приводил в какой-то экстаз» [13, с. 293]. Работа С. В. Трахтенберг в курском земстве была недолгой — всего несколько месяцев, она вынуждена была уехать по семейным обстоятельствам. Однако даже этого непродолжительного времени хватало, чтобы крестьяне приняли и поверили молодой докторице. На формирование авторитета С. В. Трахтенберг определенное влияние оказал случай, когда она спасла крестьянку и ее новорожденного ребенка во время тяжелых родов: «Благополучный исход родов сильно поднял мой авторитет не только среди крестьянского населения моего участка. Моя «слава» дошла даже до окрестных помещиков» [13, с. 295]. Было еще и чтение лекций

о вреде пьянства, которая с интересом и вниманием была принята крестьянами. На наш взгляд, на относительно быстрое приобретение авторитета молодой женщиной-врачом повлияли и другие факторы, среди которых не последнее место занимал постоянно повышающийся уровень грамотности крестьянского населения, в том числе и женщин, а также выросшей уже к этому времени авторитет земской медицины.

Образованная женщина в селе не только выполняла роль агента культуры и образования. Порой она становилась проводником и инициатором внедрения в хозяйство передовых технологий и форм организации экономической деятельности. В начале 1910-х годов в российской деревне все активнее начинают использоваться кооперативные формы в организации различных сторон сельскохозяйственной деятельности. Женщины знакомились через специальную литературу и периодическую печать с теорией и практикой кооперативного движения за рубежом и в нашей стране, а затем пытались внедрить кооперативные начала в ту или иную сферу хозяйства своей местности. Так, помещица Курского уезда А. А. Петрова 3 декабря 1910 года «собрала крестьян, интересующихся сбытом молока из следующих селений: Киреевки, Звягинцевой, Волобуевой, Старосельцевой и Исаковских дворов. Среди собравшихся были священники, ученый агроном А. Т. Лукин... Тут собравшимся было сообщено о значении молочного хозяйства среди крестьянских хозяйств при обеспеченном сбыте и указано, что постоянный сбыт в неограниченном количестве, могут дать лишь молочные артели. Собравшиеся выразили желание устроить маслодельню, подписали устав, который утвердил Товарищ Главноуправляющего Землеустройства и Земледелия, а также было избрано правление» [7, л. 9 об.].

При организации артели, кроме осуществления формальных бюрократических процедур, требовалось 500 рублей для закупки оборудования маслодельни. Это вызвало озабоченность у крестьян, и «они хотели отказаться. Когда выяснилось это обстоятельство г. Петрова сказала, что даст артели

взаимообразно на год без процентов деньги, требующиеся для оборудования завода и отведет без арендной платы под здание завода свой старый дом. Все эти льготы, крестьян тоже не удовлетворяли; они боялись — дело новое может не пойти и придется долг платить, а тут не хватает их и без того. После этого г. Петрова сделала еще одну льготу учредителям артели, обещала по истечении года взять не деньги, если не пойдет завод, а инвентарь; словом дело было поставлено так, что крестьяне ничего не теряли при ожидаемых неудачах артели, а только могли пользоваться лишь прибылями, которые обещал закладчик. При этих условиях общее собрание уполномочило избранное правление приступить к организации дела. Правление выписало инвентарь, пригласило мастера, и завод открыл свое действие 1 марта 1911 года» [7, л. 9 об.].

А. А. Петрова пошла на беспрецедентные льготы для учредителей артели не только потому, что была уверена в успехе предприятия. Она за свои деньги купила оборудование маслодельни, разместила его в своем помещении, что ей мешало в этом случае оформить маслодельню как свое частное дело? Значит она хотела доказать крестьянам через реальное их участие в общем с ними деле (а не голой агитацией) выгоды и преимущества кооперации. Об успехе предприятия, созданного при активном участии А. А. Петровой, говорит тот факт, что Курасовская молочная артель за 10 месяцев своей деятельности численно выросла с 40 до 262 человек, то есть в 6,5 раз. Это неудивительно, так как самой важной причиной притока крестьян в артель была стабильность и размер получаемого дохода: учредители артели получили за сданное молоко в среднем с одной коровы за 10 месяцев суммарно до 100 рублей. Кроме того, артель учила крестьян следить за качеством молока, которое влияло на качество конечного продукта — масла, а значит, и на размер дохода. Это обстоятельство заставляло участников артели обращать «большое внимание на улучшение молочного скота и его кормление» [7, л. 18].

Таким образом, молочная артель — первый шаг

крестьян, который был сделан благодаря подвижничеству и настойчивости А. А. Петровой, побуждал их уже самостоятельно делать следующие шаги в том же направлении — совместными, кооперативными усилиями совершенствовать ведение своего хозяйства. Препятствием в виде недоверия и негативного отношения к нововведениям, с которыми столкнулась А. А. Петрова, легко объяснимы исходя из крестьянской психологии рассматриваемого периода. Традиционное крестьянское сознание, и женской его части в не меньшей степени, опиралось на веками проверенные и привычные образцы хозяйствования, на старину как на священный и неприкосновенный эталон. И только те хозяйственные новации, которые давали ощутимые и устойчивые результаты, принимались крестьянами на вооружение.

Опыт организации молочных артелей был востребован, при этом состав и правление их формировались в основном из женщин. Так, вполне успешная Троицкая молочная артель в Старооскольском уезде Курской губернии в июле 1915 года состояла из 115 человек (в подавляющем числе женщины) [5]. Ее руководящее звено было женским полностью: казначей — Юлия Михайловна Синельникова, «административно-хозяйственной частью по артели заведует староста — Мария Михайловна Подкапаева, технической частью по заводу ведает мастерица — Клавдия Александровна Журавлева» [6].

В начале XX века наблюдается эволюция, имеющая положительный вектор, в отношении крестьян к обучению девочек. Это подтверждается как статистикой, так и другими источниками. Еще на рубеже XIX—XX веков одним из контраргументов крестьян учению девочек в школе было то, что по ее окончании девочка «больше имеет претензии на щегольство» [2, с. 4]. А накануне Первой мировой войны один из крестьян, когда его дочь только-только стала осваивать грамоту, не без гордости и самоиронии повторял: «Вот до чего дожил, моя дочка учит меня, старика уму-разуму» [1, с. 109].

На первый взгляд, более точно, нежели первое десятилетие

XX века, локализовать время перелома в отношении крестьян к обучению девочек не представляется возможным. Однако, в этом отношении заслуживают внимания предположение и аргументация Л. И. Земцова: «Складывается впечатление, что перелом в отношении крестьянства к грамотности, когда практически не осталось ее противников очевиден с эпохи важнейших событий начала века — русско-японской войны и революции. Чтение газетных статей о военных событиях, о прениях в Государственных думах активизировали понимание необходимости грамотности. Только при таком понимании интересов, существовавших в среде крестьянского населения, стала возможной политика власти и усилия земских учреждений накануне мировой войны по введению всеобщего начального обучения; вопросов о необходимости грамотности практически не возникает» [9, с. 137].

Точку зрения Л. И. Земцова подтверждают воспоминания современника. В конце августа или начале сентября 1904 года 6-летний Александр Ратиев возвращается с родными из Курска домой в Ялту. Дорога его, как и любого ребенка такого возраста, живо интересует, поэтому дорожные впечатления твердо сохранились в памяти. «Всю обратную дорогу меня удовлетворенно волнует то, что я предварительно знаю последовательность того, что нам предстоит в следующий момент. Вот только и для меня ново то, что почти всю дорогу наш поезд сопровождают крики — «Киньте газетку, барин, киньте газету». Кричат бородачи, стоящие невдалеке, железнодорожные стрелочники с флажками в футлярах, кричат пастухи, бросив свои стада, и подпаски, бегущие наперегонки нашему поезду, кричат мужики и бабы, проезжающие на возах... И без конца щелкают, открывающиеся окна в коридорах, в купе вагонов и подхватываемые ветром летят на простор полей и кричащим и спешащим пачки газет и журналов. Только через несколько лет дошло до моего сознания — эти кричащие и бегущие ждали вести с Японской войны» [11, с. 56]. Достоверность и ценность

этих воспоминаний обусловлена тем, что это детские яркие впечатления, не отягощенные какими-либо идеологическими установками или конъектурными соображениями. Поэтому это свидетельство, хотя и косвенно, аргументирует то положение, что важнейшие внешне и внутривнутриполитические события (русско-японская война, революция 1905—1907 гг.) были своеобразными катализаторами увеличения спроса на «грамотеев» в крестьянской среде, а значит и на рост интереса к получению образования. Вероятно, в этот период (1906—1914 годы) закрепилось и положительное отношение крестьянства к получению образования крестьянскими девочками.

Это суждение может быть подкреплено следующим тезисом. В начале XX века, особенно в последнее десятилетие имперского периода, среди взрослых крестьян существенно увеличилась доля тех, кто сам, будучи ребенком, прошел земскую или церковно-приходскую школу. Поэтому для таких родителей не вставал вопрос: нужна ли грамота дочке. Поистине пророческими были слова из стихотворения ученицы Дочкиной, которое она сочинила в 1894 году к 10-летию юбилею своей школы в одном из воронежских сел:

«Десять лет еще пройдут,
Дело двинется живее:
В эту школу набегут
Дети наших грамотеев.
Тот, кто грамоту познал
И свет божий увидал,
Тот не будет без причины,
Как угрюмый дуrolом,
Оставлять родного сына
Без науки слепышом» [2, с. 207].

Примечательно, что эти слова написала девочка — будущая мать крестьянских детей.

Сложно вычленилть долю воздействия уровня образования

и степени грамотности крестьян на такие сложные, более детерминированные экономическими факторами, процессы, как трансформация большой патриархальной семьи в малую, имущественное расслоение крестьянства, уменьшение соседкой солидарности в крестьянской среде, ослабление социального контроля общины, в том числе и в разрешении внутрисемейных конфликтов. Однако эти процессы происходили, активно набирая силу, одновременно с распространением грамотности и ростом образовательного уровня крестьянства, и нельзя, нам думается, сбрасывать это со счетов. Конечно, эта взаимосвязь носила более интенсивный и заметный характер в тех регионах Российской империи, где крестьянство было в большей мере инкорпорировано в жизнь и экономику города через отходничество, например, в губерниях Верхнего Поволжья. Именно исследовательница социально-культурного развития деревни этого региона достаточно близко подошла (однако, так и не определила) к такому пониманию взаимообусловленности выше указанных процессов, отметив целый ряд следствий, указывающих на сформированное нами понимание. Это и «омоложение» крестьянских сходов, и появление среди их полноправных участников женщин, и укрепление престижа в крестьянской среде таких характерных личных качеств, помимо, а порой и в пику возрасту, как грамотность, осведомленность [12, с. 15]. Таким образом, менявшаяся, особенно быстрыми темпами в начале XX века, хозяйственная и правовая практика в селе меняла и статус женщины в крестьянском обществе, а уровень ее образования и грамотности были, как нам видится, своеобразным дополнительным ценностным качеством, повышающим авторитет и социальный вес такой крестьянки среди своих односельчан.

Таким образом, в рассматриваемый период в российской провинции произошел переворот в понимании местным обществом значимости женского образования. Это выразилось

даже не в росте числа женских учебных заведений и числа обучающихся в школах девочек из всех сословий, а в том, что образованная женщина прочно заняла многие профессиональные ниши, требовавшие, требовавшие квалифицированного труда и определенного образовательного уровня. Повседневная жизнь начала ХХ века уже не представлялась без учительницы земской школы, преподавательницы в женской, а порой и мужской гимназии, женщины-врача, фельдшерицы и акушерки, работницы аптеки и телефонной станции. Коллеги — мужчины уже воспринимали их как профессиональных партнеров, товарищей. Модернизация экономики требовала глубокой профессионализации труда, поэтому квалификация работника, его профессиональные знания и опыт становились определяющими при трудоустройстве и установлении размера оплаты его труда. Земства, как один из главных провинциальных работодателей для образованных женщин, на рубеже ХІХ—ХХ веков устанавливали квалификационные оплаты труда своих учителей и среднего медицинского персонала. Размер жалования теперь стал определяться исключительно качеством профессиональной педагогической или медицинской подготовки и стажем службы. Женщины за свой труд стали получать от земства не меньше, а порой и больше мужчин. Например, в Курском земстве фельдшерицы обычно имели более качественное медицинское образование, чем фельдшера, поэтому и жалование у них было в среднем выше. Успехи женщин на профессиональном поприще были видны и понятны не только работодателю, но и местному обществу. Главными потребителями услуг земских учительниц, фельдшериц и акушерок были крестьяне, которые видели их добросовестное отношение к делу, уверенность в своих знаниях и силах, уважение к ученикам и пациентам, поэтому все охотнее отдавали своих дочерей в школу.

Примечания

1. *Анциферов Н. П.* Из дум о былом. Воспоминания / Н. П. Анциферов. — М., 1992.
2. *Бобылев Д.* Народная школа и значение грамотности в отзывах крестьян / Д. Бобылев // Сборник Пермского земства. — 1901. — № 2. — Отдел 3.
3. *Бунаков Н. Ф.* Сельская школа и народная жизнь. Наблюдения и заметки сельского учителя / Н. Ф. Бунаков. — СПб., 1906.
4. *Васильчиков Б. А.* Воспоминания / Б. А. Васильчиков — М., 2003.
5. *Государственный архив Курской области.* — Ф. 39. — Оп. 1. — Д. 1025.
6. *Государственный архив Курской области.* — Ф. 39. — Оп. 1. — Д. 1074.
7. *Государственный архив Курской области.* — Ф. 1504. — Оп. 1. — Д. 15
8. *Государственный архив Российской Федерации.* — Ф. 102. — Д. 4. — Оп. 19107. — Д. 108. — Ч. 21.
9. *Земцов Л. И.* Великолукское крестьянство и начальная школа на рубеже ХІХ—ХХ вв. / Л. И. Земцов // Вехи минувшего: Ученые записки исторического факультета. К юбилею А. В. Райкова. — Липецк, 2009. — Вып. 6.
10. *Константинов С.* Два года в земской школе / С. Константинов // Записки очевидца: Воспоминания, дневники / Сост. М. Вострышев. — М., 1991.
11. *Курские дни князя Саши Ратиева* / Сост. Ю. В. Донченко. — Курск, 2007.
12. *Нужина А. А.* Социокультурное развитие российской деревни во второй половине ХІХ — начале ХХ вв. (на материалах губерний Верхнего Поволжья). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук / А. А. Нужина. — Иваново, 2008.
13. *Трахтенберг С. В.* Из «записок старого врача» / С. В. Трахтенберг // Очерки истории русской общественной медицины. — М., 1965.

УДК 94[47].081

**Отношение к женскому образованию в
крестьянской среде 60-90-х гг. XIX в.
(по материалам Центрального Черноземья)***

Шаповалова С. П.

Shapovalova S. P. Attitude to Women's Education in the Peasants' Milieu in 1860–1890s (on Materials of the Central Black Soil Region). The article is devoted to transformation of attitude to women's education in the peasants' milieu in provinces of the Central Black Soil Region. The author demonstrates the reasons for negative attitude to women's education in peasant families in pre-form, as well as early post-reform periods. Special attention is given to the change of attitude to education of the peasant girls and maidens when people became more aware that education was an integral part of the changing world.

Keywords: women's education, peasants' milieu, post-reform period, Central Black Soil Region.

Шаповалова С. П. Отношение к женскому образованию в крестьянской среде 60-90-х гг. XIX в. (по материалам Центрального Черноземья). В статье рассматривается трансформация отношений к женскому образованию в крестьянской среде центрально-черноземных губерний. Показаны причины негативного отношения к женской образованности в крестьянских семьях дореформенного, и пореформенного периодов. Особое внимание уделено сюжету об изменении отношения к образованию

*Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта № 6.2922 «Исследование специфики формирования нового социального статуса у представителей различных сословий провинциальной России в 60-90-е гг. XIX в. (проблемы социальной адаптации), выполняемого в рамках Государственного задания Минобрнауки России подведомственным вузам на выполнение НИОКР.

крестьянских девочек и девушек, когда пришло осознание, что образованность является неотъемлемой частью меняющегося мира.

Ключевые слова: женское образование, крестьянская среда, пореформенный период, Центральное Черноземье.

Шаповалова С. П. Відношення до жіночої освіти в селянському середовищі 60-90-х рр. XIX ст. (на матеріалах Центрального Чорнозем'я). В статті розглядається трансформація ставлення до жіночої освіти в селянському середовищі центрально-черноземних губерній. Показані причини негативного ставлення до жіночої освіти в селянських сім'ях дореформенного та післяреформенного періодів. Особлива увага приділена сюжету про зміну ставлення до освіти селянських дівчат, коли прийшло розуміння того, що освіта є невід'ємною частиною світу, що змінюється.

Ключові слова: жіноча освіта, селянське середовище, пореформенний період, Центральне Чорнозем'я.

В последние годы среди исследователей особый интерес вызывают вопросы образования женщин-крестьянок в пореформенной России [5, 8]. Не меньший интерес представляет проблема отношения к женскому образованию в самой крестьянской среде. Данному вопросу и посвящена настоящая статья, в основу которой положены документы архивов [3; 4], воспоминания современников [12], статистические данные [9; 10].

Пореформенная межсословная эмансипация российского общества вызвала к жизни в крестьянской среде чувство собственного достоинства, новые социальные ожидания и потребности. Следствием этого стали очевидны и признаки межсословной эмансипации, что и проиллюстрировал на материалах Тамбовской губернии этнограф конца XIX в. А. П. Звонков: «Женщина поднялась из своего рабского приниженного состояния, смело заявила о правах своих и

глава семейства, прежде — гордый старшина и безусловный повелитель рода, уступил теперь её требованиям и начал делиться верховными правами... Но чья власть удивительно возросла — тихо, незаметно под шум перемены отношений — это власть матери. Она отвоевала не только долю юридической свободы, но заставила поделиться мужа и верховными правами родительскими. В поле она — работник, бок-о-бок с мужем и верный советник его по делам хозяйства; придет домой — она мать, осязательный центр семейства... Отец здесь глава разве юридически и располагает только физической силой» [6, с. 24-25].

Естественно, речь о межполовой эмансипации женщин-крестьянок может идти только в рамках патриархального крестьянского семейного традиционализма, который складывался веками, и его социальное размывание шло довольно медленно, хотя и очевидно. Одним из таких признаков нового социального статуса женщины крестьянки — это потребность в грамотности и образовании, применительно ко второй половине ХІХ в. И это находило объяснение в крестьянской среде, но объяснения носили чисто утилитарный характер — «Грамотного труднее обчитать» [11, с. 67] и т.п.

Материалы «Первой всеобщей переписи населения Российской империи» по Курской губернии позволяют выявить уровень грамотности у различных возрастных женских групп [10, с. 64]. В 1897 году из 323 913 девочек — крестьянок Курской губернии грамотными были 3 185, то есть менее 1 %, среди девушек 10-19 лет этот процент составлял уже 9,6 %. Практически каждая десятая девушка из этой возрастной группы могла читать, писать и считать, собственно этим и определялся уровень грамотности. В следующей возрастной женской группе с 20 до 29 лет процент грамотных составил 5,1 %. Далее по увеличению возрастных групп процент грамотности резко снижается. Например, в группе от 50 до 59 лет из 72 894 женщин грамотными числились только 939, то есть значительно меньше 1 % [10, с. 64].

Теперь рассмотрим данные утверждения на материалах

Первой всеобщей переписи населения 1897 г. по Воронежской губернии. Из 1 217 356 женщин сельского состояния, грамотными были 49 739 (4 %) [9, с. 34-36]. В среднем, уровень грамотности у крестьянок был ниже в 16,1 раза, чем у женщин из других сословных сообществ. Но, если учесть, что в возрастной группе крестьянских девочек и девушек от 10 до 19 лет грамотных насчитывалось 8,7 %, а в возрастных группах свыше 50 лет — 2,1% [9, с. 36], то в сравнение с дореформенным периодом, уровень грамотности в женской крестьянской среде вырос более, чем заметно.

Таким образом, исходя из анализа приведенных данных видно, что обучение грамоте девочек, в основной массе, начиналось с 10 лет, наиболее грамотной была женская возрастная категория от 10 до 29 лет. Учитывая, что земские школы открывались, по отношению к дате переписи, около 30 лет назад, наиболее грамотной частью женщин должна была быть возрастная категория 20-29 лет, в реальности — 10-19 лет. Отсюда можно сделать вывод, что интерес родителей к обучению грамоте дочерей особенно стал проявляться с конца 70-х гг. ХІХ в., то есть когда уже около 10 лет функционировали земские школы.

Сравнение уровня грамотности отдельных возрастных женских категорий и мужских, позволяет определить приоритет родителей, в плане образованности, при воспитании девочек и мальчиков. Так в мужской возрастной категории до 10 лет из 320 667 мальчиков грамотными были 8 157 (2,5 %). Это показатель более, чем в 2,5 раза выше соответствующего показателя у девочек. В категории с 10 до 19 лет у крестьянских юношей процент грамотных достигал 45,5 % [10, с. 64]. Почти каждый второй крестьянский юноша этой возрастной категории был грамотным, у их сверстниц только каждая десятая. Приведенные расчеты однозначно показывают, что в крестьянской среде приоритет при обучении отдавался мальчикам, а не девочкам. Родители считали, что удел девочек, будущих матерей, должен замыкаться домом и семьей. Мужчина же — глава семьи, ведя хозяйство и выступая

регулятором отношений собственной семьи с окружающим миром, с точки зрения родителей, естественно должен был быть грамотным. Отсюда и такие очевидные разрывы в уровне грамотности между девочками и мальчиками.

Несмотря на неоспоримую важность земских школ в деле обучения грамотности крестьянских детей, были и другие весьма важные источники получения начальных азов грамотности в крестьянской среде. Нередко обучение вели грамотные крестьяне, иногда «бродячие» учителя из образованных слоев населения. Например, в Путивльском уезде Курской губернии в 80-х гг.

ХІХ в. четвертую часть территории занимала полоса хуторов, она так и называлась — «Хуторянская полоса». В 167 поселениях этой полосы было всего 5 180 дворов. Внимание Губернского статистического комитета привлекло странное несоответствие: из 29 официальных школ уезда на хуторянскую полосу приходилось всего 3, а уровень грамотности крестьян, включая подростков, здесь был выше, чем в других местах. Обучение здесь проводилось «ходячими» учителями [5, с. 289]. Как правило, это были одинокие люди: крестьяне, отставные солдаты, бывшие дворовые и т. п. Помещение учителю, заинтересованные родители нанимали у бездетной вдовы или в малочисленной семье. Плата за обучение составляла здесь 30-60 копеек в месяц за ученика.

На такого учителя в мелких курских хуторах приходилось по 5-6 учеников. В первый же базарный день после начала обучения родители должны были купить каждому ребенку по азбуке и по указке. Изучали сначала церковнославянскую азбуку. Затем переходили к чтению по Часослову, Святцам, Псалтырю. Только после этого приступали к гражданской азбуке. Приобретались новые учебники. Бегло читать дети выучивались, как правило, за две зимы [5, с. 290]. Народный опыт создания временных школ использовался местной интеллигенцией при открытии передвижных центров обучения в маленьких населенных пунктах. В обширной слободе Томаровке Белгородского уезда Курской губернии, где жили бывшие крепостные крестьяне,

в начале 80-х гг. ХІХ века было три училища: министерское и два начальных (мужское и женское). Но в связи с активным выделением на хутора после реформы остро встал вопрос, в каком из хуторов открыть школу. Законоучитель начальной школы священник Маляревский предложил хуторским крестьянам «на основе опыта бродячих учителей» создать подвижные школы. Осенью 1884 года две такие школы — на 27-41 человек — были открыты в хуторах Казачеве и Дубинине. В них учили чтению, письму, элементарному счету и основным молитвам. Учителями в этих передвижных школах были подростки 14-15 лет из местных крестьян, окончившие Томаровское училище и дополнительно подготовленные к преподаванию Маляревским. Он же руководил их преподаванием, приезжая по воскресным дням: проверял пройденное, давал советы на следующую неделю. Учителя оплачивались родителями, у них же они и питались, ночевали в школе. Занятия велись с раннего утра и дотемна, с некоторыми перерывами для отдыха и обеда [7, с. 48-50]. В соседнем Новооскольском уезде такие же «подвижные» школы были открыты на средства земства [7, с. 48-50]. Обучение азам чтения, письма, счета для подавляющей части крестьянских девушек, числившихся грамотными, считалось уже достаточным.

Поступление в средние, среднеспециальные, высшие учебные заведения не рассматривалось в крестьянской среде в качестве самоцели, да и образовательный багаж у крестьянских девушек был весьма скуден для этого. Из 1 125 851 респондента женского пола всех возрастных категорий по «Первой всеобщей переписи...1897 г.» в Курской губернии только 2 имели университетские дипломы и 1 168 закончили средние и среднеспециальные учебные заведения. В отличие от общего уровня грамотности, мужчины крестьянского сословия в сфере среднего, среднеспециального и высшего образования фактически ни чем не отличались от крестьянок. Из 1 093 384 респондентов — мужчин 17 имели университетское образование, 5 дипломы специальных технических вузов и 992 завершили обучение в средних и среднеспециальных учебных

заведеннях [10, с. 64].

Если сравнить повышенный образовательный уровень курских крестьянских девушек с их сверстницами из других сословий, то можно увидеть весомый разрыв в качестве образования не в пользу первых. Из 16 695 респондентов женского пола дворянского сословия и чиновников не из дворян 28 имели университетские дипломы, 5 дипломы специальных технических вузов, 3 995 (24 %) завершили обучение в средних и среднеспециальных учебных заведениях [10, с. 62]. Указанный образовательный разрыв связан, в первую очередь, с отсутствием ориентации у подавляющей части крестьянских девушек на личную карьеру профессионального характера, традиционализм воспитания ориентировал их деятельность в рамках семейного быта и домашнего хозяйства. Дворянский же сословный этикет высокий образовательный уровень предписывал в качестве желаемого.

Сам факт получения крестьянской девушкой специального образования не гарантировал ей четкой профессиональной перспективы. В первой половине XIX в. не принимались на государственную службу лица женского пола, хотя нигде в законах категорического запрещения не существовало. Здесь главную роль играла историческая традиция. Лишь в ходе буржуазных реформ 60-70-х гг. XIX в. их стали принимать по «найму» в медицинские учреждения, на почту и телеграф, в учебные заведения. Только с 1889 г. женщинам было разрешено работать на счетно-бухгалтерских и канцелярских должностях [1, с. 115-116]. Остановимся на деятельности земских учителей и земского медицинского среднего персонала, наиболее многочисленной и в сословном плане демократической прослойки провинциальной интеллигенции.

В 1895–1896 учебном году в земских школах Курской губернии числилось 240 учительниц. Из них только 18 (7,5 %) крестьянского происхождения. Но уже в 1901–1902 учебном году из 487 учительниц 57 (11,7 %) были выходцами из крестьянской среды [2, с. 195]. То есть, в конце пореформенного периода и в начале XX в. тенденция роста числа учительниц крестьянского

происхождения просматривалась отчетливо. Само ограниченное количество штатных единиц учителей в начальной сельской школе, незначительные оклады не могли сделать профессию учителя в крестьянской среде перспективной. Тем более сфера деятельности учительниц из крестьянских семей была ограничена земскими школами и частично женскими гимназиями, где все-таки приоритет отдавался учительницам из дворянского сословия. В конце пореформенного периода эти ограничения постепенно стали убираться из-за дефицита квалифицированных учителей в провинции [3, л. 38].

Из 273 представителей среднего медицинского персонала курских земских больниц установлена сословная принадлежность 151 (55,3 %) медработника. Из них 72 (47,6 %) были выходцами из крестьянской среды. При этом, в их числе женщин было всего 5. Средних медработников женского пола числилось 53 и, как было указано выше, 5 крестьянского происхождения. Основную часть женщин данной профессиональной категории представляли дворянки — 15 (28,3 %) [4, л. 28-152]. Фактически сфера медицинских услуг в земствах держалась на медработниках крестьянского происхождения.

Учитывая редкие случаи выхода крестьянских девушек за рамки среднего медицинского персонала и перехода их в медицинскую элиту — категорию врачей, необходимо отметить, что и здесь существовали ограничения по половому признаку. В мае 1898 г. вышел циркуляр Государственного Совета [3, л. 25], из которого следовало, что был, весьма узкий круг учреждений и высших учебных заведений, дающих право женщинам-врачам получить права госслужащего. С другой стороны, сам факт вывода их за рамки классных чинов, уже по представлению того времени ставило их в приниженное положение по отношению к врачам-мужчинам. Тем не менее, возможность женщинам получать права госслужащего было весьма существенным прорывом в плане личной профессиональной карьеры.

Таким образом, видно, что шанс на образование у крестьянских девушек был. Но необходимо также рассмотреть

причины, которые сводили практически на нет, возможности получения и хорошего образования и повышения статуса и достойной работы.

Причины низкого уровня грамотности в крестьянской среде, были, во многом, общими как для мальчиков, так и для девочек. Воронежский крестьянин Иван Столяров в своих воспоминаниях указывает на них: «В нашем селе было 500 дворов и около двух с половиной тысяч жителей. Много дворов было многодетных, однако записывалось всего 20 детей, мальчиков и девочек... Большинство крестьян не пожелали послать своих детей в школу потому, что считали учение бесполезным для них. Многие из них потому, что не хотели лишаться помощников в полевых работах. Другим препятствием были бедность родителей или расстояние: полторы — две версты и более от школы до большинства изб; и дорога трудная во время осенних дождей или зимних морозов. Надо было снабдить детей и подходящей одеждой, что было не под силу бедным семьям.

Дома их дети могли обходиться даже без обуви и верхней одежды в ненастье. Когда им нужно было выйти во двор, они надевали обувь и одежду взрослых членов семьи. Помогать во дворе по хозяйству они могли и в рваной одежде: на дворе не так холодно, как на улице, и земля суше. Чтобы погреться или посушить одежду, можно всегда войти в избу. Другое дело — идти в школу, пройти долгий путь при морозе 20-25 градусов для восьмилетних малышей было нелегко. В осеннее время в уличной грязи вязли не только дети, но и взрослые» [12, с. 361-362]. Несмотря на детальное описание материальных трудностей при сборе в школу детей, сезонных природных затруднений, расстояния до школы, в первую очередь, указывали, что главной причиной было непонимание родителями необходимости обучения детей грамоте. Данное замечание примечательно еще и тем, что описываемые события относятся к рубежу XIX—XX веков.

Предубежденность в необходимости обучения грамоте

девочек базировались на традиционализме крестьянских представлений о роли и месте женщины в семье. Главным её предназначением было продолжение рода, воспитание детей, домашние дела. Грамотность не являлась в данной сфере обязанностей крестьянской женщины чем-то мотивированным, крайне необходимым для жизнедеятельности. Ведь весь спектр официальных отношений с внешним миром, который находился за рамками двора или общины, ложился на плечи мужчин, для которых грамотность фактически уже считалась если не обязательной, то весьма желательной. Следствием этого было низкое количество учащихся девочек в школах. Например, в земских школах Курской губернии в 1895/1896 учебном году было 41 973 учащихся, из них девочек всего 6806 (16,2 %), в 1901/1902 учебном году этот показатель вырос на 19,4 % [8, с. 125]. Хотя процент роста обучающихся девочек был не большим, но именно это могло служить показателем того, что среди крестьян постепенно укреплялось осознание необходимости обучения детей.

Более наглядно причины малого процента девочек среди учащихся Курской губернии представлены в табл. 1, которая составлена на основе данных, собранных в 1905/1906 учебном году с мест и объединенных в пять основных групп [8, с. 126].

Табл. 1. Причины слабой посещаемости земских школ девочками Курской губернии (1905/1906 уч. г.)

п/п	Виды причин	Число показателей	В %
1	Экономические причины	157	49,2
2	Предубеждение против грамотности девочек	121	38
3	Теснота школьных помещений	25	7,8
4	Желательность женской школы	11	3,4
5	Дальность расстояния от школы	5	1,5
	Всего	319	100

Как ранее указывалось, на первом месте стояли причины экономического плана, которые включали в себя – нехватку средств на одежду и обувь; необходимость девочкам работать в домашнем хозяйстве; нанять младших братьев и сестер. Но здесь примечательным является факт того, что в начале XX века 38 % респондентов из крестьян высказывали предубеждение в адрес необходимости обучения грамоте девочек. Это является ярким примером ментального традиционализма крестьян, медленной трансформации сознания в условиях модернизационных пореформенных общественных процессов.

Таким образом, отношение к женскому образованию в крестьянской среде пореформенного периода медленно изменялось в сторону его необходимости, но препятствием здесь являлся крестьянский традиционализм во взглядах на роль и место женщины в семье, экономические трудности и социальная инертность самих женщин.

Примечания

1. *Архипова Т. Г.*, Румянцева М. Ф., Сенин А. С. История государственной службы в России XVIII–XX века / Т. Г. Архипова, М. Ф. Румянцева, А. С. Сенин. — М., 1999.
2. *Белокопский И. П.* Народное начальное образование в Курской губернии / И. П. Белокопский. — Курск, 1897.
3. *Государственный архив Белгородской области.* — Ф. 80. — Оп. 1. — Д. 171.
4. *Государственный архив Курской области.* — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 6910.
5. *Громыко М. М.* Мир русской деревни / М. М. Громыко. — М., 1991.
6. *Звонков А. П.* Современные брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губ., Елатомского уезда / А. П. Звонков // Труды этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. — Кн. 9: Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. — М., 1889. — Вып. 1.
7. *Кисляков Н.* Странствующие учителя и подвижные школы в Курской губернии / Н. Кисляков // Северный вестник. — 1888. — № 3.

8. *Мамаева Т. П.* Курское губернское земство народное образование в губернии во второй половине XIX — начале XX века / Т. П. Мамаева. — Старый Оскол, 2008.
9. *Первая* всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. — СПб., 1904. — Т. 9: Воронежская губерния.
10. *Первая* всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. — СПб., 1904. — Т. 20: Курская губерния.
11. *Семенова-Тян-Шанская О. П.* Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний / О. П. Семенова-Тян-Шанская. — М., 2010.
12. *Столяров И.* Записки русского крестьянина / И. Столяров // Записки очевидца. Воспоминания, дневники, письма. — М., 1990.

УДК 94(470 + 477): 316.75

Формування та розвиток державного патріотизму у системі монархічної ідеології в Російській імперії XIX – початку XX ст.

Гула Р. В.

Gula R. V. The Formation and Development of State Patriotism in the System of Monarchical Ideology in the Russian Empire XIX — early XX century. It was analyzed the role and place of patriotic idea in the safe ideology of the Russian Empire in the 19th — beginning 20th centuries.

Keywords: safe ideology, patriotism, conservatism, monarchism.

Гула Р. В. Формирование и развитие государственного патриотизма в системе монархической идеологии в Российской империи XIX — начала XX в. Раскрыто

содержание, проанализирована роль и место патриотизма в системе охранной идеологии Российской империи XIX – начала XX ст. Раскрыто содержание концептуальных основ т. нз. «монархического патриотизма».

Ключевые слова: охранная идеология, патриотизм, консерватизм, монархизм.

Гула Р. В. Формування та розвиток державного патріотизму у системі монархічної ідеології в Російській імперії XIX – початку XX ст. Проаналізовано роль і місце патріотизму в системі охоронної ідеології Російської імперії XIX – початку XX ст. Розкрито зміст основних концептуальних положень т. зн. «монархічного патріотизму».

Ключові слова: охоронна ідеологія, патріотизм, консерватизм, монархізм.

Розробка теми пов'язана з необхідністю всебічного аналізу системи монархічної ідеології. Аналіз останніх досліджень і публікацій свідчить про наявність широкого плюралістичного спектру поглядів на наше минуле. З цього приводу заслуговують на особливу увагу праці О. В. Репнікова, С. М. Санькової та ін. питань вивчення особливостей та ролі й місця патріотизму в системі консервативних цінностей [17, 18].

Автор статті ставив за мету на основі ретроспективного аналізу визначити чинники, які найбільш впливали на формування світоглядних основ т. зв. «монархічного патріотизму».

У Російській імперії державно-патріотична ідея виступала у вигляді як офіційної (охоронної) ідеології, так і ставала основою концепцій модернізації, які відстоювали деякі суспільно-політичні рухи і партії.

Складний, нелінійний шлях зародження, розвитку та функціонування державно-патріотичної ідеї пройшов через низку діалектичних заперечень, основними із яких, на нашу думку, були протиріччя між духовним змістом патріотизму та

його державною формою; інтернаціональною християнською сутністю та її проявом у вигляді національно-державного явища; гуманістичними ідеалами патріотизму та примусово-імперативними методами їх реалізації; догматизмом основних постулатів та релятивізмом абсолютизації складових патріотичної ідеї у залежності від цілей її перспективного впровадження.

На нашу думку, можна виділити певні етапи, які фіксують процеси зародження, функціонування та концептуального оформлення патріотичної ідеології.

Перший етап обмежений хронологічними рамками X–XV ст. від прийняття християнства до царювання Івана IV.

Особливостями патріотичної ідеї цього етапу були затвердження ідеї «Святої Русі» у вигляді об'єднавчих тенденцій щодо створення слов'янської держави на православній основі; культивування ідеї військового братства, вірності князю та дружині; формування загальнонаціональної патріотичної ідеї, як форми самоіндифікації народу.

Історико-літературні пам'ятки того часу, насамперед «Повість минулих літ» (початок XII ст.), «Слово о полку Ігореві» (кінець XII ст.) відображають процес зародження суспільно-політичної думки і фіксують зародження патріотизму як такого. Головними ідеями виступають концептуальні положення любові до рідної землі, вірності військовому обов'язку, засудження сепаратистських тенденцій правлячої верхівки, зміцнення єдності Русі на основі патріотичного служіння загальним інтересам.

Другий етап охоплює часові рамки XVI – кінця XVII ст. від створення російської централізованої держави до реформ Петра I. Він характеризується наступними особливостями: формування месіанської ідеї «Москва – третій Рим»; зміцнення патріотичної ідеї у її органічній єдності з державною ідеологією; визначення патріотизму як військово-професійної якості та морального принципу поведінки воїна.

Історичні події XV ст. обумовили формування Московської Русі, як єдиної православної держави. Це стало підставою, для

формування монахом Філофеем концепції «Москва – третій Рим і четвертому не бути» [15]. Таким чином була визначена месіанська роль Русі, як єдиної опори, центру духовного відродження православ'я.

Поряд зі зміцненням Московської держави, об'єднання земель навколо нового політичного центру, спостерігається початок процесу своєрідного злиття патріотичної ідеї з ідеєю державності. «Статут ратних і гарматних справ» (початок XVII ст.) визначає поняття військового патріотизму, як професійної та моральної якості воїна, який захищає державу.

Третій етап охоплює часовий відрізок від реформ Петра I (кінець XVII ст.) до Лютневої революції 1917 р.

Особливостями функціонування патріотичної ідеології цього етапу були: посилення світської самодержавно-монархічної влади при збереженні основ православної духовності; пропаганда наднаціонального характеру патріотичної ідеї поряд з пріоритетними преференціями російської нації; відносно стійка тенденція до стагнації, яка була пов'язана із створенням жорстко замкненої, суворо обмеженої в розвитку системи ідей та поглядів.

З початку реформ Петра I відбувається зміщення пріоритетності понять патріотизму від особистісного до державного. Державний патріотизм трактується як найвища цінність. Служба Вітчизні визначена головною чеснотою та нормативно закріплена у «Табелі про ранги», як обов'язкова умова для кар'єрного росту та отримання відзнак. Ідея єдності народів імперії на основі монархічної державно-патріотичної ідеології розроблялася у працях відомих філософів та істориків XVII–XVIII ст. Ф. Прокоповича (1681–1736), І. Т. Посошкова (1652–1726), В. М. Татищева (1686–1750).

Схема державно-монархічного патріотизму у Російській імперії вкладалась у тричленну формулу «православ'я – самодержавство – народність» (так звану «уваровську триаду»).

Основними принципами монархічної патріотичної ідеології були: історизм, який втілювався в тезу про самотутність

історичного шляху розвитку Російської держави; надкласовість, яка базувалася на ідеї народного початку самодержавної влади; патерналізм, який означав єднання влади з народом, батьківську турботу царя про народ; націоналізм, месіанство, які виявлялися в абсолютизації ролі російського народу, православ'я та самодержавного ладу.

Принцип історизму, як вихідне начало теоретичного обґрунтування існування унікальної та самотутньої Російської держави, вперше розкрив російський історик М. М. Карамзін. У своїй «Записке о древней и новой России» Карамзін, використовуючи історичні приклади, доводив, що основою могутності Росії є самодержавство. «Самодержавство заснувало і воскресило Росію, зі зміною державного устрою вона загинула і повинна загинути, як складена з частин таких численних і різноманітних» [11, с. 123].

Прибічник самодержавства, М. М. Карамзін разом з тим відстоював дворянські права і привілеї, насамперед права і привілеї родової знаті, аристократії. Карамзін таким чином сформулював свою позицію: «Дворянство і духовенство, Сенат і Синод, ..., над всіма Государ, єдиний законодавець, єдине джерело влади, ось основа Російської монархії» [11, с. 119–120]. Карамзін чітко висловлював позицію консервативного дворянства, яка у нього базується на тезі, що «наше правління є батьківське, патріархальне» [11, с. 124]. Таким чином, абсолютизуючи самодержавство як силу, що сприяє історичному розвитку Росії, підкреслюючи його непорушність, М. М. Карамзін уперше сформулював тріаду охоронної ідеології як самодержавство, православ'я і самотутність, яка згодом трансформувалася в «самодержавство – православ'я – народність».

Слід зазначити, що ці ідеї, які були покладені в основу державно-воєнного патріотизму кінця XVIII – початку XIX ст., досить високо оцінювалися сучасниками. Так, П. Чаадаєв, якого важко віднести до апологетів самодержавної Росії, тем не менш, зазначав, що «Жоден народ, не ототожнював себе до такого

ступеню зі своїм урядом, як російський народ у роки перемог» [21, с. 186]. Сучасний російський дослідник В. Артамонов стверджує, що «на початку XIX ст. в державному гаслі «За Віру, Царя, Вітчизну» усі три компоненти були сплавлені в амальгаму, і центральна частина цієї формули – «За Царя» – служила повноцінним виразом державного патріотизму» [3, с. 48].

Продовжуючи справи М. М. Карамзіна в історичному обґрунтуванні самодержавної влади, як вищого виразу патріотичної свідомості, С. М. Соловйов в «Історії Росії» [3] рішуче засуджував усі антиурядові виступи як в минулому, так і в близький до нього час, як своєрідну антитезу російському патріотизму. Розвиток ідеї історичного призначення самодержавства ми знаходимо в одному з історичних творів Д. І. Іловайського «Історія Росії», написаному в дусі монархічної ідеології Росії [7].

Така підвищена увага до історії самодержавної влади як символу патріотизму у другій половині XIX ст. пов'язана насамперед із кризовими явищами у свідомості росіян. Грудневе повстання 1825 р., поразка в Кримській війні 1855–1856 рр. викликали сумніви, а потім і заперечення сакральної суті божого помазанника – православного царя.

У цих умовах історичне обґрунтування непорушності самодержавних устоїв здійснив видатний ідеолог монархізму Л. Тихомиров. Він пройшов складний шлях від підтримки крайностей революційного терору народовольчого екстремізму до їх повного заперечення. Л. О. Тихомиров увійшов у історичну науку як найбільш ортодоксальний апологет необмеженої самодержавної влади.

Глибоке розкриття «принципу історизму» знаходимо у фундаментальній праці Л. О. Тихомирова «Монархічна державність». Він вважав, що російська самодержавна влада є логічним результатом історичного розвитку не тільки Росії, а всього світового історичного процесу [20].

«Принцип історизму» розкривав докорінну відмінність Росії від Заходу та органічно поєднувався з принципом надкласовості

самодержавства та його народних початків, самобутності географічного, етнічного, національно-психологічного розвитку слов'ян. Страх перед «жахливою французької революцією» спонукає Карамзіна протиставити Росію державам Європи. Звідси його неприйняття реформ Петра. Зокрема, він писав: «Ми стали громадянами світу, але перестали бути громадянами Росії. Виною тому Пётр» [11, с. 126]. Розвиток цієї тези знайшов своє відображення у поглядах російських слов'янофілів та інших інтелектуалів, які відстоювали концепцію принципової відмінності історії Росії від історії країн Заходу. Так, розвиваючи думку М. М. Карамзіна про неприйнятність для Росії принципів конституційної монархії та буржуазної демократії, М. П. Погодін стверджував, що в цій державі «немає ні розподілу, ні феодалізму, ні середнього стану, ні рабства, ні ненависті, ні боротьби» [14, с. 10]. І. Аксаков, підкреслюючи особливу роль Росії, її історичного шляху, в своїй праці «Слов'янське питання 1860–1866 рр.» звертав увагу на те, що «Російська держава тільки до того часу сильна та міцна, доки вона просякнута духом російської народності, доки вона залишиться вірним російському народному початку, доки вона – Русь...» [1, с. 17]. М. Я. Данилевський таким чином прокоментував спроби синтезу західних цінностей з російською самобутністю: «Прищеплення європейської цивілізації до російської дички ...зробив Пётр Великий... Але результати відомі: ані самобутньої культури не з'явилося на російському ґрунті при цих операціях, ані іноземне не проникло далі поверхні суспільства» [5, с. 66]. Російський філософ І. О. Ільїн стверджував, що «Росія не пуста місткість, в яку можна механічно вкласти все що завгодно, а...жива духовна система, зі своїми історичними драмами та завданнями...» [8, с. 89].

Цікаво, що розвиток ідеї національно-цивілізаційної винятковості Росії базувався на постулаті деградації Заходу. «На Заході душі не має» – стверджував К.С.Аксаков [2, с. 62]. М. П. Погодін вважав, що «блискучі плоди Європи ростуть з дерева, котре, якщо придивитися – дерев'яна труна» [14, с. 266].

«Принцип патерналізму», тобто єднання царя та народу розглядався крізь призму історичного процесу, державного будівництва, релігійних ідей. Наприклад «західник» К. Кавелін стверджував, що «народ і царська влада в нас зжилися, як Англія зі своїм парламентом, обидва заклади глибоко національні» [10, с. 639]. «Слов'янофіл» М. М. Погодін за основу відмінності розвитку Росії від Заходу вважав тезу про «єднання царя з народом» [14, с. 12].

Л. О. Тихомиров принцип єднання царя з народом трактував як ідею загальногромадянського суспільного ладу, де інтереси соціальних груп об'єднуються так званою «істинною монархією», яка представляє інтереси усіх класів та страт. Причому «верховна влада» виступає у ролі своєрідного об'єднуючого начала для суспільства [20, с. 473–474, 682].

Відстоюючи принцип єднання царя з народом, Д. І. Іловайський, на відміну від М. Карамзіна, свідомо розширив соціальну базу самодержавства від дворянства до всіх станів російського суспільства: «Російське самодержавство існує для блага російського народу» [6, с. 421].

Закладені у свідомість росіян патерналістські конструкції, на початку XX ст., знаходилися у кризовому стані. Населення Росії вже не ідеалізувало царську владу та монарха. Самодержавство, навпаки, вже не тільки не було в змозі надати натхненні стимули, але й викликало ненависть проти «господ взагалі». Втім, серед досить широких кіл суспільства, за влучним висловом С. М. Трубецького, це була ненависть, яка виражалася в патріотичних формах [13, с. 259].

Націоналістична складова російського патріотизму визначала пріоритетний розвиток російської нації, як засновниці великої імперії, «третього Риму».

Під час царювання імператора Миколи I величезна увага приділялася російському патріотизму, який був теоретично оформлений як російський націоналізм у ідеологічній системі «офіційної народності» [12, с. 90]. Царювання Миколи I сьогодні бачиться як «золоте століття російського націоналізму».

Царський маніфест, який був виданий після грудневого повстання 1825 р. визнавав за необхідне «очистити Русь святу від...зарази ззовні нам принесену». Таку ж думку розвиває маніфест, який був виданий одразу після завершення слідства над учасниками грудневого повстання. Придушення збройного виступу, за маніфестом, «очистило Вітчизну від наслідків зарази, яка стільки років приховувалася». Підкреслено, що «ані у словах, ані у звичаях російських був цей умисел», тому потрібно «насаджати вітчизняне, природне...виховання» [Цит. за: 16, с. 254].

Л. О. Тихомиров вважав, що «державними здібностями наділено порівняно невелику кількість націй» [19, с. 609]. Безумовно російська нація, як єдність великоруського, малоруського та білоруського народів, на думку Л. О. Тихомирова, довела своє історичне значення, створивши наймогутнішу слов'янську державу світу. Наприкінці XIX ст. – початку XX ст. змістовне наповнення «монархічного патріотизму» відбувалося через розвиток поняття «державний націоналізм». За визначенням російського дослідника С. М. Саньковой, державний націоналізм є «відстоювання пріоритетів державотворюючої нації не заради її самої, а заради загальнодержавних інтересів у цілому» [18, с. 102]. Тобто, ця нація, за думкою ідеологів «державного націоналізму», повинна виконувати роль цементуючої та консолідуючої сили держави з метою збереження її територіальної, суспільної та політичної цілісності. Таким чином, надання привілейованих прав цієї нації є цілком обґрунтованим, виходячи із додаткових обов'язків, які вона несе у ході державного будівництва Російської імперії. Верховна влада повинна захищати права титульної нації, що на думку ідеологів, забезпечить у державі міжетнічний мир. Найбільш активно відстоювали постулати «державного націоналізму» М. М. Катков, О. С. Суворін, М. О. Меньшиков.

На думку російського філософа І. Ільїна «націоналізм є любов до духу свого народу ... його духовної своєрідності». Формою виразу націоналізму є «патріотична самосвідомість», як відчуття того, що «мій шлях до духу є шлях моєї батьківщини...Таке

злиття патріота з його батьківщиною веде до чудового та плідного ототожнення їх духовних енергій». Відповідно й національна патріотична самосвідомість є любов до батьківщини, віра у її історичну місію та реальна, неідеалізована оцінка свого народу, його духовних якостей [9, с. 196-201].

Слід зазначити, що деякі представники російської інтелігенції вірно зрозуміли загрозу патріотичної ідеології при використанні лише вузько національних домінант. Наприклад Є. Трубецької, у своєї праці «Сенс війни», яка була присвячена аналізу патріотичних настроїв населення Російської імперії на початку Першої світової війни відзначав пріоритетне значення російського патріотизму перед німецьким націоналізмом. На думку Є. Трубецького, «могутній підйом патріотичного відчуття...об'єднує у єдине ціле усі народи великої імперії, тому що у ньому немає національної виключності, немає самообожнення, немає той ... ненависті до інших народів, котра складає характерну рису націоналізму...Нас об'єднала ціль не вузьконаціональна, а наднародна». Є. Трубецької справедливо звинувачував владу в проведенні перед війною націоналістичної патріотичної державної політики, яка мала тенденцію до розвитку лише «слабко розвинутої національної самосвідомості». Але він висловлював надію на те, що під час війни народ позбавиться цього націоналізму. Є. Трубецької вважав, що «народ просякнутий ... почуттям ... величі російської батьківщини, у якій є місце для об'єднання великого багатоманіття племен», стане носієм наднародності російського патріотизму [21, с. 8-9].

Таким чином, патріотизм у Російській імперії, як соціокультурне явище займав особливе місце у життєдіяльності суспільства. Він відігравав роль консолідуючого чинника при становленні державності, у процесі її захисту від зовнішньої експансії та організації суспільних та національних відносин. Втім його зміст не залишався незмінним. Під впливом різних факторів та за участі багатьох інтелектуалів він набував різного значення у різні періоди історії.

Примітки

1. Аксаков И. С. Сочинения 1860—1886. Статьи из «Дня», «Москвича» и «Руси» / И. С. Аксаков. — М., 1886—1887. — Т. 1.
2. Аксаков К. С. Литературная критика / К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. — М., 1992.
3. Артамонов В. А. Государственный, военный и революционный патриотизм в России в XIX—начале XX вв. / В. А. Артамонов // Военно-исторический журнал. — 2005. — № 2.
4. Бердяев Н. А. Душа России / Н. А. Бердяев. — М., 1990.
5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. — М., 1991.
6. Иловайский Д. И. Сочинения / Д. И. Иловайский. — М., 1884.
7. Иловайский Д. И. Краткие очерки русской истории / Д. И. Иловайский. — М., 1912.
8. Ильин И. А. О русской идее / И. А. Ильин // Слово. — 1990. — № 8.
9. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. / И. А. Ильин. — М., 1993. — Т. 1.
10. Кавелин К. Д. Собрание сочинений / К. Д. Кавелин. — СПб., 1899. — Т. 1: Монографии по русской истории.
11. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н. М. Карамзин. — СПб., 1914.
12. Мунчаев Ш. М. Политическая история России. От становления самодержавия до падения Советской власти / Ш. М. Мунчаев, К. Д. Устинов. — М., 1999.
13. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II / С. С. Ольденбург. — М., 1992.
14. Погодин М. Н. Историко-критические отрывки / М. Н. Погодин. — М., 1846.
15. Послания старца Филофея // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV первая половина XVI века. — М., 1984.
16. Пресняков А. Е. Российские самодержцы / А. Е. Пресняков. — М., 1990.
17. Санькова С. М. Российская монархия в представлении идеологов государственного национализма / С. М. Санькова // Власть. — 2009. — № 2.
18. Соловьев С. М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. — М., 2011.

19. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. — М., 1998.
20. Трубецкой Е. Смысль войны / Евгений Трубецкой, князь. — М., 1914.
21. Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. / П. Я. Чаадаев. — М., 1991. — Т. 2.

УДК 94 (477.54) «1817 1822»

Система розселення поселеної кавалерії у Слобідсько-Українській губернії у 1817–1822 роках

Бучаста С. І.

Buchasta S. System Deployment Lodged Cavalry in Slobodsko-Ukrainian Province 1817–1822. The article examines the process of forming a new deployment system in the settlement of the military cavalry in Slobodsko-Ukrainian province during its organization. The basic goals of redistribution of population. It is concluded that the artificially created deployment system gave rise to a unified infrastructure settlements.

Keywords: system deployment, military settlements and infrastructure.

Бучастая С. И. Система расселения поселенной кавалерии в Слободско-Украинской губернии в 1817–1822 годах. В статье исследован процесс формирования новой системы расселения на территории военного поселения кавалерии в Слободско-Украинской губернии в период его организации. Выявлены основные цели перераспределения населения. Делается вывод о том, что искусственно созданная система расселения порождала унифицированную инфраструктуру населенных пунктов.

Ключевые слова: система расселения, военные поселения,

© Бучаста С. І., 2013

інфраструктура.

Бучаста С. І. Система розселення поселеної кавалерії у Слобідсько-Українській губернії у 1817–1822 роках. У статті досліджено процес формування нової системи розселення на території військового поселення кавалерії у Слобідсько-Українській губернії у період його організації. Виявлено основні цілі перерозподілу населення. Робиться висновок про те, що штучно створена система розселення породжувала уніфіковану інфраструктуру населених пунктів.

Ключові слова: система розселення, військові поселення, інфраструктура.

У вітчизняній історичній науці довгий час військові поселення визнавалися невдалим державним економічним експериментом. Вплив нових адміністративних утворень на розвиток окремих територій комплексно не розглядався незважаючи на значний за часом період їх існування з 1816 до 1857 року. Лише від початку 1990-х років з'явилися роботи щодо окремих регіональних поселень, що дозволило дослідити нові аспекти економічного розвитку поселеної системи. По-новому осмислюються питання економічної ефективності військових поселень [1; 2; 3; 4; 15]. Автор статті вважає за необхідне на прикладі округів військових поселень кавалерії у Слобідсько-Українській губернії розглянути особливості територіального розміщення населення як основи формування матеріальної інфраструктури населених пунктів, яка забезпечувала життєздатність соціально-економічного середовища поселення.

Згідно проектів «Учреждения о военном поселении пехоты» та «Учреждения о военном поселении регулярной кавалерии» (1817 р.) для поселення полку призначався певний територіальний округ казенних земель з усіма корінними жителями. Округ повністю виключався з цивільного відомства та поступав до безпосереднього військового управління стаючи закритою системою. В масштабах держави округи військових поселень

до 1826 року були територіально розміщені у Новгородській, Петербурзькій, Вітебській, Могилевській, Слобідсько-Українській, Херсонській, Катеринославській губерніях у відповідності до стратегічних цілей створення другого ешелону оборони північних, західних і південних кордонів держави. У разі війни вони ставали базою продовольчого та фуражного забезпечення, джерелом резервів діючої армії [3, с. 100].

Система розселення в середині округів, як територіально цілісна сукупність населених пунктів, повинна була функціонально відповідати головним стратегічним та економічним цілям військового поселення та забезпечувати самопродовольство війська від землі округу завдяки суміщенню землеробських та військових занять населення, квартирне розміщення окремих армійських частин, підготовку матеріальних та людських резервів для армії. «Округи військових поселень, на думку імператора та представників верховної влади, повинні були стати своєрідними еталонними, або зразковими, побудовами в плані розвитку сільських та малих міських поселень» [3, с. 101].

У 1817 році на території Зміївського та Вовчанського повітів. Слобідсько-Української губернії були поселені чотири полки 3-ї (пізніше перейменованої у 2-гу) уланської дивізії – Таганрогський, Чугуївський, Борисоглібський та Серпухівський. За проектом для поселення регулярного кавалерійського полку призначалася територія не менше 30 тис. десятин землі з населенням не менше 7 тис. ревільських душ [4, с. 57].

До складу поселеного кавалерійського полку входило 3 поселених, 3 резервних та 6 діючих ескадронів. Поселені ескадрони формувалися частково з солдат полку та переважно з корінних мешканців віком до 45 років з розряду державних селян або козаків [15, с. 59]. Розподіл поселенців між категоріями поселених хазяїв, резервних та діючих залежав від майнового становища. Всі поселенці поступали до складу поселених та резервних ескадронів разом із всім своїм господарством – будинками, тягловою худобою, ділянкою землі, знаряддями праці. Будувати нові поселення було недоцільним.

У кожному поселеному ескадроні налічувалось 8 унтер-офіцерів, 3 сурмача, 180 рядових, а всього 191 хазяїн-поселянин, які отримували осілість. Тобто, кожному з них покладался наділ орної землі, дім для проживання, господарчі споруди, знаряддя праці. У трьох поселених ескадронах оселялось 573 хазяїна. У трьох резервних ескадронах оселялась така ж сама чисельність та склад чинів, які визначались як помічники хазяїв та складали з ними одне господарство (родину). Крім того, у кожному поселеному та резервному ескадрону проживали 4 вахмістра, 4 унтер-офіцера, 1 старший вахмістр та 1 квартирмейстер, які не отримували осілости (непоселені). 18 штаб та обер-офіцерів поселених та резервних ескадронів також отримували квартири без осілости [8, арк. 20-20 зв.].

До складу 6 діючих ескадронів входило 1080 рядових (по 180 у кожному ескадроні), 49 штаб- та обер-офіцерів, 108 унтер-офіцерів, 19 сурмачів, 30 нестройових, 20 майстрових, 19 фурлейтеров. Всього 1325 чоловік. Понад те, у окрузі кожного полку перебував учбовий ескадрон з 200 кантоністів старшого віку та команди «служаших» та «неслужаших» інвалідів, кількість яких не обмежувалась [7, с. 58-59].

Кожне господарство хазяїна з резервним приймало на постій двох солдатів з діючих ескадронів, які в свою чергу у вільний від служби час надавали допомогу хазяїну по господарству. Для інших чинів необхідно було організувати квартири у селищах округу та необхідну матеріально-господарчу базу для несення служби.

При складанні списків поселенців у округах 2-ї уланської дивізії виявилось, що кількість міцних господарств місцевих жителів значно перевищує нормативну. Так у Таганрогському полку нараховувалось поселенців-хазяїв 676, резервних 658, у Чугуївському – 659 та 761, у Борисоглібському – 758 та 758, у Серпухівському 750 та 726 відповідно [12, арк. 6-12]. Аби не втратити додаткову господарчу базу було дозволено записувати всіх в надкомплектне число, навіть якщо не буде вистачати чинів у діючих ескадронах [8, арк. 93-94]. Дозволялось порушувати

віковий ценз, переводити до престарілих отців-хазяїв синів з діючих ескадронів. Осілість отримували також інваліди за віком (після 45 років) та станом здоров'я, які виконували посильні їм функції у поселенні. Такі надкомплектні хазяї також приписувались до одного з 573 господарств поселенців-хазяїв.

З'єднуючи декілька категорій поселенців у одному господарстві, уряд сприяв підвищенню його ефективності та стабільності. Диференціація військово-поселенських господарств зводилась до мінімуму. Поселенцям надавались відповідні економічні та соціальні гарантії, аби як найскоріше досягти стабільності економічного розвитку поселень. Але значно збільшувався перелік обов'язків [3, с. 101]. Господарча структура селищ уніфікувалась.

Пошук раціональної схеми розселення ескадронів 2-ї поселеної дивізії у населених пунктах. У квітні 1818 року наказом О. А. Аракчеєва було оголошено, що в окрузі 3-ї уланської дивізії селища переноситися не будуть крім хуторів, які знаходились на землях, що відходили поміщикам-власникам черезсмужних угідь як компенсація. Негативний досвід поселень піхоти з розміщення хазяїна та резервного в одному домі відмінявся, але наказувалось зберігати при розселенні сімейні зв'язки [13, арк. 13-17].

Первинною одиницею розселення повинно було стати ескадронне селище. Головним принципом розселення ескадронів вважались зручність в обробці полів та близькість доставки хліба і сіна. Орні та сінокісні ділянки не повинні були віддалятися від селища більш ніж на 5 верст. Враховуючі ці розрахунки та принципи Комісія тимчасового управління військовим поселенням 3-ї уланської дивізії у жовтні 1817 року запропонувала розселяти кожний ескадрон на 4, а полк на 12 селищ. У 13-му селищі розташовувався полковий штаб. Але при натурному обстеженні місць розселення командирам полків рекомендувалось не обмежуватись запропонованою схемою та фіксувати всі зручні для організації ескадронних селищ існуючі населені пункти

як на землях військового поселення, так і на черезсмужних поміщицьких угіддях [10, арк. 324]. У відповідності до Положення «О выборе мест для построения полковых штабов и поселенных рот в округах военного поселения 1-й Гренадерской дивизии» вимогами до місцеположення селищ були: достатня кількість води для людей та худоби, здорове природне положення, близькість орних ділянок та городів, можливість забезпечення будівельними матеріалами, відсутність природних перешкод у сполученні між полковим штабом, ескадронами та взводами [11, арк. 17-17 зв.].

Протягом наступних років уточнювались складені посімейні списки поселенців різних соціальних категорій. Через смужні поміщицькі земельні ділянки обмінювались на інші за округом військового поселення. Уточнювався та вирівнювався кількісний склад полків та площа земель округів.

24 жовтня 1822 року наказом О. А. Аракчеєва було затверджено запропоноване Комісією тимчасового управління нове положення про місця розміщення поселених ескадронів 2-ї уланської дивізії. Кількість землі округу кожного полку вже складала 40 000 десятин. Ділянки землі переводились з одного округу до другого для вирівнювання. Кількість поселених хазяїв тепер складала 549 в поселених ескадронах та 51 у фуштатській роті, що разом становило 600 в полку. Розселення ескадронів 2-ї уланської дивізії відбувалося як сукупно так і по півескадронах та взводах (див. табл. 1).

Майже у всіх ескадронах залишалося значне число надкомплектних хазяїв, які оселялися у селищах або на окремих місцях, або ставили свій дім на дворі хазяїна, до якого були приписані. Для розміщення інвалідів були призначені селища Кочеток, П'ятницьке та Покровське [9, арк. 39 зв.- 40].

Але у більшості випадків існуючі населені пункти обрані для організації ескадронного селища не відповідали потребам нового плану розселення за чисельністю поселенців різних категорій. Тому за новою програмою розселення передбачувалося переселення

разом з будинками великої кількості поселян з малих селищ та хуторів. У окрузі Таганрогського полку на місці залишилося – 1001 будинок, було перенесено – 1094. В окрузі Чугуївського полку відповідно – 977 та 551, Борисоглібського – 1554 та 579, Серпухівського – 592 та 1254 [11, арк. 102 зв., 130-134, 163, 198]. В переселенні були задіяні в окрузі Таганрогського – 44 хутори, 31 селище, 3 слободи, в окрузі Чугуївського полку – 4 селища, 1 слобода та 1 місто, в окрузі Борисоглібського – 3 хутори, 1 селище, 2 слободи, в окрузі Серпухівського – 27 хуторів, 23 селища, 3 слободи. В окремих випадках декілька населених пунктів об'єднували в один (Шелудьківка та Гинєєвка, Тетлега та Зарожне), або засновували їх на нових місцях (Новопокровське та Коробочкіно).

Відстань ескадронних, півескадронних та взводних селищ від полкового штабу складала від 4 до 25,5 верст, від ескадронних штабів – від 2 до 12 верст. Відстань між взводами у одному селищах зазвичай рівнялась декільком сажням, а окремо розселені взводи відстояли один від одного на декілька верст.

Планування і забудова селищ в полкових округах набували системного і регулярного характеру. Протягом 1823–1824 років були розроблені та затверджені проектні плани селищ 2-ї уланської дивізії – Артемівське, Юрченкове, Василенкове, Бурлуцьке, Новопокровське, Коробочкине, Борисоглібськ, Скрипаєво, Мосьпанове, Вербовка, Борщове, Бригадирівка, Яковенкове, Волохово та міста Чугуїв [14, арк. 47-48]. Розмір населеного пункту визначалися його статусом.

Видане у 1821 році положення «О числе, разделении в поселенных эскадронах унтер-офицеров и рядовых на взводы и десятки, и расположение оных по домам» остаточно закріплювало устрій та структуру ескадронних поселень, надавало поняття про функціональне призначення будівель [5].

Кожний військовий поселянин-хазяїн отримував окремий будинок, у якому передбачалась окрема кімната для постояльца з числа чинів діючих ескадронів. Кожний резервний, помічник хазяїна, отримував дім трохи менший за хазяйський на одному

дворі з ним. Усього таких дворів з двома будинками у ескадроні нараховувалось 183. У кожному дворі квартирувало 2 рядових з діючих ескадронів. Військові поселенці та їх помічники мали один номер у списках хазяїв, який співпадав з номером їхніх будинків (дворів), ділянок землі у полях та городах. Цей же номер позначався на погонах та картах поселень. Рядові першого взводу кожного поселеного та резервного ескадрону займали номери з 1 до 41, другого – з 46 до 86, третього – з 91 до 131, четвертого – з 136 до 176, поселені унтер-офіцери та віце-унтер-офіцери відповідно займали номери 42, 43, 44, 87, 88, 89, 132, 133, 134, 177, 178, 179, молодші вахмістри – 45, 90, 135, 180. Для проживання сурмачів призначалися окремі дома під номерами 181, 182, 183. Нумерація садиб розпочиналася з правого флангу головної вулиці ескадронного селища.

В кожному ескадроні крім вищезначених 183-х дворів мало знаходитись ще 7 будинків ескадронного штабу та ескадронний критий манеж на 2 вольти. Зазвичай вони розташовувались на площі у середині поселення ескадрону та виконували функції адміністративного центру.

До штабних будинків відносилися: два будинки для проживання восьми офіцерів кожний, два будинки для непоселених унтер-офіцерів і віце-унтер-офіцерів, будинок для чергового по ескадрону офіцера, ескадронного комітету, проживання старших вахмістрів та квартирмейстерів поселеного та резервного ескадрону, будинок для ескадронної школи суміщеної з капличкою, будинок для ескадронних лавок та ескадронних пожежних інструментів. Для розміщення 314 стройових коней двох діючих ескадронів у кожному взводі будувалося по дві конюшні, всього в ескадронному поселенні – 8. Ще одна стайня для 50 стройових коней резервного ескадрону також будувалась у поселенні.

Такий устрій ескадронного селища стосувався сукупного поселення всього поселеного ескадрону. Допускалося також розділення ескадрону на півескадрони, півескадрон та два взводи, або роздільно всі чотири взводи. У таких випадках кількість та

призначення штабних будинків у окремих населених пунктах визначались окремими правилами [6].

У кожному населеному пункті формувалась відповідна уніфікована інфраструктура, яка забезпечувати поселеним, резервним та діючим ескадронам полку управління, проживання, військову підготовку, господарче забезпечення поселеної та діючої частин, утримання та оновлення кінного складу, освітні, медичні та соціальні гарантії поселенцям, потреби релігійного культу, поліцейські функції охорони порядку, виробництво будівельних матеріалів та благоустрій.

Разом із змінами системи розселення змінювалась і транспортна мережа, яка є невід'ємною її частиною. Вона з'єднувала опорні центри різного ієрархічного рівня – полкові, ескадронні, взводні селища. Рівень комунікації між ескадронними селищами визначав швидкість мобілізації військ у разі необхідності. Дороги в окрузі дивізії поділялись на державні великі проїзні, якими опікувалось Управління шляхів сполучення та комунікаційні, що вели від ескадронних штабів до сіл приналежних даному ескадрону, з'єднували ескадронні селища між собою та з полковим штабом. Для будівництва та обслуговування ділянки доріг розділялися між взводами та ескадронами відповідно до місця квартирування. Польові дороги до лісів та полів залишалися в існуючому стані для проїзду на робочому возі [8, арк. 41 зв.-42 зв.].

Поселення військ в аспекті розселення виглядало як наближення виробничих сил до землі для підвищення економічної ефективності території розселення в цілях створення нової господарчої бази армії. Головною метою такого перерозподілу населення було забезпечення стабільного економічного розвитку населених пунктів, забезпечення військ квартирами та необхідними будинками та спорудами. Укрупнення селищ, вирівнювання їх економічної розвиненості, транспортної доступності, уніфікація інфраструктури повинні були стати головними інструментами в досягненні мети. Нова система розселення, яка формувалася за заданими державними потребами

векторам, змінила історично сформовану дрібнодисперсну мережу населених пунктів у частині регіону, їх адміністративний статус та демографію.

Примітки

1. *Блашков Ю. А.* Военные поселения на территории Белоруссии в первой половине XIX века: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ю. А. Блашков. — Минск, 1984.
2. *Кандаурова Т. Н.* Военные поселения в России: аспекты экономической истории / Т. Н. Кандаурова // Экономическая история: Ежегодник. 2000. — М., 2001.
3. *Кандаурова Т. Н.* Модели развития военных поселений первой половины XIX в. в России: общее и особенное / Т. Н. Кандаурова // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. труд. — Екатеринбург, 2002. — Вып. 2.
4. *Колеватов О. О.* Слобідсько-Українські військові поселення російської армії в 1817–1832 рр.: адміністративно-господарська структура: Дис. ... канд. іст. наук: 07.00.02 / О. О. Колеватов. — Чернівці, 2007.
5. *Положение о числе и разделении в поселенных эскадронах унтер-офицеров и рядовых на взводы и десятки, и о расположении оных по домам* // Разные положения о военном поселении. — 1821. — Кн. 2.
6. *Правила о разделении эскадронных штабных строений в различных видах поселения эскадронов, кроме совокупного* // Разные положения о военном поселении. — 1821. — Кн. 2.
7. *Хроника Российской императорской армии, составленная по Высочайшему повелению.* — СПб., 1852. — Ч. 5.
8. *ЦДІАК України.* — Ф. 1314. — Оп. 1. — Спр. 3.
9. *ЦДІАК України.* — Ф. 1323. — Оп. 1. — Спр. 45.
10. *ЦДІАК України.* — Ф. 1352. — Оп. 1. — Спр. 1.
11. *ЦДІАК України.* — Ф. 1352. — Оп. 1. — Спр. 41.
12. *ЦДІАК України.* — Ф. 1352. — Оп. 2. — Спр. 14.
13. *ЦДІАК України.* — Ф. 1353. — Оп. 1. — Спр. 1.
14. *ЦДІАК України.* — Ф. 1353. — Оп. 1. — Спр. 29.
15. *Ячменихин К. М.* Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия / К. М. Ячменихин. — Чернигов, 2006.

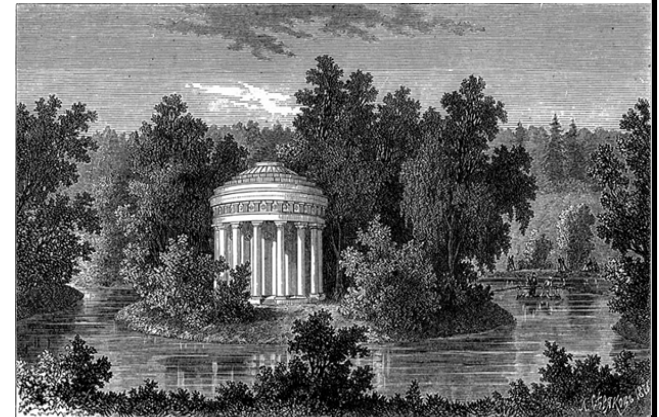
Таблиця 1

Розселення поселених та резервних* ескадронів 2-ї уланської дивізії
затверджене наказом Головного над військовими поселеннями начальника

№ 249 від 24. 10. 1822 р.
[9, арк. 1-22зв.; 11, арк. 49-70]

	Таганрогський уланський полк	Чугуївський уланський полк	Борисо-глібський уланський полк	Серпухівський уланський полк
Дивізійний штаб	м. Чугуїв			
Полковий штаб	сл. Печеніги	м. Чугуїв	сел. Вербовка	сл. Балаклія
Фурштатська рота				
1-ий ескадрон				
Ескадронний штаб				
1-й взвод				
2-й взвод				
3-й взвод	сел. Артемівське	сел. Кам'яна Яруга		сел. Вербовка
4-й взвод		сел. Новопокровське		
2-ий ескадрон	сел. Юрченково	сл. Малинівка	сл. Андріївка	сел. Борщове
Ескадронний штаб				
1-й взвод				
2-й взвод				сл. Бригадирівка
3-й взвод				
4-й взвод				
3-ій ескадрон	сел. Бурлуцьке	сел. Зарожне і Тетлега	сел. Скрипаєво	сел. Яковенкове
Ескадронний штаб				
1-й взвод				
2-й взвод	сел. Велике	сл. Велика Бабка	сел. Мосьпанове	сел. Волохово
3-й взвод				
4-й взвод		сл. Піщана		

* В кожному поселеному (з резервним) ескадроні квартирував днючий дивізіон

РЕЦЕНЗІЇ ТА ОГЛЯДИ

История России XVI–XIX столетий на страницах научно-популярных изданий

(Рец. на кн.: Духопельников В. М. Крымская война. — Х.: Фолио, 2009. — 120 с.; Духопельников В. М. Петр Первый. — Х.: Фолио, 2011. — 120 с.; Духопельников В. М. Иван Грозный. — Х.: Фолио, 2011. — 120 с.)

Черный Д. Н.

Харьковское книжное издательство «Фолио» с началом XXI столетия стало инициатором издания ряда серий исторических изданий, посвященных как истории Украины, так и истории зарубежных стран, среди которых значительное место отводится истории России, становления и развития отношений между Украиной и Россией. Концепция подобных серий берет начало в литературно-издательской практике конца XIX — начала XX века, когда в России и Украине известные книгоиздательства как например Ф. Ф. Павленкова, «Літературно-наукова бібліотека» И. Франка параллельно с выпуском солидных, основательных книг, рассчитанных на состоятельного покупателя, развернули издание массовым тиражом научно-популярной литературы, доступной по цене каждому гражданину и удобных для чтения в любой обстановке (в дороге, на отдыхе), поскольку книги эти издавались в формате «покетбук». Такие книги непременно заказывались известному ученому, общественному деятелю, авторитет которого был непререкаем, а потому изданные в таком формате книги обязательно раскупались и служили повышению культурного, интеллектуального уровня читателя.

Среди работ издательства «Фолио» заметным событием в культурной жизни стали циклы научно-популярных изданий «Знаменитые люди планеты» и «Знаменитые события истории Украины», особенно цикл научно-популярных изданий, посвященных знаменитым деятелям Древней Руси, России, Российской империи, созданных одним из авторитетных харьковских историков зав. кафедрой истории России исторического факультета Харьковского национального

университета имени В. Н. Каразина, профессором В. М. Духопельниковым.

В 2010–2011 гг. увидели свет и нашли своего читателя три новые книги В. М. Духопельникова, которые на первый взгляд посвящены событиям разных эпох. Однако на самом деле их можно смело рассматривать в комплексе, ибо связующей нитью для них является одна проблема: реформаторские усилия царей Ивана IV и Петра I, их эффективность, длительность и степень укорененности в политическую, экономическую, культурную жизнь страны.

Работы, посвященные жизни и деятельности руководителей России XVI и XVIII вв. убедительно свидетельствуют, сколь сложен и тернист процесс принятия решений, которые коренным образом меняют жизнь огромной страны, затрагивают судьбы миллионов людей. В. М. Духопельников показывает, как иногда ближайшие сторонники Ивана Грозного (А. Адашев, А. Курбский, Сильвестр) и даже родственники Петра Первого не воспринимали начинания царей. Автор обращает внимание на объективные и субъективные стороны процесса реформирования страны, тесно увязывая судьбы людей с особенностями не только личных характеров, но и культурно-исторической эпохи.

Книги «Иван Грозный» и «Петр I» имеют много общего, что характерно для произведений, посвященных персоналиям. Двух ярких правителей России отделяет 100 лет. Их объединяет желание и стремление укрепить Россию, вывести ее на передовые позиции в Европе. Формально автор не приводит параллелей в описании деятельности государей, но незримо эта линия присутствует. Оба царя рано остались без отцов. До совершеннолетия, практически, были предоставлены сами себе. Это, во многом, закалило их, сформировало характер, определило сторонников и противников. Для укрепления Российского государства оба провели реформы государственного и местного управления, реформы в армии. Петр I пошел дальше своего предшественника, создал Военно-морской флот. Оба старались поднять культурный уровень, приглашали иностранцев, у которых перенимали знания и практические навыки работы.

В работах интересно представлен материал о взаимоотношениях центральной власти и церкви. Иван и Петр всю свою жизнь оставались верующими православными людьми. Но это не мешало им наносить серьезные удары по церковной организации, о чем убедительно свидетельствует материал рецензируемых книг.

Однако в работах четко прослеживается и различия в понимании царями власти. Иван понимал свою власть, как данную богом. В письме к своему противнику Андрею Курбскому он писал: «Нет власти, кроме власти данной Богом». В этой связи: «Мы вольны казнить или миловать». Т. е. государство — это царь, чья власть переросла в деспотию. Петр же на первое место ставил государство, а себя считал его служащим. Это он хорошо выразил в своем обращении к воинам перед решающей битвой под Полтавой: «Вы идете сражаться не за Петра, а за государство ему врученное».

Несомненным достоинством публикаций является то, что автор стремится показать личность или события такими, какими их запечатлели документы и современники. Так, свое повествование о «Крымской войне» он начинает с письма поэта и дипломата Федора Тютчева своей жене 24 февраля 1854 г., в котором автор в резких тонах говорит о просчетах во внешней политике России, что, по его мнению, и привело к поражению России.

В. М. Духопельников, как историк, хорошо зная, как развивались события Крымской войны, и каков результат войны стремится найти новые малоизвестные свидетельства и на их основе показать героизм солдат, матросов, офицеров в борьбе за свободу своего отечества. В подтверждение этого автор приводит слова писателя Л. Н. Толстого, сказанные им в письме к брату (ноябрь 1854): «Дух в войсках выше всякого описания. Во времена древней Греции не было такого геройства. Корнилов, объезжая войска, вместо «здорово ребята!» говорил: «нужно умереть, ребята, умрете?» и войска отвечали «умрем, ваше превосходительство, ура!». И это совсем не эффект, а на лице каждого написано было, что не шутя, и взаправду, уже 22 000 исполнило это обещание». Это тот героизм российского человека, который во все времена поражал иностранцев, которые и по сей день не могут разгадать душу русского человека. В этой связи на память приходят слова Федора Тютчева:

«Умом Россию не понять,
аршином общим не измерить;
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить!»

В стремлении раскрыть душу, показать характер, патриотизм русского человека и состоит основная цель данного сочинения. И на наш взгляд она автору удалась.

Важной отличительной чертой рецензируемых книг является сочетание строгой научности с доступностью и легкостью изложения трудного материала. Для желающих углубиться в исторические подробности, книги снабжены списками научной литературы, которая тщательно подобрана и отражает достижения историографии разных эпох, разные концептуальные подходы относительно оценки деятельности героев, находящихся в центре повествования. Хотелось бы пожелать автору и издательству не останавливаться на достигнутом, продолжать серию. Так, логичным продолжением могли бы стать книги, посвященные реформаторским усилиям Александра II, особенно судебной, земской, городской реформам 1860—1870-х годов, событиям русско-турецкой войны 1877—1878 гг., русско-японской войны 1904—1905 гг., которые оказали значительное влияние не только на жизнь России, но и повлияли на украинское общество. В целом же, можно отметить, что появление этих работ позволяет глубже вникнуть в прошлое, в историю, найти корни нашего настоящего.

**Международная студенческая школа:
из опыта сотрудничества исторических
факультетов Харьковского и Белгородского
университетов**

Куделко С. М., Павлова О. Г.

Студенческая Международная школа «Историко-культурное наследие Еврорегиона «Слобожанщина» — это

удачно найденая одна из форм взаимного сотрудничества двух приграничных региональных научно-образовательных центров — Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина и Белгородского Национального исследовательского университета «БелГУ». Инициаторы создания этого проекта — исторические факультеты университетов, которые разработали для студентов-историков перспективную программу работы школы, посвященную проблемам памятниковедения. Кураторами школы стали деканы двух факультетов, соответственно с Харьковской стороны — проф. С. И. Посохов, с Белгородской — проф. И. Т. Шатохин, впоследствии доц. А. В. Папков.

Работа школы носит тематический характер под общим названием «Историко-культурное наследие Еврорегиона «Слобожанщина». Ежегодно для каждой школы определяется более конкретная тема. Главной целью занятий является приобретение знаний и навыков студентами исследование памятников в процессе изучения историко-культурного наследия Белгородской и Харьковской областей, а также выработка предложений по организации сохранения и актуализации историко-культурного наследия.

Историко-культурный регион «Слобожанщина» был создан в 2003 году, территориально включил приграничные Харьковскую и Белгородскую области. В основе такого регионального объединения важную роль сыграли и украинско-русские историко-культурные и этнотрадиции, отличающиеся определенной спецификой от других порубежных районов двух восточноевропейских стран. В современных условиях приграничные зоны являются источником тесного сотрудничества и активнх многовекторных контактов, среди которых важное место занимают культурные и образовательные программы, главными координаторами которых выступают также Харьковский и Белгородский университеты. Одной из форм реализации этого сотрудничества стало — проведение ежегодной осенней студенческой международной школы.

Определяя для проведения каждой школы специальную тему, связанную с определенным видом памятников, студенты имеют

возможность проследить развитие темы на основе созданных в разное время памятников. Это позволяет создать программу и построить работу школы (которая носит неродолжительный характер — одну неделю) с учетом организации лекционной программы, практических занятий и самостоятельной работы студентов. Такая разнообразная структура организации работы школы позволяет решить задачи образовательные, познавательные и воспитательные. В работе школы принимают участие 20 студентов — по 10 от каждого университета.

Первая школа под общим названием «Историко-культурное наследие Еврорегиона «Слобожанщина» проходила в Харькове на базе исторического факультета ХНУ имени В. Н. Каразина с 1 по 7 октября 2009 г. Студенты уже до начала школы были ознакомлены с программой школы и характером практических занятий, получили задания для самостоятельной подготовки.

В ходе её работы были прочитаны общетеоретические и специальные лекции: «Культурно-историческое наследие Слобожанщины. Типы и виды памятников», «Традиции и новации в поиске, изучении и популяризации памятников материальной и нематериальной культуры Слобожанщины. Новые направления в памятниковедении», «Антропологически направленная история и расширение источниковой базы науки» (А. И. Дудка); «Правовые основы деятельности по охране памятников истории и культуры в России и Украине» (Ю. В. Конов); «Проблема охраны и использования памятников культуры на материале еврорегиона «Слобожанщина» (Е. Н. Меньшикова); «Взаимодействие с представителями местного самоуправления, учреждениями культуры и образования. Проблема формирования имиджа региона» (С. М. Куделко); «Проблемы атрибуции памятников», «Категории памятников истории и культуры», «Проблемы консервации и реставрации памятников» (О. Г. Павлова); «Проблема мониторинга и состояния историко-культурного наследия» (А. В. Легейда); «Археологические памятники как туристический объект» (В. А. Сарапулкин).

Содержательными были и практические занятия, которые давали возможность студентам закрепить теоретический материал и получить навыки практической работы с памятниками. Например, занятие по заполнению паспорта историко-культурного объекта (О. Г. Павлова). Этому способствовали и организованные две дискуссии на темы: «Реестр памятников истории и культуры Харьковской и Белгородской областей. Общее и особенное. Существовали ли памятники в еврорегионе «Слобожанщина», имеющие право претендовать на статус всемирного культурного наследия?» (ведущий дискуссии — Д. В. Журавлёв) и «Частная собственность на памятники культуры: за и против» (ведущая дискуссии — Е. Н. Меньшикова).

Студенты были заранее ознакомлены с правилами проведения дискуссии, которая проходила в форме диспута. Например, одна из сторон защищала принципы передачи памятников культуры в частную собственность, другая — критиковала их. В ходе дискуссии студенты опирались на отечественный и мировой опыт в решении данного вопроса.

В работе школы была использована и такая форма организации работы как проведение круглого стола «Памятники ратной славы в России и Украине» (ведущий — Куделко С. М.), в котором приняли участие С. В. Потрашков, научные сотрудники Д. Бадаев, А. С. Коврижных.

Важной составляющей в организации работы школы стала разработка и обсуждение самостоятельных проектов студентов. Студенты до начала работы школы изучали и готовили материалы для проектов туристических маршрутов по указанным темам, анализируя памятники своих областей. Обсуждение вопросов создания современных туристических маршрутов по еврорегиону «Слобожанщина» проходило также во время круглого стола (модератор — С. М. Куделко). В ходе обсуждения обращалось внимание на такие аспекты как создание маршрутов территориально замкнутых в рамках Слобожанщины, а также сегментивно связанные со Слобожанщиной и разработка

туристического мегакольца вокруг Слобожанщины. В ходе круглого стола происходила также презентация разработанных проектов, обсуждалась возможность объединения их в единый туристический маршрут. Результатом работы школы стала подготовка и разработка пяти проектов тематических туристических маршрутов: «Поля ратной славы еврорегиона Слобожанщина (Великая Отечественная война)», «Археологические памятники еврорегиона «Слобожанщина», «Садово-парковые комплексы еврорегиона «Слобожанщина», «Памятники церковного искусства еврорегиона «Слобожанщина», «Еврорегион «Слобожанщина» — родина великих людей». На основе составленного в ходе работы списка семи мирового значения памятников еврорегиона Слобожанщина был разработан проект общего обзорного туристического маршрута по еврорегиону «Слобожанщина».

Занятия Школы поочередно проводятся на базе Харьковского и Белгородского университетов. Соответственно вторая школа (с 20 по 25 сентября 2010 г.) проводилась на базе Национального исследовательского университета «БелГУ». Определяющей тематикой для ее проведения было избрано этнокультурное наследие Слобожанщины. В соответствии с темой и памятниковедческой направленностью школы для организации проведения занятий активно использовались возможности музейных учреждений, которые зачастую и стали базой для их проведения (Белгородский государственный музей народной культуры, Центр народной культуры в с. Купино, Шебекинского района, Белгородская Пушкинская библиотека-музей и др.).

Лекционная тематика также касалась общих и специальных проблем историко-культурного развития Еврорегиона («Проектный менеджмент» — А. И. Кувшинов, «Белгородская засечная черта» в истории и культуре Слобожанщины» — А. И. Папков, «Вклад в развитие отечественной культуры дворян из родов Голицыных и Говорухо-Отроков» — А. Н. Крупенков, «Памятники нематериальной культуры Слобожанщины» — С. М. Куделко, «Традиционный костюм Слобожанщины» — Л. В. Якубенко, «Традиционная кухня Слобожанщины» — Г. К. Анкудинова а также «Русско-украинские культурные связи Слобожанщины», «От

прошлого к настоящему: ценности, обряды, праздники народного календаря» и др.).

В ходе работы школы были использованы и другие формы. Например, проведение практического семинара «Народные игры Слобожанщины» и мастер-классы народных умельцев. Студенты работали над подготовкой проектов в рамках темы «Помним, храним, возрождаем народные ремесла» и готовили проекты виртуальных экскурсий «Имена знаменитых земляков на карте Слобожанщины». В ходе этой работы студенты имели возможность высказать свои точки зрения, сравнить их и выработать общие подходы о едином этноисторическом и этнокультурном пространстве Слобожанщины.

Практическая работа студентов была направлена на разработку проектов музеев «под открытым небом» на территории Харьковской и Белгородской областей. Один из них — «Люботин» на базе исторического центра в г. Люботин Харьковской обл.; аналогичный «Эпоха» на базе усадьбы Мухановых в Белгородской области. Оба проекта представляют специфику этнокультурной общности, где переплелись украинско-русские традиции, каждый музейный комплекс — это синтез национальных образов русских и украинцев, передающий этнокультурную уникальность пограничного региона.

Третья школа проходила с 12 по 18 сентября 2011 г. под патронатом депутата Харьковского областного совета Р. В. Шаповала, при поддержке Харьковской областной станции юных туристов и других историко-культурных учреждений Харькова. Она была посвящена проблемам церковного памятниковедения и проводилась в рамках соответствующей темы — «Памятники православной культуры Слобожанщины: (к 100-летию канонизации Святителя Иоасафа)».

Во время занятий были использованы разные формы работы. В соответствии с программой были запланированы лекционные и практические занятия, экскурсии, во время которых студенты получили теоретические знания и приобрели практические навыки анализа памятников церковного искусства, посетили музеи, духовные святыни города Харькова и области.

В частности, при благословении митрополита Харьковского и Богодуховского Никодима и викария Харьковской епархии архиепископа Онуфрия, студенты совершили экскурсии по территории Свято-Покровского монастыря, Свято-Пантелеймоновского храма, посетили иконописную мастерскую Харьковской епархии, ознакомились с экспозицией Церковно-исторического музея и др. о. Максим (Талалай) познакомил студентов с историей и достопримечательностями Харьковской епархии. Помощь в организации заключительного заседания оказали настоятель Свято-Пантелеймоновского храма о. Николай (Терновицкий), о. Владимир (Швец), преподаватель семинарии и воскресной школы Свято-Пантелеймоновского храма П. Е. Михалицын и преподаватель воскресной школы Свято-Пантелеймоновского храма В. А. Нестеренко.

К работе школы были привлечены специалисты в области церковного памятниковедения (О. И. Денисенко, А. И. Дудка, А. В. Легейда, А. Д. Каплин, С. М. Куделко, Г. Д. Панков, О. Г. Павлова, Т. В. Панёк, В. О. Сарапулкин, В. Ф. Титинюк, Н. М. Чурилова, о. Максим (Талалай), о. Владимир (Швец) и др.). Занятия проводились на базе историко-культурных учреждений и научных центров Харькова. В частности, студенты познакомились с иконописной коллекцией Харьковского художественного музея, а на базе Харьковского филиала национального научно-исследовательского реставрационного центра Украины — с проблемами сохранения памятников церковного искусства. С иконописными традициями студентов познакомила заведующая кафедрой изобразительного искусства Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды проф. Т. В. Панёк; с основами духовной философии монашеской жизни — проф. Харьковского университета имени В. Н. Каразина Г. Д. Панков.

Студенты также осуществили выездные экскурсии в Святогорскую Лавру (Донецкая обл.) и Национальный литературно-мемориальный музей Г. С. Сковороды в с. Сковородиновке.

В ходе работы этой школы также достаточно было отведено времени для самостоятельной работы студентов, выполнении творческих заданий, подготовки и защиты проектов новых туристических маршрутов, которые объединяют духовно-церковные центры и памятники Харьковщины и Белгородщины в единую систему. Результатом работы студентов стало подготовка и презентация следующих проектов: «В поисках чуда: Памятники церковной архитектуры Слобожанщины», «Монастыри Слобожанщины», «Религиозные памятники Слобожанщины», «Памятники церковного искусства в музеях Слобожанщины», «Чудотворные иконы Еврорегиона Слобожанщина».

Для проведения четвертой осенней студенческой школы была определена тема: «Памятники военно-исторического прошлого Слобожанщины», которая проводилась на базе Белгородского университета с 26 сентября по 2 октября 2012 г. В процессе подготовки к школе ее будущие участники изучали отдельные проблемы темы, например, «Курская битва: оборонительный (Белгород) и наступательный (Харьков): этапы битвы на Южном фланге», «Харьковская и Белгородская область в период оккупации», «Белгород и Харьков — город в войне», «Герои войны», а также собрали материал для создания виртуальных маршрутов экскурсий. Для этого была создана база данных памятников, посвященных Великой Отечественной войне, созданных в советскую эпоху и в период независимых государств. Были представлены проекты: «Военная повседневность: что мы о ней знаем и помним», «Повседневность войны в экспозициях музеев», «Героическое в памятниках и экспозициях музеев» и др., а также проведен интерактивный опрос по теме «Память о войне у современного населения Харькова и Белгорода».

В ходе реализации программы школы были прочитаны тематические лекции ведущими специалистами в области истории Великой Отечественной войны, а также проведены круглые столы. Практическое изучение темы проходило на базе музейных комплексов и музеев, посвященных военно-историческому прошлому Белгородчины — мемориальный

комплекс «Курская дуга», Государственный военно-исторический музей-заповедник «Прохоровское поле», Государственный Поньровский историко-мемориальный музей Курской битвы, музей-диорама «Курская битва. Белгородское направление», Музей УВД Белгородской области.

Совместно с сотрудниками музеев были проведены практические занятия по темам: «Роль военно-исторических экспозиций в военно-патриотическом воспитании и формировании гражданственности», «Возможности музейной экспозиции в проведении экскурсии военно-патриотической направленности», «Технология подготовки экскурсии», «Маршрут экскурсии. Контрольный текст экскурсии». На базе ОГУ «Государственный архив новейшей истории Белгородской области» проведено также было и практическое занятие «Использование архивных материалов в подготовке экскурсии по местам боевой славы Слобожанщины».

Особенностью этой студенческой школы стало проведение экскурсий самими участниками, что дало им возможность продемонстрировать навыки и умения экскурсионной деятельности. Результатом работы стала презентация подготовленных участниками школы виртуальных тематических маршрутов: «Харьков и Белгород в годы Великой Отечественной войны», «Герои Великой Отечественной войны на Слобожанщине», «Музеи и экспозиции, посвященные Великой Отечественной войне», «Оккупация Слобожанщины». Студенты обсуждали проблемы повседневной жизни в годы Великой Отечественной войны. Важным для дальнейшей практической реализации туристических проектов участников школы было проведение брифинга с участием представителей Департамента образования г. Белгорода и туристических фирм, которые проявили интерес к работе школы.

На заключительном заседании школы были подведены итоги и намечены перспективные планы, зафиксированные в принятой резолюции. Среди важных задач было отмечено издание туристических маршрутов, разработанных студентами и создание промо-сайта школы.

Один из маршрутов, в преддверии 70-летия освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков, уже издан. Ведется работа по подготовке к изданию и других экскурсионных маршрутов.

Программами работы школы предусматриваются и культурные мероприятия, во время которых студенты имели возможность посетить театры и концерты, организованные филармониями Харькова и Белгорода, организовать неофициальные дружеские встречи.

Работа школы широко освещалась на сайтах Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, Белгородского государственного университетов, сайте еврорегиона «Слобожанщина», Укринформ и других информационных изданиях и сайтах Белгорода, Харькова и Украины, в СМИ.

Сегодня мы имеем опыт проведения четырех школ. Заложенные традиции работы школы развиваются во время проведения каждой последующей школы. Важной составляющей перспективного развития является создания стабильных форм взаимодействия участников во время подготовки к школе, что помогает более продуктивно работать в ходе занятий и выполнения заданий. Наиболее целесообразным оказалось создание в процессе работы школы совместных творческих групп из числа харьковских и белгородских студентов. Следует отметить, и еще один важный принцип школы — это активное участие и самих студентов в организации подготовки школы.

Программа школы очень насыщена и разнообразна. В содержательном плане можно выделить следующие ее составляющие: лекционно-семинарская с интерактивным компонентом, познавательно-экскурсионная, культурно-воспитательная, что предполагает организацию общения студентов (придавая ему определенную направленность в соответствии с темой школы и с использованием возможности закрепления полученных знаний и приобретенных навыков).

О растущем авторитете школы свидетельствует и интерес к ней со стороны наших московских, донецких и черниговских коллег.

Примечания

1. *Программа* работы III Международной осенней студенческой школы «Историко-культурное наследие Еврорегиона Слобожанщина» «Памятники православной культуры Слобожанщины: (к 100-летию канонизации Святителя Иоасафа)» (12-18 сентября 2011 г.). — Х., 2011.
2. *Еремеев П.*, Кириллов С. Осенняя студенческая школа «Историко-культурное наследие Еврорегиона «Слобожанщина» / П. Еремеев, С. Кириллов // *Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Збірник наукових праць.* — Х., 2009. — Вип. 12.
3. *Красько О.*, Проценко М. IV Международная осенняя студенческая школа «Историко-культурное наследие Еврорегиона Слобожанщина» / О. Красько, М. Проценко // *Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Збірник наукових праць.* — Х., 2012. — Вип. 15.
4. *Труш С. П.* Международная студенческая школа «Историко-культурное наследие Еврорегиона Слобожанщина» / С. Труш // *Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Збірник наукових праць.* — Х., 2010. — Вип. 13.

Список скорчень

ВНС — Всероссийский национальный союз

ГАЛ ЛГП — Государственный архив в Люблине, Люблинское государственное правление

ГАХО — Государственный архив Харьковской области

ЗСЧГ — Земский сборник Черниговской губернии

ЖМНП — Журнал Министерства Народного Просвещения

КГПУ — Костромской государственный педагогический университет

ПСЗРИ — Полное собрание Законов Российской империи

ЦДАК — Центральний державний історичний архів України

ЯГУАК — Ярославская губернская учёная архивная комиссия

ЯГПИ — Ярославский Государственный Педагогический Институт

Відомості про авторів

Бакуменко Олена Олексіївна — кандидат іст. наук, доцент кафедри українознавства та політології Української інженерно-педагогічної академії (Харків, Україна)

Білоусов Сергій Владиславович — доктор іст. наук, доц., завідувач кафедрою загальної історії, історіографії та археології Пензенського державного педагогічного університету імені В. Г. Бєлінського (Пенза, Російська Федерація)

Бучаста Світлана Іванівна — аспірант кафедри історії і культури України Державного вищого навчального закладу «Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет імені Григорія Сковороди» (Переяслав-Хмельницький, Україна)

Ващенко Алла Василівна — кандидат іст. наук, доцент, кафедри всесвітньої історії Інституту історії, етнології та правознавства імені О. М. Лазаревського Чернігівського державного педагогічного університету імені Т. Г. Шевченка (Чернігів, Україна)

Ганкевич Віктор Юрійович — доктор іст. наук, професор кафедри історії України Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського (Сімферополь, АР Крим, Україна)

Горак Артур — асистент кафедри архівознавства Університету Марії Склодовської-Кюрі (Люблін, Польща)

Гула Руслан Володимирович — кандидат історичних наук, доцент кафедри гуманітарних наук Академії сухопутних військ імені гетьмана П. Сагайдачного (Львів, Україна)

Желтобородов Олександр Миколайович — кандидат іст. наук, доцент кафедри гуманітарних наук Харківської державної академії фізичної культури (Харків, Україна)

Йолкін Анатолій Іванович — кандидат іст. наук, доцент кафедри нової та новітньої історії Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна (Харків, Україна)

Казьмирчук Марія Григорівна — кандидат іст. наук, доцент кафедри української історії та етнополітики Київського національного університету імені Тараса Шевченка (Київ, Україна)

Куделко Сергій Михайлович — кандидат іст. наук, проф. кафедри історіографії, джерелознавства та археології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна (Харків, Україна)

Кудь Анастасія Олександрівна — аспірантка кафедри історіографії, джерелознавства та археології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна (Харків, Україна)

Лапіна Міліца Сергіївна — кандидат філолог. наук, доц. Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна (Харків, Україна)

Марасанова Вікторія Михайлівна — доктор іст. наук, проф., завідувач кафедри музеології та краєзнавства Ярославського державного університету імені П. Г. Демідова (Ярославль, Російська Федерація)

Павлова Ольга Григорівна — кандидат іст. наук, доцент кафедри історіографії, джерелознавства та археології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна (Харків, Україна)

Потрашков Сергій Васильович — доктор іст. наук, проф. кафедри історії Росії Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна (Харків, Україна)

Рахно Олександр Якович — кандидат іст. наук, доцент, завідувач кафедри історії та археології України Чернігівського національного педагогічного університету імені Т. Г. Шевченка (Чернігів, Україна)

Сеніна Лілія Володимирівна — аспірантка кафедри всесвітньої історії Чернігівського національного педагогічного університету імені Т. Г. Шевченка (Чернігів, Україна)

Стрілюк Олена Борисівна — кандидат іст. наук, доцент кафедри всесвітньої історії Інституту історії, етнології та правознавства імені О. М. Лазаревського Чернігівського національного педагогічного університету імені Т. Г. Шевченка (Чернігів, Україна)

Шаповалов Володимир Анатолійович — доктор іст. наук, проф. кафедри російської та загальної історії Національного дослідного університету «Белгородський державний університет» (Белгород, Російська Федерація)

Шаповалова Світлана Петрівна — кандидат іст. наук, доцент кафедри документознавства Національного дослідного університету «Белгородський державний університет» (Белгород, Російська Федерація)

Шатохін Іван Тихонович — кандидат іст. наук, проф. кафедри російської та загальної історії Національного дослідного університету «Белгородський державний університет» (Белгород, Російська Федерація)

Шатохіна Світлана Богданівна — кандидат іст. наук, ст. викл. кафедри російської та загальної історії Національного дослідного університету «Белгородський державний університет» (Белгород, Російська Федерація)

Чорний Дмитро Миколайович — доктор іст. наук, проф. кафедри історії Росії Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна (Харків, Україна)

Ячменіхін Костянтин Михайлович — доктор іст. наук, проф., завідувач кафедри всесвітньої історії Чернігівського національного педагогічного університету імені Т. Г. Шевченка (Чернігів, Україна)

Наукове видання

ВІСНИК

Харківського національного університету
імені В. Н. Каразіна

№1050

Серія «ІСТОРІЯ»

Випуск 46

Спеціальний випуск

Українською, російською та англійською мовами

Відповідальний за випуск Ручинська О. А.

Комп'ютерне верстання М. В. Гречишкіна
Макет обкладинки І. М. Дончик

При оформленні Вісника були використані гравюри російського художника-гравера Лаврентія Авксентійовича Серякова (1824—1881).

Підписано до друку 03.04.2013. Формат 60×84/16.

Папір офсетний. Друк ризо графічний.

Ум. друк. арк. 15,0 Обл.-вид. арк. 17,6

Тираж 150 пр. Ціна договірна. Зам. №

61022, Харків, майдан Свободи, 4
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Надруковано: Видавництво ХНУ імені В. Н. Каразіна
61022, Харків, майдан Свободи, 4
Тел. 705-24-32

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи: ДК№3367 від 13.01.09